

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ. Том 2. Пусть консулы будут бдительны

ЭКСМО

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том 2. Пусть консулы
будут бдительны

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том первый. МЫ ЧУЖДЫ ЛОЖНОГО СТЫДА!

Том второй. ПУСТЬ КОНСУЛЫ БУДУТ БДИТЕЛЬНЫ

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том второй

ПУСТЬ КОНСУЛЫ БУДУТ БДИТЕЛЬНЫ

ЭКСМО

МОСКВА

2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3-45

Оформление серии *E. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на обложке *А. Дубовика*

- 3-45 **Звягинцев, Василий Дмитриевич.**
Величья нашего заря. Том 2. Пусть консулы будут
бдительны : фантастический роман / Василий Звя-
гинцев. — Москва : Эксмо, 2014. — 416 с. — (Русская
фантастика).

ISBN 978-5-699-76621-5

Это из зрительного зала кажется, что марионетки
пляшут сами по себе, а стоит зайти за кулисы, тут тебе и
картонные домики, и барабан вместо грома и кукловод,
который, умело дергая за ниточки, создает целый мир и за-
ставляет нас поверить в его реальность. Но кукловоду не
всегда удается оставаться невидимым, приходит время и
ему выйти на поклон к публике. Так получилось и на этот
раз, третья сила, загадочный «кукловод», который постоянно
вмешивался в дела «Андреевского братства», вынужден был
проявиться и стать доступным для общения с оппонентами.
Чем не замедили воспользоваться Вадим Ляхов и Дмитрий
Воронцов, каждый со своей стороны приложивший макси-
мум усилий, чтобы наконец добраться до источника ини-
циатора глобальных комбинаций на шахматной доске исто-
рии. Станет ли эта партия решающей и для кого?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-76621-5

© Звягинцев В., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России,
Опять шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря.
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

Безумцы мелкие, вы правы.
Мы чужды ложного стыда!
Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.
Веленьям власти благотворной

Мы повинуемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его, как за свою.

Но честь России невредима,
И вам, смеясь, внимаёт свет...
Так в дни воинственного Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шёл Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наёмный клеветник.

М. Лермонтов. 1835 г.

Как конкистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растёт туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конкистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

Н. Гумилёв

ГЛАВА ПЕРВАЯ

 оронцов с Арчибалдом вполне дружески беседовали, сидя в любимом баре Дмитрия, ещё в том, что он сумел создать силой воображения в свой первый день появления в Замке. Когда вообще никакого «Братства» ещё не было и сам он совершенно не понимал, как и для чего Антон организовал его перемещение. Вот как иногда заканчиваются со-

Примечание к титлу. Videant consules, ne quid res publica detrimenti capiat (лат.) — «Пусть консулы будут бдительны, дабы государство не претерпело ущерба». Формула чрезвычайного сенатского постановления (*senatus consultum ultimum*) в Древнем Риме, означавшая введение чрезвычайного положения с предоставлением консулам диктаторских полномочий. Употребляется как предупреждение об опасности, как призыв к бдительности.

вершенно невинные и ни к чему вроде бы не обязывающие разговоры со случайно встреченными людьми. Впрочем, гораздо раньше и лучше этот постулат сформулировал Булгаков.

Но его почти что врождённая привычка легко относиться к любым поворотам судьбы здесь, в Замке, только укрепилась. И «самопровозглашённого человека», если употреблять современную стилистику, он воспринимал без тех предрассудков, что ощущались у некоторых его соратников. Они — это они, а Воронцов начинал свою сильную партию здесь, он её и продолжит, невзирая на... Мало ли что в данный момент некоторая часть Замка приняла такой вот *антропоморфный* образ. Не в этом же совершенно дело.

Дмитрий в самые первые минуты «знакомства» ощущил с этим немыслимой природы существом (именно существом, не безличным объектом он сразу воспринял Замок) взаимную приязнь, так оно и продолжалось. А Арчибалльд что? Звучит, может, немножко кощунственно, но нельзя ли провести аналогию между парами: «Арчибалльд — Замок» и «Бог-отец и Христос»? И та и другая существовали одновременно, были, как говорится, «единосущны», но по всей имеющейся информации Иисус в период своего земного существования и был Богом, и одновременно им, безусловно, не был, сохраняя полную человеческую сущность. Иначе к кому бы он обращался с мольбою: «Да минует меня чаша сия!» К самому себе, что ли?

То же самое и относительно взаимного позиционирования Арчибалльда и Замка. Первый, об-

ладая набором отпущенных ему для выполнения задания способностей, никоим образом не равновелик породившей его Сущности. Которая, в свою очередь, тоже кем-то изготовлена, выращена или на крайний случай — допущена к автономному существованию, являясь всего лишь порождением случайного сочетания атомов или нейронных связей Мировой сети.

Дмитрий усмехнулся: сейчас бы ему в компанию Шульгина, в той его ипостаси, где он подражает Арамису из «виконтовского» трёхтомника. Потешились бы они богословским спором за стаканчиком амонтильядо...

— Ты подбери мне одёжку, чтобы я именно с твоей точки зрения выглядел достойным членом клуба, да и пойдём, — сказал он, отставляя бокал с недопитым соком манго. Негромко звякнули о хрусталь кусочки льда.

— Ты хочешь изображать нынешнего члена клуба или?.. — спросил Арчибальд, который, несмотря на своё безразличие к условиям, тоже чувствовал себя с этим собеседником гораздо комфортнее, чем с Сильвией, например.

Воронцов это сразу заметил и подумал, что любые рассуждения о «человеческом» и «нечеловеческом» разумах заведомо бессмысленны. На самом деле — Замок на второй день знакомства извлёк из памяти Дмитрия очень глубоко запрятанное воспоминание о его неудачной любви. Сумел разобраться в психологии Натальи прошлой и смоделировал её нынешнюю. На ос-

новании этого создал сначала голограммическую копию, а потом разыскал в далёкой Москве прототип и *дистанционно переформатировал* вполне взрослое и самостоятельное существо под представления уже другого Воронцова, изменившегося и под влиянием самого пребывания в Замке, и в ходе знакомства с «макетом» женщины, которую считал навсегда потерянной. И самое главное — Наталья после всего этого сохранила и лучшую часть своей подлинной личности и стала воплощением придуманного идеала. Причём — эта мысль пришла Воронцову в голову только что — он ведь так и не понял, чей «придуманный идеал» воплотил Замок, его или самой Натальи?

Но если это так, то он смог бы сделать то же самое с любым человеком на Земле. Превратить умирающего Брежнева обратно в стройного красавца, придав ему заодно тонкость и изощрённость мысли Макиавелли, красноречие Дизраэли и реформаторский настрой Петра Великого, разбавленный мудростью и кротостью Серафима Саровского, вместе с эрудицией... Ну, хоть академика Лихачёва. Как бы тот реформировал СССР и саму идею социализма? Но Замок этого не сделал. Потому что это не по силам даже ему или?..

А вот тут возникает очередной проклятый вопрос — как можно судить, что Замок с кем-то сделал или не сделал? Контрольного-то образца под руками не имеется. Что, если необходимые изменения давно произведены и всё обстоит, как описал Марк Твен в «Таинственном незнакомце»? Предложенный вариант — лучший из возможных. Просто мы не в состоянии представить, что в «моральном кодексе» высшего существа

считается «лучшим», а что «худшим». Вернее — наши и его представления на эту тему настолько расходятся...

Вот Замок свёл Антона с Дмитрием на ступенях Ново-Афонского храма, преследуя какие-то свои цели, и с этого момента потянулась совершенно другая цепочка причин и следствий¹, пока что весьма и весьма для Воронцова благоприятных. Но для миллионов людей, втянутых в эту же, совершенно не предусмотренную прежним «коловращением жизни» воронку событий — полная катастрофа, нравственная, а то и физическая.

Новиков как-то предположил, что так называемая «перестройка» и всё с ней связанное как раз и случилось оттого, что именно в этот момент вся их компания окончательно сформировалась, начала действовать, смешала карты и агграм, и форзейлям, а потом вообще исчезла с Главной Исторической (а можно ли её теперь так называть?) последовательности. Даже только это — благо или зло? Вот, к примеру — ты сделал нечто, и вследствие этого, допустим, началась война. Некий условный человек попал на неё и провоевал четыре года, ежедневно эту войну и все свои тяготы и лишения проклиная. Но откуда ему знать, что не начнись война, он поехал бы кататься со всей многочисленной семьёй на велосипедах, и все они погибли бы под колёсами самосвала, управляемого пьяным водителем. И этот пример касается каждого из миллионов людей по обе стороны фронта.

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку» — «Критерии отбора».

Нет, Замок сам по себе, или нахождение в нём, влияет на Дмитрия очень странным образом. Сейчас, например, на философствования потянуло, а первый раз — на подвиги, и не только военные.

— Я хочу, чтобы мы прямо сейчас отправились в тот Лондон, где ты развлекался в «Хантер-клубе», — прервал грозящий стать беспосадочным полёт своего воображения Воронцов. — В имперской реальности, в день, отстоящий на две недели от планируемого нападения на Россию. Если это не создаёт какого-то парадокса или анахронизма. Там ты потребуешь у премьера немедленной аудиенции...

— Нет проблем. Но в качестве кого ты хочешь появиться перед Уоллесом? Членов клуба он знает всех...

— А ты используй свои *сверхъестественные способности* и вспомни человека, который может считаться там одним из предводителей того, что наши конспирологи называют *Мировой закулисой*. Она ведь наверняка существует, в том или ином виде, и кто-то ею руководит. Ваш «Хантер» — средоточие олигархов¹ «Системы», а

¹ У нас принято называть олигархами лишь людей, обладающих гигантскими, как правило, нечестно нажитыми состояниями, даже безотносительно к их отношению к государственной политике. На самом же деле «олигархия» — «власть немногих» (греч.) — государственное устройство, где вся полнота власти принадлежит узкой группе лиц, объединённых каким-то общим признаком (богачи, военные, верхушка криминала, Политбюро ЦК КПСС). Олигархи могут быть практически нищими — у членов Политбюро и самого Сталина не было никакой собственности, кроме немногих личных вещей, но — абсолютная полнота власти.

что на ступеньку или две выше? Ну?! Кто бреет цирюльника?!

Лицо Арчибальда изобразило сомнение, потом что-то в нём неуловимо изменилось. Воронцов догадался, что робот переходит на иной уровень личности, подключаясь, возможно, к ранее недоступным ему структурам Замка. В принципе так меняется обычный человек, вдруг получивший известие, что сего числа он произведён в высший чин с соответствующим изменением функций и статуса. Был, допустим, камер-юнкером и вдруг стал камергером².

Тон голоса у андроида тоже стал другим.

— Я не уверен, что тебе сейчас нужно знать всё это в подробностях. Мне кажется, время ещё не пришло, и от лишней информации будет больше вреда, чем пользы... — так и есть, это нотки очевидно надмирного происхождения.

— Мы же знаем о Держателях, Игроках, Ловушках...

— А что вы знаете? — несколько даже вкрадчиво спросил Арчибальд.

¹ Одна из так называемых апорий Зенона. «В деревне живёт цирюльник, который бреет всех, кто не бреется сам. Кто бреет цирюльника?»

² К а м е р - ю н к е р — младшее придворное звание для лиц, имевших чин V—VIII (применительно к армии: майор — полковник) классов, камергер — старшее придворное звание для лиц III и IV классов (генерал-майор — генерал-лейтенант). Действительный камергер — высший придворный чин I—II классов (полный генерал — генерал-фельдмаршал). Так что зря Пушкин возмущался, что царь ему «камер-юнкера» дал. В тридцать лет майор — совсем неплохо. Лермонтов армейским поручиком умер. Гумилёв тоже.

И Воронцову пришлось покаянно развести руками. Но всё равно не смолчал: «Ничего. И то не всё». Шутка — она есть признак самообладания и адекватного отношения к окружающему.

Арчибалд сдержанно хохотнул.

— Так я и не настаиваю, чтобы ты мне сейчас всю мировую подноготную открыл, — уточнил свою позицию Воронцов. — Вспомни имя сильного мира, которое для Уоллеса окажется настолько авторитетным, что других вопросов не возникнет. Пусть оно будет даже несколько легендарным, это не важно. А меня пусть воспримут, грубо говоря, *тринацдатым сионским мудрецом*.

Арчибалд опять издал звук, будто подавлял очередное желание рассмеяться в голос.

— Я с самого начала понял, что ты очень остроумный и... свободный от условностей человека. И когда с Антоном разговаривал, и когда... со мной.

— А чего теряться? Такой уж уродился. Правда, земному начальству это, в отличие от тебя, не сильно нравилось.

— Ну, адмиральских чинов ты всё же достиг, и гораздо раньше, чем в прошлой жизни.

— Это да, — согласился Дмитрий. Останься он служить дальше, больше, чем кап-два, ему ни за что не дали бы. Ну, на самый крайний вариант — кап-раз при выходе в отставку.

— Но как всё же с моим пожеланием? Есть такой человек или группа людей, в достаточной мере известных премьеру? Или вы его играете

втёмную и клуб для него — альфа и омега мировой политики?

— Разумеется есть. И премьер Англии знает, что он есть, хотя с ним лично никогда и не встречался. Но как раз это совсем не существенно. Небольшого напоминания будет достаточно. Ты правильно сообразил: на определённом уровне каждый, признанный достойным быть допущенным к «свободным выборам» или к назначению на ключевую должность, получает свою долю «мировых тайн». К мнению членов «Хантер-клуба» просто прислушиваются, и только в Англии, но есть имена, при упоминании которых самые самоуверенные лидеры теряют всякий кураж. Тебе ведь приходилось видеть, как главы великих, причём конфронтирующих держав непонятным образом действуют в унисон и, что очевидно для всех понимающих — во вред своим же государствам?

— Очевидно для всех, но никто не удивляется, — кивнул Воронцов. — Всегда найдутся «независимые эксперты», которые объяснят смысл происходящего с десятка точек зрения, кроме верной...

— А если кто случайно назовёт истинную причину, тут же наготове стандартный набор методик, от обвинения в «конспирологии» до многозначительного — «Политика — это искусство возможного».

— Бывает — и пуля в голову...

Арчибалд только кивнул в ответ, двумя пальцами вытащил из нагрудного кармана пиджака визитную карточку и протянул её Воронцову.

— В подходящий момент покажешь...

На стандартного размера прямоугольнике тёмно-вишнёвого картона (совсем вроде неподходящий цвет) выпуклыми готическими буквами было вытиснено серебром: «Магнус Теофил Сарториус» — и ничего больше. Именем с фамилией это считать, названием фирмы по торговле дамской галантереей или заклинанием — вопрос фантазии.

— Спасибо, — кивнул Дмитрий, пряча визитку в карман. — Что-то вроде «Лаксианского ключа»?¹ А как насчёт риска, что, отойдя от должности, тот же мистер Уоллес не захочет забыть о подобном способе «решать вопросы» уже в чисто личных интересах?

Арчибалд посмотрел на него с долей сожаления.

— Я думал, подобного вопроса у тебя не возникнет. Люди, на которых есть виды, проходят достаточно подробный инструктаж. А если тем не менее начинают вести себя неправильно, вопрос решается так, что лишнего клиент сказать и сделать не успевает. В истории достаточно примеров вроде «Тайны убийства братьев Кеннеди» или «Смерти принцессы Дианы». Впрочем, по поводу смертей Сталина и Рузвельта тоже есть соображения. У конспирологов.

¹ См. одноименный рассказ Р. Шекли.

— Благодарю, теперь мне всё совершенно ясно...

— А всё ли? Ты же сам готовишься ступить на этот же путь...

— Ах, как сказали бы в Одессе, «я с вас смеюсь». Ты бы меня чуть раньше предупредил, когда Антон меня к тебе в гости послал. Так, мол, и так, в июль сорок первого ходить не надо, там стреляют... Чего же промолчал?

В этот же момент Арчибалд вернулся в прежнее качество. Это трудно объяснить словами, но несколько похоже на то, как актёр заканчивает свою мизансцену (может быть — ключевой монолог), под аплодисменты уходит за кулисы и в долю секунды, пересекая границу сцены, из какого-нибудь Юлия Цезаря или Макбета превращается в Ивана Петровича Сидорова, хотя и «заслуженного», но всё равно глубоко заурядного гражданина.

— «Запел петух, и Шехерезада прекратила дозволенные речи», — со всей доступной ему иронией, всё равно, правду сказать, не достигшей цели, сказал Воронцов и принял раскуривать трубку.

— Ну так пошли, что ли? Да, кстати, а о чём ты с ним собрался говорить? — Этот вопрос уже был задан как бы не от имени Замка, а от Арчибалда лично, в его роли господина Боулнайза.

— Да вот, знаешь, Император очень опасается, что англичане в последний момент раздумают начинать войну. А я с ним как бы и согласен, но не хочу, чтобы война получилась чересчур кровопролитная. Нас бы устроило нечто вроде анало-

га «Битвы за Англию»¹, только в зеркальном отражении. Вот и захотелось мне лично с премьером побеседовать, его настроения прозондировать и пару полезных советов дать...

Предложенный Воронцову Арчибалдом костюм, сразу видно, должен был обозначить особу высокого ранга и в средствах нисколько не стеснённую. Сам он таких никогда не носил, демонстративно ограничиваясь чем попроще, но понятие имел. Покрой отличался от принятого в его мире не так уж сильно. В пределах индивидуальной фантазии модельеров, вынужденных «плясать от той же печки», то есть фасонов первого десятилетия двадцатого века.

— Ну и как ты наш визит обставишь? — осведомился Воронцов, когда всё было готово. По привычке сунул под ремень брюк сзади «вальтер ПП», всякие изыски вроде «глоков», «беретт», «дезерт иглов» он не любил. Едва ли на этом уровне общения оружие ему понадобится, но, как выражался пресловутый старшина: «Хай будэ». Ещё прихватил нераспечатанную пачку сигарет в дополнение к имеющейся, зажигалку и «спринг-нейф». Примерно так он был экипирован, когда

¹ «Битва за Англию (Британию)» — фактически первая в истории чисто воздушная война между Германией и Великобританией, продолжавшаяся с июля по октябрь 1940 г. Германия рассчитывала уничтожить английский воздушный флот, сломить моральный дух нации и обеспечить высадку морского десанта на Острова. Закончилась как бы вничью, но поскольку Германия поставленных целей не достигла, она «битву» проиграла.

попал в Замок впервые, за исключением пистолета.

— Как обычно. Сейчас перейдём в гостиную клуба, и я оттуда позвоню премьеру... Через полчаса обед, — сказал робот, не взглянув на часы, — к нему пусть подъезжает.

— Приедет? — усомнился Дмитрий. — Он же человек занятой, у него война на носу...

— Тем более приедет, сообразит, что сейчас такие люди, как я, таких, как он, по пустякам не дёргают.

— Это верно. Я его сейчас совсем не пустячной новостью обрадую...

В Лондоне шёл моросящий дождь с туманом, и, похоже, не первый день. Уже начали появляться первые признаки формирования «старого доброго смога». Чем сильнее падает температура, тем больше аборигенов растапливают свои печки и камини, да не дровами, а плохим бурым углем и торфяными брикетами. В этом мире газовое, электрическое и центральное отопление отчего-то получили куда меньшее распространение, чем в соседнем. А кардиф¹ нынче дорог.

И каминый дым, смешиваясь с туманом, создаёт ту неповторимую атмосферу, из-за которой приличные люди предпочитают пореже высовываться из своих особняков, наглухо заперев окна, и грея в руках бокал бренди или грога, наслаждаться достойным джентльменов уютом.

¹ Каменный уголь весьма высокого качества, с высокой теплотворностью и малозольный, широко употреблялся паровыми флотами богатых стран.

В гостиной клуба Воронцов с интересом осмотрел достопримечательности, долженствующие запечатлеть в поколениях подвиги славных охотников. Особый его интерес, наряду с головами представителей «большой пятёрки»¹, развешанными по стенам, вызвала картина, изображающая бородатого мужчину в явно русской дворянской одежде позапрошлого века и высоких начищенных сапогах, вонзившего здоровенную, как огобля, рогатину в грудь гигантского медведя, чуть ли не «пещерного»², у входа в разворошённую берлогу. И лес вокруг был явно не британский.

Медведь скалился длинными, в ладонь, клыками и пытался достать героя не менее ужасными когтями. Художник был не то чтобы уровня Васнецова или Верещагина, но вполне владеющий ремеслом.

— Это у вас что, иллюстрация к ремейку «Затерянного мира»? — осведомился Дмитрий. — На российском, так сказать, материале?

— Нет, это документальное, подтверждённое свидетелями событие. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году князь Михаил Муравьёв на самом деле в присутствии своих гостей, действительных членов «Хантер-клуба», без какого-либо оружия, кроме рогатины, добыл этого медведя весом ровно в сорок пудов... За что и был принят

¹ Наиболее опасные и достойные внимания «хантера» звери Африки: слон, носорог, буйвол, лев, леопард.

² Вид гигантского медведя, существовавшего в «пещерную» эпоху человечества в плейстоцене. Размерами значительно превосходил даже нынешних гризли.

«зарубежным членом-корреспондентом», что случалось крайне редко.

— Судя по картине, в этом звере пудов под сто. Но вообще геройский, по всему, был князь. Рогатина — дело ненадёжное...

— Самому приходилось? — удивился Арчibalд.

— Читал. А сам только в училище фехтованием на штыках занимался. Так что в целом представляю. Одно неверное движение — лезвие уходит в сторону, а ты получаешь по уху такой вот лапой... Голова, натурально, летит в кусты помимо тела. Собственно, вся наша жизнь такая, — философично заметил Воронцов, справедливо решив, что сравнение их нынешней деятельности с опасной охотой гораздо ближе к истине, чем шекспировское «мир — театр». В театре в худшем случае освящут и потребуют деньги назад, а ошибка в общении с таким вот персонажем — он снова взглянул на исполненную драматизма и жизненной правды картину — влечёт куда более необратимые последствия.

Присели в кресла к уже разожжённому камину. В клубе, в отличие от домов обывателей, джентльмены наслаждались треском настоящих, притом высокачественных дров, стоивших здесь сумасшедших денег. Как в Одессе двадцатого года, где акациевые дрова продавали на вес, фунтами¹. Воронцов подумал, что в здешнем мире Россия гораздо больше заработала бы экспортом возобновляемой древесины, чем углеводоро-

¹ См.: К. Паустовский. Время больших ожиданий.

дов. Впрочем, может и зарабатывает — он в такие тонкости местной экономики не вникал.

Преисполненный самоуважения лакей подал джентльменам виски и по особой рецептуре производимые в Британской Гвиане уже полтораста лет подряд сигары «только для «Хантер-клуба». В случае попадания их куда-либо ещё (в Европе, разумеется, на месте именно их курили все кому не лень) производителю грозила астрономическая неустойка.

Не успел Арчибалд преподать Воронцову краткий курс манер, которых стоит придерживаться, чтобы выглядеть среди клубменов естественно, подъехал и премьер-министр. Похоже, господин Уоллес, не так давно удостоенный королём рыцарского звания и могущий теперь именоваться «сэр Смит-Дорриен», был достаточно заинтригован и сумел выкроить час-другой в своём крайне напряжённом графике. Причём подготовка к войне для него заключалась не в изучении стратегических карт, корректировке мобилизационных планов и чтении непрерывно поступавших от «надлежащих лиц» рапортов, чем как раз сейчас занимался император Олег. Британский премьер «разруливал разногласия и корректировал интересы» всяческих групп влияния, без чего государственная машина, армия, флот и «большой бизнес» синхронно работать были не в состоянии. Собственно, таким же образом руководил войной и Черчилль в соседней реальности, но у того, в силу разницы в личных качествах, получалось несколько лучше.

— Итак, мой дорогой Боулнайз, что вынудило вас искать моего общества? — деланно-весёлым голосом осведомился премьер, входя в гостиную и на ходу вытирая дождевую морось с лица большим клетчатым платком. — Давненько мы не виделись, из чего я делаю вывод, что у вас ко мне нечто экстраординарное?

В глазах Уоллеса Воронцов заметил отблески не то обычной паники, не то начинающегося безумия. Впрочем, могло быть и то и другое сразу, психотип премьера вообще не подразумевал функционирования в условиях, выходящих за рамки девяностолетней бюрократической рутины, когда решения принимаются гораздо выше его уровня, а исполнением занимаются *несменяемые чиновники*¹.

Арчибалд вначале с соблюдением всех церемоний представил Воронцова и премьера друг другу, после чего они вновь расселись вокруг низкого прикаминного столика и взяли в руки традиционные бокалы. Все «хантеры» в стенах клуба считали себя как бы охотниками на привале, а какой привал без доброго глотка чего-нибудь покрепче пива? К тому же вечные сумерки от полу-

¹ Одна из особенностей британской политической системы. Если по результатам выборов правительство формируется на партийной или коалиционной основе, то всю реальную работу ведут именно *несменяемые* и не имеющие отношения к межпартийной борьбе *карьерные* чиновники от замминистров и ниже. Интересно, что такие чиновники снабжают своё руководство только той информацией, которую считают допустимой сообщать человеку, который в этом же году может лишиться своего поста и превратиться в частное лицо, а то и перебежать в стан оппозиции.

задёрнутых плотных штор позволяли легко обходить ещё одно «охотничье» правило — никогда не пить виски до захода солнца.

Чтобы не вызывать лишних вопросов, Воронцов был назван лишь латинизированным именем, что звучало вполне солидно, а заодно наводило на желательные ассоциации с владельцем визитки-пароля.

— Вот, господин Деметриус имеет к вам некое поручение, — сказал Уоллесу робот. — Я допущен к тайнам этого уровня, поэтому не буду делать вид, что мне срочно потребовалось выйти в туалет или позвонить по телефону...

Воронцов наклонил голову, подтверждая слова Арчибальда, и молча показал Уоллесу карточку.

Премьер взял её в руки и не меньше минуты рассматривал, будто выискивая на ней какие-то тайные знаки. Кто его знает, возможно, они там и были.

Вернул недрогнувшей рукой, только подобрался весь, и губы шнурочком сжались.

— Я вас слушаю, — и чуть-чуть не удержался в образе, спросил лишнее: — А отчего мистер Сарториус не позвонил по телефону, как обычно?

— Вопрос совершенно не ко мне, как вы понимаете, — ответил Дмитрий, но интонацией и мимикой дал понять, что как раз к нему, ни к кому другому, а ссылка на «Сарториуса» — это просто пароль.

— Могу только сказать, что господин Сарториус последнее время очень занят и ему недосуг вникать в текущие вопросы, сколь бы важными они ни казались...

После этих слов можно было надеяться, что Уоллес тут же не кинется к телефону уточнять и перепроверять слова «мистера Деметриуса». Вот если Сарториус некстати сам вдруг позвонит — это будет номер! Одна надежда — Замок озабочится, чтобы этого не случилось, раз сам затеял интригу.

— Виски очень неплох, как вы считаете? — сменил тему Воронцов и ещё минут пять рассуждал о сравнительных качествах этого напитка как в отношении с иными «продуктами прямой перегонки», так и применительно к разным регионам Ирландии и Шотландии. Затем перешёл к сигарам. Когда твой партнёр взвинчен и изо всех сил пытается понять, что именно в данный момент происходит, такая тактика очень хороша в качестве «артиллерией».

Клиента следует довести до состояния, когда он уже не в силах должным образом контролировать ситуацию и своё положение внутри её. Это особенно хорошо удаётся, если персона выведена за пределы привычного контекста и вынуждена на ходу применяться к роли, ей совершенно не-свойственной.

Премьер-министр великой державы, поставленный в положение школьника, внезапно вызванного к директору без предварительного объяснения причин. Всякого рода прегрешений и проступков любой семи-восьмиклассник знает за собой множество, но о каком именно сейчас пойдёт речь? А может быть, предстоит не наказание, а награда? Тоже непонятно за что. Очень малое количество людей, обычно имеющих специаль-

ную подготовку, в состоянии сохранить в предложенных обстоятельствах полную безмятежность духа и хорошее настроение. А если это им удаётся — то чем не повод задуматься как раз о заведомой срежиссированности их поведения. Всё это хорошо было показано в «Семнадцати мгновениях», на примере пары Штириц — Мюллер. Впрочем, Воронцов за последние годы имел время изучать и более достоверный «учебный материал».

— Вы уже в курсе о событиях сегодняшней ночи? — наконец спросил Воронцов, доведя Уоллеса до кондиции. Спросил внезапно, без всякого интонационного или смыслового перехода от предыдущей фразы.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду? — опешил премьер и снова потянулся за платком. Потоотделение тоже полностью вышло из-под контроля. Очередь за остальной вегетатикой...

— Неужели вам не доложили? — удивился «мистер Деметриус», мельком взглянув на ручной хронометр. — Должны бы были, особенно с учётом разницы во времени. Дело, собственно, вот в чём. Довольно крупное подразделение британской морской пехоты в сопровождении кадровых сотрудников СИС, конкретно — МИ-8, около полуночи высадилось на острове, принадлежащем достаточно известному в мире лицу. Вам, по крайней мере, точно известному — Ибрагиму Катранджи. Причём если многие малоосведомлённые люди считают его главарём чуть ли не всемирного преступного синдиката, то в иных кругах он считается вполне респектабельным деловым человеком, сфера интересов которого лежит в «серой»,

как некоторые выражаются, зоне по отношению к общепринятым принципам и стандартам.

Удачно завершив эту старательно сконструированную фразу, Дмитрий замолчал, с удовольствием пыхнул сигарой и вопросительно посмотрел на Уоллеса.

— Я на самом деле ничего об этом не слышал, — с излишним жаром ответил премьер, разве только за руку Воронцова не схватив для большей убедительности. — Мне, безусловно, хорошо известен господин Катранджи, более того, он должен сыграть важную роль в предстоящих событиях, и предварительная договоренность с ним уже достигнута... Следовательно, то, о чём вы говорите, — или чудовищное недоразумение, а возможно — провокация. Так осложнять отношения с одним из решающих союзников на пороге войны?! Нет, это на самом деле беспрецедентно, и я...

— Командир подразделения командос майор Стент сдался в плен и даёт показания, руководитель спецоперации Лонсдейл погиб в бою... — помолчав, добавил Воронцов и снова посмотрел на премьера.

Арчибалд, всё это время молча смачивающий губы в своём бокале, не поленился встать и, хотя они ни о чём предварительно не договаривались с Дмитрием, очень своевременно и достаточно многозначительно принёс и поставил перед премьером телефонный аппарат на длинном витом шнуре.

— Это — закрытая связь. Позвоните, куда считаете нужным, и уточните...

Уоллес начал нервно накручивать диск, а Воронцов незаметно показал роботу большой палец, одобрительно при этом кивнув. Машина-то он машина, но степеней свободы набрался столько, что тест Тьюринга¹ выдержал бы перед целым синклитом строгих экзаменаторов. И соображает вполне правильно. Всегда бы так.

После нескольких звонков Уоллес попал, наконец, на компетентное лицо и затеял с ним весьма напряжённый разговор, в котором неоднократно звучали нецензурные (по английским меркам) выражения и даже угрозы.

Когда премьер положил трубку, на него не приятно было смотреть. Как на полураздавленного таракана.

И взгляд, что он бросил на Арчибалльда, был отнюдь не ангельский. Тот ответил взглядом же, но совершенно безмятежным, с таким примерно смыслом: «Сам напортачил, сам и отвечай. И нечего искать виновных на стороне». Относилось это, безусловно, к сложным взаимоотношениям между некоторыми клубменами, членами правительства и парламента, а также и особами из Царствующего Дома.

— Там действительно не только нападение на остров, — сказал Уоллес. — Там полный про-

¹ Алан Тьюринг — один из основоположников современной кибернетики и вычислительной техники. Рассуждая о возможностях «машинного интеллекта», предложил свой знаменитый тест. По его условиям сторонний наблюдатель, беседуя удалённым способом одновременно с компьютером и человеком, должен определить, кто из его собеседников является человеком, а кто — машиной. Если это ему не удастся, значит, задача создания «искусственного интеллекта» достигнута.

вал операции, большие потери и масса пленных. Пока неизвестна судьба некоторых важных документов...

— Ваши люди настолько идиоты, что отправляются на «острую операцию» с секретными бумагами? — изобразив подчёркнутое удивление, спросил Воронцов.

— Мы с этим будем разбираться, — промямыли премьер.

— А по какой бы ещё причине я к вам лично явился? — в стиле неизвестного Уоллесу Бендеру поинтересовался Воронцов. — Идиотская акция налицо, причём позорно проваленная. «Люди короля» в плену и наверняка сейчас, перебивая друг друга, дают признательные показания под угрозой сдирания шкуры заживо с последующей варкой в оливковом масле. Думать надо, с кем связываетесь. Там ведь не только турок, там ещё калабрийцы, сицилийцы и наверняка хоть парочка русских...

Премьер довольно сбивчиво начал разъяснять посланцу таинственного Сарториуса всю нелепую цепь случайностей, нестыковок и заведомую неконструктивность нынешнего устройства британской бюрократии, приведшую к столь нежелательному результату.

— Это, в общем, не ко мне, — ответил достаточно благодушно Воронцов и чуть не добавил: «Обращайтесь во всемирную лигу сексуальных реформ». Но вовремя остановился, решив, что увлекаться не стоит.

— Мне моё время ещё дороже, чем вам — ваше. Поэтому отвлекаться не будем. Для того

чтобы урегулировать инцидент, вам следует лично обратиться к господину Катранджи, пока он не «дал ход» этому делу. В своём, конечно, понимании. О чём и как договоритесь — меня не касается. В любом случае ваш с ним семейный конфликт предстоит самим и решать. Так, чтобы он не повредил «общей цели». То есть он может потребовать с вас всё, что пожелает, и мы препятствовать не будем. Но война с Россией должна начаться независимо от ваших разборок. Срок — не позднее такого-то числа.

Главное, ради чего Воронцов и затевал весь цирк, было сказано — названа дата «часа Ч», или, по англо-американски выражаясь — «Дня Д»¹. Такая уж людская психология — если приказано свыше «не позднее», то позднее не начнут, но и раньше тоже, обязательно найдётся какая-то «непришитая пуговица». Теперь же всё ясно — премьер напуган и одновременно озаблечен настолько, что остальное должно пройти без сбоев.

На обед Воронцов не остался: дополнительная пощёчина, ведь, решив все неприятные вопросы, джентльмены могли бы за хаггисом и ростбифом как-то сгладить случайные противоречия. Только Дмитрию этого не требовалось. Следующий раз пусть с премьерами Берестин общается, это у него наследные принцы в друзьях ходят.

¹ «День Д» — кодовое обозначение 6 июня 1944 г., начало операции «Оверлорд», попросту — десанта в Нормандии и открытия Второго фронта в Европе.

Из Замка он позвонил непосредственно Ибрагиму. Как в соседний квартал того же города, даже не задумавшись, что сам он сейчас находится в месте и времени, далеко предшествовавшем открытию Америки не только Колумбом, но даже и викингами. Чистый Гаррисон с его «Фантастической сагой».

— Как там у тебя? Я только что с Уоллесом закончил беседовать. Ничего не изменилось? Клиенты твои колются?

Для простоты Воронцов избрал для общения с Катранджи стилистику петроградских студенческих кругов. Не так важно, что сам он учился во «фрунзенке», а Ибрагим в другой реальности в штатском Университете, главное, что примерно в одном возрасте они ходили по одним и тем же улицам и мокли под теми же бесконечными дождями, находя приют то в разного рода кабачках, то в неизменных с времён Достоевского «съёмных квартирах» центральных, но захолустных переулков.

— Нет, всё нормально. Напели достаточно, хоть на пожизненную каторгу, хоть на свержение Кабинета министров.

— Свержение нам как раз ни к чему. Долго второго «Гаммельнского крысолова» искать придётся. Он тебя, по моим расчётом, в ближайшие полчаса-час искать начнёт. Передай секретарям, где ты есть, и чтобы соединяли немедленно. Можешь требовать с него, чего душеньке угодно. Хоть в финансовом вопросе, хоть в политическом. В обоих сразу тоже можно. Клиент спёкся и жить хочет больше, чем иметь красивые по-

хороны в Вестминстере. Так что полная свобода твоему воображению. Но воевать за него ты в конце концов согласишься. Только уточни, где и с кем для подписания стратегического союза встретишься. Нет, подписание обязательно, на словах бритты чего хочешь наобещают — царской России в пятнадцатом году Стамбул клялись отдать. Так что бумажка в руках нужна. Окончательная. Пользоваться мы ею, скорее всего, не будем, но им этого знать необязательно.

В целом задачу свою Воронцов выполнил. Здесь война начнётся в точно известный момент, что исключает ненужные случайности. Определённый им срок даст возможность Берестину и Секонду завершить все приготовления и к первому удару неприятеля, и к предполагаемому законом Ньютона ответу. А Фёсту он обеспечивает полную свободу действий на избранном *поле деятельности*. Поскольку совершенно неожиданно и как бы попутно Дмитрию открылась одна интересная вещь, несколько последних лет являвшаяся непроницаемой тайной и для Новикова с Шульгиным, и даже для самого Антона.

А по сути дела, кто такой Антон? Ну, персона, приставленная, чтобы осуществлять определённую коммуникацию между Замком, Землей и самими форзелями, как выяснилось, именно над Замком и не властными.

Зато сейчас, в ходе очередной импровизации, Воронцов смог получить от Замка разгадку словно бы неразрешимой по определению задачи. Случайно или нет — другой вопрос. Но Дмитрию ка-

залось, что он сумел изящно переиграть несравненно более информированную и одновременно с человеческой точки зрения наивную *структур*у. Грубо говоря, вынудил проболтаться очередного ибн-Хоттаба, как в любимой с детства книге Волька вынуждал на разные интересные поступки своего джинна.

До него неожиданно дошло, в виде «гениального озарения», какое снисходило на пришельцев с Андromеды из рассказа Рассела «Будничная работа», что означали те таинственные события вокруг резиденции тогда ещё Великого князя Олега — Берендеевки, и одновременно в параллельной, их Москве, откуда некие люди при участии бывшего аспиранта Шульгина осуществляли экспансию в соседнюю реальность.

Они тогда так и не сумели установить, кто же или что стояло за людьми, создавшими «Институт глубокого нейропрограммирования», называвшими себя «Союз озабоченных гуманистов» и умевшими перемещаться через межвременную границу. И даже наладившие весьма прибыльную торговлю «билетами в один конец» для людей, желавших эмигрировать. Но не в благополучные швейцарии и голландии, пребывающие тем не менее на этой же самой планете, а значит, подверженные всем бурям и катаклизмам XXI века, обещающего не меньшие потрясения и беды, чем век минувший, а в совсем другую, идиллическую и пасторальную реальность — длящийся и длящийся «серебряный век», где по-прежнемупрочно сидит на троне «батюшка царь».

Культура андромедян, согласно Расселу, создавалась благодаря отдельным озарениям, которые из века в век добавляли к ней всё новые и новые факторы, возникая из ничего каким-то неподъяснимым образом. Причём озарения приходили спонтанно, сами по себе. Их нельзя было искусственно вызвать, какой бы острой ни была потребность в них.

Примерно так же получилось сейчас у Воронцова. Сколько всех доступных технических средств и «мозговых штурмов» они тогда предприняли, пытаясь выяснить, с какой это «четвёртой силой» столкнулись, считая себя, Игроков и Держателей тремя первыми. Даже Антон бессильно развёл руками. И Замок ему не помог. А оказалось, нужно было чуть-чуть по другому поставить вопрос...

Или, что вероятнее, Антону Замок не счёл нужным помогать. А ему, значит, счёл... Не вполне понятно, но несомненно приятно.

Теперь дальше. Эти самые «Озабоченные гуманисты» не только научились проникать сквозь «изоляцию провода» в кабеле, они ещё смогли получить аппаратуру, позволяющую создавать у значительных масс людей гипнограммы высшей пробы. Такие, что человек принимал их за высший приоритет. В какое бы вопиющее противоречие со здравым смыслом внушённая информация ни вступала, «загипнотизированный» продолжал твердить своё, присягать, клясться на чём угодно, идти под пули и на костёр...

Тогда почему после разгрома их «Института» и пленения Затевахина со всем его «железом» и

программами¹ деятельность «гуманистов» прекратилась? Как бабка отшептала.

Подожди, сказал себе Воронцов, что значит прекратилась? Из наших глаз исчезла верхушка айсберга, всего лишь. Будто лодка погрузилась, спрятав рубку, но оставив на поверхности головку перископа.

Допустим, тот шульгинский аспирант на самом деле сделал стопроцентно уникальное открытие насчёт тотального программирования, и повторить его «озабоченные» не в состоянии. Но все остальные возможности остались. А вероятно, и уцелел какой-нибудь «демонстрационный образец», и оператор при нём. Тогда кое-кого они подчинять своей воле всё-таки могут. Пусть и в индивидуальном порядке. И организация никаку не делась. Как ловко только что спрятались концы от антипредседатского заговора! Один в один, как в дни «Мрака и тумана». До предпоследнего исполнителя — вот они, а дальше — обрыв цепи.

То есть эти ребята от своих замыслов не отказались, просто решили зайти с другого конца. И «Сарториус» — их подлинный главарь или просто обозначение должности в иерархии этих самых «гуманистов». Тогда, попутно, становится понятна и загадка нераспространения информации о параллельной Земле в этом мире. И у нас, и за рубежом о ней знают многие, но «идея отнюдь не овладевает массами». Массы остаются к

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью», т. 2.

ней в лучшем случае безразличны. Это и нам на руку, но противнику сохранять тайну почему-то важнее.

Воронцов почувствовал, что мысли у него начинают слегка путаться. Перетрудился он сегодня.

Встал и по внутренней лестнице спустился всё в тот же «Бар первого дня». А что, неплохое название. Взял из окошка выдачи большую чашку кофе и ликёр «Селект», к которому пристрастился как раз в дни своего безмятежного отдыха в Сухуми, перед началом всего этого. Да, ещё непременно нужна бутылка боржоми, как можно сильнее газированного, из холодильника.

Теперь всё нормально. Набить трубку, закурить.

— Ну что, Замок, давай побеседуем насчёт Сарториуса и прочего? Ты не возражаешь? — сказал негромко, но вслух. — Если не хочешь — молчи, я не обижусь. Просто мне кажется, нам обоим будет полезно...

Он, честно сказать, не ждал немедленного ответа. С очень большой вероятностью его могло не быть совсем или прозвучать в весьма неконкретном виде. Вроде слов Дельфийского оракула.

Однако Замок отозвался сразу. Из-за драпировок на стене, словно за ними был спрятан обычный динамик, прозвучал приятный баритональный голос.

— Хорошо, давай поговорим. Мне и самому кажется, что обстановка вокруг вас нуждается в корректировке, самим вам едва ли удастся справиться...

ГЛАВА
ВТОРАЯ

Фёст неожиданно отметил за собой вдруг возникшую привычку — задумываться ни с того ни с сего. Сколько-то времени жизнь шла, как ей и следует, в бесконечных повседневных делах и заботах. А забот этих и дел у человека, который совершенно добровольно вззвалил на себя обязанность отвечать за окружающий мир и по возможности стараться сделать его хоть немного лучше, мало быть не может. Их гораздо больше, чем у любого другого, выполняющего свои обязанности, хоть бы даже и президентские. И вдруг внезапно накатывает. Неудержимо хочется остановиться, оглянуться...

Фёст произнёс эти два слова, когда-то ставшие названием очень популярного романа известного журналиста, а ещё раньше — началом стихотворения поэта, так и не ставшего популярным. Захотелось вспомнить целиком, и без помощи протезов памяти, естественным образом. На это ушло минут пять, не меньше, но не зря ведь специалисты говорят, что человеческий мозг не забывает ничего. И — сейчас тоже получилось:

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайному этаже,
Где вам доводится проснуться.
Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улынуться.
Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться

И никогда не умирать!
 Согласен в даль, согласен в степь,
 Скользнуть, исчезнуть, не проснуться —
 Но дай хоть раз ещё успеть
 Остановиться, оглянуться...¹

Хорошо. Даже очень хорошо. Почти каждый склонный к рефлексиям человек может к себе применить.

Не хотел Вадим Ляхов для себя ничего из того, что сейчас происходит. Вернее, хотел, чтобы всё вокруг в той, предыдущей жизни, поменялось, но только — само по себе, волей исторических сил, без его участия. Он никогда ни в чём «общественном» не хотел участвовать, разве только в комсомол вступил, тоже по инерции, с разгону, как все, за год до кончины этой (не самой плохой, теперь можно признать) организации. Но ни на какую политическую карьеру тоже не рассчитывал, хотя вокруг очень многие бредили только этим. Уж больно широкие перспективы, как большинству окружавших его людей казалось, открывались с падением монополии КПСС и наступлением «свободы». До пресловутого Перевала так и жил, стараясь делать что должен и по возможности избегать всего остального, кроме доступных ему развлечений — занятий спортивной стрельбой, охотой, путешествиями, преферансом...

А потом случился Перевал и после него — смерть не смерть, жизнь не жизнь, а так, не пойми чего, но со всеми признаками в общем-то жиз-

¹ Роман — Л. Жуховицкий. Остановиться, оглянуться. М., 1965 г. Стихотворение — А. Аронов, при жизни книжных публикаций не было.

ни. Вот у Эдмона Дантеса когда началось нечто подобное — после ареста, после полёта в никуда в мешке с двухпудовым пушечным ядром, или когда он перегружал сокровища кардинала в сундуки своей яхты?

Частые обращения к роману, явно не входящему в списки Великих книг человечества, — это от Александра Ивановича Шульгина, сыгравшего в жизни скоромного армейского лекаря Вадима Ляхова ту же примерно роль, что аббат Фария в жизни молодого, никому не известного моряка.

И от Шульгина же — непонятное «демократически настроенным» знакомым стремление в очередной раз спасать мир. Хорошо хоть, инфекция проявилась в достаточно стёртой форме, не так, как у Ленина, Троцкого или Гитлера. Но и то, что он уже успел, с теорией «малых дел» не слишком соотносится.

Однако, опять же «остановившись, оглянувшись», следует признать — ему себя особенно упрекнуть не в чем. Не слишком обширных познаний Вадима (но всё же неизмеримо больших, чем у членов так называемых «экспертных сообществ», расплодившихся во множестве) в историческом материализме, геополитике и самой обычной всеобщей истории хватало на то, чтобы понять — предпринимаемое им здесь и сейчас, с помощью Секонда, Сильвии, остальных рыцарей «Братства» — это как раз то, что в человеческих силах сделать, не превращаясь в «Бога» в каком угодно смысле, чтобы не допустить человечество от сваливания с «лезвия бритвы» в пропасть вселенского зла.

Он усмехнулся. Высокопарно звучит и на первый взгляд отчётливо отдаёт манией величия как минимум. И тут же успокоил себя, как будто в этом была необходимость: а разве любой человек, ныне причисляемый к «великим» или хотя бы «замечательным»¹, не тем же самым при первой возможности заниматься начинал? Империи строить, «Либерте, эгалите, фратирнете» учинять, на худой конец — единомыслие внедрять. Так спасибо Александру Ивановичу и его друзьям — до уровня подсознания обеспечили понимание того, где в своих «благородных начинаниях» остановиться нужно: за шаг до «точки невозврата», от которой начинается известно чем вымощенная дорога в ад.

Вот, например, есть у него в личном распоряжении небольшое устройство, всего вдвое больше размером, чем обычный ПК (персональный компьютер, а не пулемёт Калашникова), предназначенное для совмещения пространства и времени. Вообще-то Левашов не совсем правильно своё изобретение поименовал. Совмещение там имеет место, но гораздо важнее — перемещение вдоль и поперёк пространственной и временной коор-

¹ Вот здесь таится некая, одна из многих хитростей русского языка — слово «замечательный» как-то больше ассоциируется у большинства с «восхитительный», «великолепный» и т.п., но не с истинным смыслом — «ставший заметным», по Даю — «стоящий внимания». Сходно с инверсией слова «изумительный», т.е. способный «привести в изумление», «в бессознательное состояние», напр: «В ходе дознания испытуемый в изумление пришёл».

динатных сеток. На пароходе «Валгалла» есть такое же, но раз в десять больше и мощнее, но ему и своего хватает.

Фёст потушил лампу на письменном столе, пересёк кабинет и сел на широкий подоконник открытого в сторону Красной площади окна. Отчётливо видны были звёзды на двух ближних башнях. На этот раз он решил покурить трубку, за обычной суетой на неё никогда не хватало времени. А сейчас можно. При должном умении единожды набивши, можно попыхивать хорошим «Петерсеном» полчаса и больше. Думать весьма помогает, если есть о чём.

Так, значит, об СПВ он начал? С помощью этой машинки «отцы-основатели» «Братства» получили возможность в легендарные «ранние восьмидесятые» творить на Земле абсолютно всё, что в голову взбредёт. А как иначе, если можно невидимо и неощутимо открыть проход в любую точку современного пространства или почти любой миг прошлого и будущего. С известными ограничениями, касающимися в основном времени — пойти-то пойдёшь, а вот вернёшься вряд ли. Нет, кажется, упражняться с временем Левашов позже начал, вначале только пространственно перемещался, но не телепортировался, а совсем наоборот, притягивал к аппарату нужную точку земной (и не только) поверхности, после чего открывал туда проход. Или — окно, с одно- и двусторонней проницаемостью только для фотонов, но не материальных тел.

Впрочем, о тех временах Вадим знал не слишком много, лишь то, что считали нужным расска-

зать сами «братья» и «сёстры» или описал Новиков в своих пресловутых «Записках», которых целиком, пожалуй, никто и не видел. Более того, Ляхов подозревал, что для разных читателей имеются и разные варианты текстов, то рукописных, то отпечатанных уже на лазерном принтере. Оно и понятно, когда Андрей Дмитриевич начал свой труд, даже матричных не существовало, только перьевая авторучка с чернилами разных цветов (часть тетрадей заполнена чёрными, часть синими, зелёными и даже красными) и ещё механическая пишмашинка марки «Москва». До сих пор стоит на поётном месте в кабинете Новикова.

А что это значит реально — пользоваться СПВ ради собственного удовольствия? Можно из своего кабинета шагнуть в любую точку Земли или всей Галактики, узнать любую тайну, чьюто личную, государственную или историческую, взять что угодно (хоть из казематов форта Нокс, хоть из сокровищницы царя Соломона), убить, кого заблагорассудится, без следов и риска разоблачения. Даже атомным зарядом без особого труда обзавестись можно и использовать его хоть для шантажа, хоть сразу по прямому назначению.

И почему, в таком случае, все эти сказочные возможности не реализовать, в меру способностей и фантазии?

Вот в этом и суть того, что весьма старательно и умело передавал своему воспитаннику, а в перспективе и правопреемнику Фёсту Александр Иванович. Начиная с простейшего афориз-

ма какого-то заграничного мыслителя или просто опытного человека: «Отнюдь не всё, что можно сделать безнаказанно, следует делать». Ну и дальше углублял и углублял эту тему, оперируя и «нравственным императивом» Канта, и многими историческими примерами, но в большинстве — собственными философски-логическими построениями.

Одним словом, в результате более чем годичной индивидуальной подготовки Вадим Ляхов с псевдонимом Фёст превратился в личность не то чтобы идеальную, но весьма квалифицированно разбирающуюся в том, «что такое хорошо и что такое плохо» почти во всех областях общественно-политической деятельности. Настолько же не походящего на себя исходного, как граф Монте-Кристо — на свою заготовку — Эдмона Дантеса.

Он (Фёст), признаться, с самого раннего детства отличался некоей врожденной тягой к справедливости, придерживался самостоятельно выработанного «кодекса чести», помогал людям, даже совсем этого не заслуживавшим, ни разу не воспользовался так называемой «минутной слабостью» знакомых девушек. За это многие друзья над ним подшучивали, но в итоге почему-то всегда оказывалось, что он был прав, а друзья заблуждались. И подтверждалось это подчас самым жёстким образом.

Да, в конце концов, что, как не эти самые *понятия*, толкнуло его остаться со своей винтовкой на Перевале вместе с майором Тархановым, хотя врачи, особенно в миротворческих силах ООН,

считались некомбатантами¹. И, значит, он мог забрать раненого бойца и спокойно катить в тыл, радуясь, что и сам выжил, и женевских конвенций не нарушил.

Под руководством Шульгина эта его «врожденная порядочность» приобрела весьма солидный теоретический и психологический багаж, и отнюдь не только в виде «десети заповедей Моисея» и постулатов Нагорной проповеди.

Вот и сейчас: в результате его (чего уж тут стесняться — прежде всего именно его) деятельности этот родной ему мир подведён к грани очередной «холодной», а то и «горячей» мировой, в перспективе, войны. А почему? Потому что не было сил не вмешаться в происходящее. И дело не в том, хорош или плох оказался нынешний российский Президент и его окружение, хороши или плохи, в конце концов, сам народ, допустивший (или лучше сказать — доведший) страну до такого именно состояния. Да, да — именно народ, никто иной. Нет чтобы году так в тысяча восемьсот шестьдесят первом удовлетвориться дарованными Царём-Освободителем реформами, да и начать на их базе потихоньку-полегоньку отстраивать на одной шестой части суши свою персональную Швейцарию, не беря в голову никаких «прельстительных идей» вроде «любая собствен-

¹ Комбатант (франц. — «воин, боец») — в международном праве лицо, входящее в состав вооружённых сил и непосредственно участвующее в боевых действиях. Комбатантами считается весь личный состав регулярных вооружённых сил (кроме медработников и некоторых других), а также ополчений, партизанских отрядов и др.

ность есть кража», «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей» или даже проще — «всё отнять да поделить».

Вот не поддался бы народ, продолжил бы любого «агитатора», как в ранние времена «Народной воли», хватать и тащить в участок, может, и не пришлось с ручным пулемётом по подмосковным лесам бегать, спасая нынешнюю власть, а точнее сказать, всю страну от очередного хрустящего оборота «Красного колеса».

Ну, спасли, предположим, «молодую», а также «суверенную» российскую демократию от повторения февраля семнадцатого. Так теперь «заклятые друзья» и одновременно «стратегические партнёры в борьбе с терроризмом» в открытую намекают, что лучше бы вам, ребята, ныне и впредь не делать резких движений, а то обидимся мы всерьёз, и вот тогда...

Поэтому лучше сами снимайте штаны и ложитесь на лавку. Посечём немного для вразумления, особо больно не будет, и воцарятся у вас настоящие тиши, гладь и сплошные права человека. Прямо как в «Вороньей слободке». Чем там, кстати, начатая поркой Лоханкина история кончилась?!

Опять же сам он, Фёст, пользуясь моментом, буквально заставил *нашего* Президента весьма грубо и вызывающе говорить с *ихним*. Чтобы довести того до белого каления.

А зачем?

А вот затем, чтобы сейчас и наступил «момент истины». Кому на этой планете *банк держать*.

¹ «Воронья слободка» запылала, подожжённая со всех четырёх концов». Или как-то так...

Чего, казалось бы, проще — открыть с помощью СПВ окно в Овальный кабинет Белого дома и швырнуть туда пару гранат, как Уваров в варшавском Бельведере. А потом ещё и ещё, в разные кабинеты от Антарктиды до Северного полюса, пока некому будет России ультиматумы диктовать, включая «двенадцать сионских мудрецов», «семь подземных королей» и ещё какое-то количество членов «добровольных некоммерческих организаций».

А вот нельзя. И причины этого «нельзя» пришлось бы объяснять слишком долго. Некоторые ответы можно найти, перечитав «Трудно быть богом». Но только некоторые. Чтобы все — слишком много самых разных книг перечитывать придётся.

Зато можно по-другому. Ненасильственными, так сказать, методами.

Фёст с сожалением соскочил с подоконника. Сидел бы так и сидел. Внизу как раз начиналась вечерняя московская жизнь. Он с некоторой иронией подумал, что совсем недавно этот переулок ничем не отличался от сотен окрестных, разве что при советской власти хороший букинистический магазин здесь имелся. А сейчас, он буквально на днях в газете прочитал — Столешников по цене аренды «нежилых помещений» стал самым дорогим местом в Москве, как бы даже не во всей Европе. Всего-то стоило начать работать в одной из квартир тайному офису непонятной организации. Едва ли это можно назвать совпадением.

В мастерской Лихарева, очень нравившейся Вадиму (потому что чрезвычайно она напомина-

ла лабораторию при кабинете физики в его любимой школе), он, перед тем как привести в действие установку СПВ, что всегда, даже без всяких иных потрясающих мироздание действий было чревато катаклизмами планетарного масштаба, но в то же время благодаря «теории невероятности» было довольно безопасно, трижды сплюнул через левое плечо. Многим такие простейшие приёмы техники безопасности помогают. Потом включил Шар — агрианский универсальный информационно-поисковый прибор, по результатам — вроде «Гугла» или «Яндекса», только без лошади. Как паровоз.

Набрал установочные данные на искомый объект, потом — последовательность выполнения некоторых, по отдельности весьма простых заданий.

У президента США была очень удачная фамилия и сложное происхождение. Фамилию свою он мог писать двояко, и до избрания, в быту, там, где не требовалось предъявлять удостоверения личности или заполнять финансовые документы, пользовался ирландским вариантом — О'Йама, что для Америки почти нормально. Статус ирландцев по не совсем понятной причине был там значительно выше, чем южноевропейцев или, упаси Бог, славян. Может, потому, что культовый президент Кеннеди тоже из них, из ирландцев. Хотя сам по себе народ ну абсолютно ничем не выдающийся на фоне соседей по континенту и окрестностям. Ну, рыжих много, ну, картошку

очень сильно любят, что однажды чуть не привело к исчезновению их как самостоятельного народа¹. Но у нынешнего персонажа ирландцы по материнской линии в роду были, и никуда от этого не денешься.

На самом же деле его настоящая фамилия звучала и писалась — Ойяма, поскольку был он прямым (но побочным — такое случалось) потомком, хотя и давно натурализовавшимся, известного японского принца, маршала, военного министра, начальника Генерального штаба, в Русско-японскую войну — главнокомандующего сухопутными войсками, а с 1912 года носившего пожизненное звание гэнро, то есть члена совета старейшин при императоре².

То есть происхождение нынешнего президента было аристократическое дальше некуда. Правда (об этом биографы умалчивали), его прадед, сын маршала от двоюродной сестры, ещё в конце девятнадцатого века за какие-то несовместимые с самурайством провинности был изгнан из рода, лишён всех прав состояния и эмигрировал в Северную Америку, что тогда было довольно модно в двинувшейся по пути цивилизации и просвещения феодальной империи, вполне варварской по каким угодно меркам.

Арканар не Арканар, но очень вроде того.

¹ В середине XIX века на картофель в Ирландии напал какой-то вредитель, отчего случился страшный голод. В результате это вызвало массовую эмиграцию ирландцев в США. Нынешнее население Ирландии (без Северной, входящей в состав Великобритании) — около 3,5 млн человек.

² Ойяма (Ойяма) Ивао (1842 — 1916).

За прошедшую сотню лет потомки разжалованного самурая, ронина¹, попросту говоря, вполне американизировались, многократно вступая в браки с «лучшими представителями многонационального населения «великой западной демократии». В череде предков, родственников и свойственников президента оказались даже мексиканцы и отчего-то затесался какой-то алеут (голос крови свёл, наверное).

Однако внешность Мишель Ойяма имел почти европейскую, ну, чуть-чуть с азиатчинкой, любил на собственном примере демонстрировать полный триумф американского мультикультурализма (а также и «плавильного котла»), умел долго и красиво говорить, в результате чего был триумфально избран президентом, правда, с перевесом над соперником всего в 1,1%, что вполне укладывается в пределы статистической погрешности, особенно если в родном штате бюллетени пересчитывали трижды, выискивая бракованные.

¹ Ронин — в средневековой Японии деклассированный самурай, покинувший сословие и должность при сюзерене по какой-либо причине, в том числе изгнанный за неблаговидные поступки. Чаще всего ронины становились этакими «странствующими рыцарями» с японским колоритом, разбойниками и т.п. С наступлением «нового времени», т.е. эпохи Мэйдзи (буквально — «просвещённое правление», аналог европейских буржуазно-демократических революций, но характерный тем, что «революция» 1867 — 1868 гг. восстановила полновластие императоров, ранее находившихся в подчинении у крупных феодалов), некоторые из ронинов пополнили ряды «бизнесменов» и «лиц свободных профессий». Поэтому, в том числе, «японский капитализм» сильно отличался от пореформенного российского, «исходный материал», так сказать, разный.

Но если где нужно решили, чтобы президентом на следующий срок стал именно он, — так тому и быть.

Да и вообще... Никто до сих пор не удосужился *наглядно объяснить простым американцам*, что напрасно они пытаются учить другие народы демократии, ибо сами они об этом феномене не имеют никакого представления. За всю историю страны ни один американец никогда не участвовал в тех самых прямых, равных, всеобщих и тайных выборах верховной власти, что являются «священной коровой» хотя бы в России, начиная с революции 1905 года. Там «выбирают» каких-то «выборщиков», которые тоже никого не выбирают. Просто считают (тоже неизвестно кто), к какой партии эти «выборщики» принадлежат. У какой хоть на одного больше — та и победитель, та и назначает своего президента. Независимо от реального отношения граждан к этим самым кандидатам. Ничуть не демократичнее получается, чем выборы Калигулой в римский Сенат своего коня.

Но тем не менее Ойяма «победил», и в тот же миг весь «цивилизованный» (то есть тот, где принято восхищаться Штатами, даже когда они бомбят твою собственную столицу) мир охватила «Ойяномания». Вроде того что после распада СССР и мнимого окончания «холодной войны» очень короткое время происходило вокруг имени и личности Горбачёва.

Ирландо-японо-алеуту, олицетворившему торжество мультикультурализма и политкорректности (жалко, что он открыто не объявил себя ещё

и пассивным педерастом — недобор получился), немедленно, буквально через месяц после избрания и единогласно (Россия, по счастью, в этом постыдном действе не участвовала), присудили Нобелевскую премию мира, впервые в истории главе государства, ведущему сразу две войны и ещё к двум открыто готовящемуся.

И потом ещё года два СМИ «золотого миллиарда» ежедневно рассказывали остальному миру, что вот-вот наступит «всё сразу»: прекратится мировой финансовый кризис, сами собой закончатся все войны, мигрантов всех племён и рас (кроме русских и православных славян, естественно) в Европе и англосаксонских странах уравняют в правах с аборигенами, причём с правом пожизненного наследуемого вэлфера¹. И ещё наступит «перезагрузка»².

При этом как-то совсем незаметно кризис разгулялся пуще прежнего, захватив даже самые ранее благополучные страны. Исламский терроризм вырос до невиданных масштабов, ранее стабильные и постепенно цивилизующиеся стра-

¹ В элфере — государственное пособие, позволяющее всем желающим жить в принимающей стране не работая, не служа в армии, вообще не имея никаких обязанностей «человека и гражданина» (в отличие от «прав»). Очевидно, придумано «коммунистами» ещё при Сталине для разложения «свободного мира».

² Пропагандистский термин, аналог «разрядки» 70-х годов прошлого века, означающий такое желаемое изменение взаимоотношений США и РФ, которое лучше всего определяется русской пословицей «и волки сыты и овцы целы». То есть вдруг всем станет хорошо без каких-либо видимых усилий и репутационных затрат. Но Америке всё-таки немножечко лучше.

ны Северной Африки и Ближнего Востока начали стремительно, при деятельной помощи Запада, проваливаться в Средневековье. Американцы проиграли две уже тянувшиеся по десять лет войны, но не перестали готовиться к новым.

Одним словом, жизнь на Земле шла нескучная.

Президент Ойяма в начале своего первого срока любил воображать себя реинкарнацией Джона Фицджеральда Кеннеди¹ и имел, нужно отметить, к этому некоторые основания, даже не считая ирландских предков. Он, например, умел читать толстые книги, не шевеля губами, и даже имел дипломы о двух высших образованиях.

В общем, был это высокочивший, как чёртик из табакерки, или как Чичиков в городе № новоявленный кумир «интеллектуально-либеральной» Америки, а то и всего «цивилизованного» мира, к которому Россия, естественным образом, не относилась.

¹ ДФК — (1917 – 1963), 35-й президент США (1961 – 1963 гг.). Считается самым молодым, самым образованным и реалистично мыслящим человеком на этой должности. Ирландского происхождения, католик. Окружил себя интеллектуалами — «яйцеголовыми», что вызвало к нему всеобщую ненависть реально правящего в США класса. Довёл мир до порога термоядерной войны (т.н. «Кубинский кризис» 1962 г.), но совместно с Н. Хрущёвым сумел вовремя остановиться. Попытался проводить более реалистичную политику в отношении с СССР, чем-то напоминающую политику Ф.Д. Рузвельта. Убит в Далласе в ноябре 1963-го. Организаторы и заказчики убийства до сих пор не установлены. Брат ДФК — Роберт Фрэнсис Кеннеди, министр юстиции, намеревавшийся раскрыть преступление, убит в 1968 г. после выдвижения себя кандидатом в президенты США.

В компенсацию этому странному торжеству толерантности «азиатского высокочку» сразу возненавидела вся консервативная и попросту «глубинная» Америка. Рэднэки так называемые. Негр не негр, а всё равно чужак, да ещё и с «идеями», пусть самыми робкими, но намёками на какой-то там реализм (Хрущёв бы непременно сказал «реализм» и был бы в чём-то прав) во внешней и внутренней политике. Не забудем, на вполне постановочных выборах ему нарисовали лишь 51,1 процента голосов «за». Даже чуть меньше, как намёк, наверное.

Поначалу как-то обходилось, и весь первый срок президент надеялся, что ему удастся реализовать большинство своих, в целом не слишком глупых идей, но потом всё сразу изменилось. Где-то он, сам не заметив, переступил некую черту, или истинные «хозяева жизни» сочли, что поигрались — и будет. И решили укоротить поводок. Вот тут Ойяма на личном опыте убедился, что вопреки сказкам про американскую демократию (в которые он до последнего искренне, на грани слабоумия, верил, что странно при его образовании и жизненном опыте) и пропагандистским штампам о все权力и американского президента на самом деле он не может ничего. Вообще ничего! Ни сказать, ни сделать что на службе, что в личной жизни. Разве что жену обматерить по-японски, убедившись, что рядом нет микрофонов.

Любое его слово, если оно не понравится кому-то из тех, кто принимает настоящие решения, может закончиться грязной кампанией в

самой свободной прессе: «пятнами на платье», «сигарой с биологическими следами», «подслушиванием конкурентов», смешиванием с дерьмом и последующим циничным импичментом. Вспомните хоть Никсона¹, хоть Клинтона, если не углубляться слишком далеко в прошлое. В общем, полная свобода передвижения человека, привязанного к паровозу.

Ума и азиатской сообразительности Мишелю Ойяме хватило, чтобы наконец понять, чего стоит его «свободомыслие» и где границы его власти и даже свободы. Окончательно всё стало ясно, когда в политические наставники ему демонстративно были определены два давно переваливших восьмидесятилетие ветерана «холодной войны». Руководить «чёрной кассой» государства стал тоже ассимилированный еврей (национальность здесь, разумеется, значения не имеет, нашёлся бы столь же пронырливый эстонец — да ради Бога!), но всего лишь семидесяти лет от роду, зато печатающий доллары станок стоял у него чуть ли не

¹ С Никсоном вообще смешно. Его подвергли импичменту за микрофоны, установленные в отеле «Уотергейт», штаб-квартире конкурентов на выборах. Причём так до конца неизвестно, кто устанавливал и что прослушивал. А вот разоблачения США в организации тотальной прослушки всех лидеров западного мира никаких серьёзных последствий не вызвали. Все дружно согласились, что «Большой брат» — «право имеет!». Что ещё раз подчёркивает величие «американской демократии» — президент не имеет права на какие-либо действия, не согласованные с «закулисой». А Никсон явно не согласовал. Впрочем, Кеннеди (2 экз.) просто пристрелили.

в спальне. И вставать не надо, проснулся, ткнул пальцем — ещё триллион госдолга, извольте получить. Прямо как в Зимбабве¹.

Затем те, кому положено, выбросили на ломберный стол сразу четырёх дам — назначив их на должности госсекретаря, директора АНБ², советника по национальной безопасности и руководителя аппарата Белого дома. Все эти «дамы» (термин употребляется исключительно из вежливости, если кому сразу непонятно) отличались отвратительным характером, зоологической русофобией, истеричной агрессивностью и, похоже, традиционной для фашистующих либеральных феминисток ориентацией. По крайней мере, три из них были незамужними от рождения, а четвёртая — прославившаяся многими скандалами «разведёнка».

¹ В этой избравшей в качестве государственной политики «апартеид наоборот», некогда богатейшей Родезии, под властью «чёрных» инфляция очень быстро достигла чисто германских масштабов 1923 года — за один американский доллар давали ровно миллиард зимбабвийских. И печатались дензнаки с двенадцатью нулями.

² Агентство национальной безопасности — составная часть системы американских спецслужб, официально занимающееся сбором и анализом разведывательной информации по всему миру и любыми способами. То есть президенту может быть предложена какая угодно образом сконструированная информация, хоть про «сибирскую язву» в хранилищах Ирака, хоть о запланированном на завтра нападении России на Аляску. Избежать такого «промывания мозгов» можно только путём создания собственной, никому, кроме президента, не подчиняющейся спецслужбы (как у Сталина), что в условиях США совершенно невозможно, но по причинам, весьма далёким от «демократии».

Положение мистера Ойамы сразу стало значительно хуже губернаторского¹. Зачем далеко ходить — даже о разработке и начале реализации операции по устраниению российского Президента, названной «Мангуста» (очевидно, исходя из змеиной сущности вражеского предводителя), ему удосужились сообщить как бы не самому последнему из «допущенных».

Это, пожалуй, было последней каплей, переполнившей чашу, или соломинкой, сломавшей спину буйволу...

Но как-то утром, встав, наверное, не с той ноги, потомок самураев вдруг ощутил приступ национально-фамильной злости. Не цивилизованной европейской, когда начинают грязно ругаться и кружить посуду и мебель, а исконной островной, где вынужденные жить в чудовищной тесноте, в домиках со стенами из соломы и бумаги люди выработали совершенно другие поведенческие схемы. Моветоном считалось не то, чтобы голос повысить, а чёрточкой лица дрогнуть до того, как врагу будет нанесён единственный, со стороны часто и незаметный удар...

У Ойамы не было никаких личных оснований желать падения руководителя второй по военной силе мировой державы. Да, «объект акции» не отличался выдающимися волевыми качествами, но искренне почитал право и «демократические ценности» и в личном общении был лучше многих коллег что по «семёрке», что по «двуходюжинке».

¹ Смысл этой метафоры автору не совсем понятен. По его мнению, было в Империи много куда худших должностей, например — начальник отдельного корпуса жандармов. Тому вообще никто из «приличных» людей руку не подавал.

Моментами русский коллега пытался держать себя подчёркнуто независимо и открыто противоречил выражаемой США «воле мирового сообщества». Так он потому и был русским, достаточно русским, чтобы не соглашаться открыто капитулировать и признавать главенство единственной в мире «сверхдержавы». Но кто мог бы поручиться, что другой человек на его месте окажется хоть чем-то лучше или удобнее? Любому более-менее вменяемому политику известно, что, в отличие от математики, замена какого-либо члена в «уравнении» способна вызвать на самом деле «непредсказуемые последствия», и, допустим, устранение Гитлера в сорок четвёртом году могло вызвать не скорейшее окончание войны, а, напротив, её продолжение в бесконечность...

У Черчилля ведь были планы сразу после взятия русскими Берлина напасть на них вместе с интернированными, но не разоружёнными на Западном фронте немцами. Хорошо, что у Рузвельта были другие виды на «всемирную историю»¹.

Никакой угрозы для США сегодняшняя Россия не представляла. Медленно, но достаточно целеустремлённо она выкарабкивалась из трясины девяностых годов, но до того, чтобы составить реальную конкуренцию экономической мощи Штатов (даже без её сателлитов), ей потребуются много-много десятилетий. Если это вообще возможно — подравнить потенциалы при таком разрыве, не количественном даже, а качественном.

¹ Здесь обыгрывается название трёхтомной книги Дж. Неру «Взгляд на всемирную историю».

Другое дело — тот дурной пример, что она подаёт миру. Точнее — его недовольной американским диктатом части. Самим фактом очередного «ренессанса» делает месседж — мол, её рано списывать со счетов, за последнюю тысячу лет она и не такое видела, и считает, что по сравнению с Наполеоном и Гитлером нынешние противники выглядят мелковато, моментами просто жалко, несмотря на свою финансовую и военную мощь. Где гарантии, что другие страны с тысячелетним историческим опытом не сообразят, что, если все сразу пошлют «дядюшку Сэма» по известному адресу, деваться ему будет некуда. Что такое его жалкие двести тепличных лет в сравнении с пятью тысячами китайских, двумя тысячами персидских, да даже тысячей испанских и латиноамериканских?

Здесь, воленс-ноленс, Ойяма по-своему, как бы под совершенно другим углом и с других мировоззренческих позиций, с указанной точкой зрения соглашался. Деградация, и личностная и на онтологическом уровне, поразила не только Европейский Запад, но и Японию. Сегодня никто уже не готов, как в годы и Первой и Второй мировых войн, сражаться до последнего солдата и патрона, ходить в штыковые атаки и атаковать на торпедоносцах вражеские корабли, зная, что шансов вернуться от двадцати процентов до нуля¹.

¹ Во время Тихоокеанской кампании ВМВ были случаи, когда американские лётчики атаковали японские корабли на устаревших, тихоходных «девастайторах», погибавших полностью, целыми эскадрильями, на глазах других пилотов. Но американцы продолжали воевать. Сегодня на подобные подвиги они уже не способны.

Да какая там мощь, если быть до конца честным с самим собой? Единственно, что её имитирует, — возможность бесконтрольно печатать чёрно-зелёные бумажки с портретами никому в мире не интересных людей, провинциальных адвокатов, четыре или восемь лет занимавших место в Белом доме. Разве сравнишь это «архитектурное сооружение» с Кремлём, Зимним дворцом, Петергофом, наконец? А какова резиденция правителя, такова и его психология, тут без вопросов. Архитектура — это, как известно, философия и история, воплощённые в камне. Как там Наполеон выражался во время своего Египетского похода: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас с этих пирамид!»

А пресловутое «военное превосходство». За исключением опереточной испано-американской США уже третий век не выигрывали самостоятельно ни одной войны. Даже во Вторую мировую и Рузвельт, и Трумэн вынуждены были просить Сталина помочь, ибо без СССР даже с нищей, не имеющей природных ресурсов Японией великая Америка, располагающая атомными бомбами, уже сброшенными на беззащитные города, не надеялась победить раньше тысяча девятьсот пятидесяти года. При том что грядущие потери в живой силе заранее признавались неприемлемыми. Свободный американский народ не потерпел бы двух-трёх миллионов гробов; он и пятьдесят семь тысяч из Вьетнама не выдержал. На Корейскую войну пришлось мобилизовывать половину «членов ООН», на Иракскую и

Афганскую — всех, включая молдаван и эстонцев. И всё равно проиграли.

Автоматически следовал вывод — воевать всерьёз с Россией, даже нынешней, США были физически и психологически не в состоянии. Никакие ПРО не помогут. Вопрос стоит только так — либо гарантированное взаимное уничтожение вместе со всей планетой, либо Америка проигрывает вчистую. Разумеется — только политически, об экономике речи пока не шло.

Оставалась лиддел-гартовская «стратегия непрямых действий»¹. Вот специалисты-разведчики, аналитики, геополитики и финансисты и додумались решить вопрос раз и навсегда. Это были, честно сказать, очень странные «специалисты». Руководствуясь их теориями и рекомендациями, Америка за шестьдесят с лишним лет, прошедших после Второй мировой войны, ухитрилась потерять всё, что только возможно.

Нет, с точки зрения малограмотного обывателя, всё выглядело просто великолепно, но если посмотреть, как советовал какой-то русский поэт, «с холодным вниманьем вокруг», картинка вырисовывалась до крайности неприглядная. Достаточно сравнить геополитическое, финансовое, нравственное состояние США в тысяча девятьсот

¹ Сэр Бэзил Лиддел Гарт — автор одноименной книги, которую можно назвать «последней главой ненаписанного учебника европейской военной науки». Кратко стратегию непрямых действий можно определить как методику выигрывания войн невоенными средствами, по преимуществу — психологическими. А вообще лучше прочесть всю книгу.

сорок девятом году¹ и сейчас. Тогда Америка была сильнейшим и богатейшим государством в мире, ей никто не угрожал и угрожать не мог даже теоретически. Сталин был бы рад, как они договаривались с Рузвельтом, без очередной войны разделить «бремя белого человека» по поддержанию порядка на Земле на двоих. Остальные страны и народы в этой «большой шахматной игре» должны были довольствоваться ролью пешек, в лучшем случае — зрителей. В Ялте² к этому были сделаны решающие шаги, но смерть Рузвельта и пришедший к власти человечек с внешностью провинциального бухгалтера³ всё испортили.

Колониальные державы наводили порядок в своих колониях, и никаким туземцам Африки, Азии и Латинской Америки в голову не приходило массово мигрировать в Европу и США, чтобы потребовать своей доли пирога, якобы отнятого у них. Да и жизненный уровень африканцев, «сто-

¹ Год берётся не с потолка. Это последний по-настоящему мирный и спокойный год послевоенной американской истории. В 1950-м началась совершенно ненужная США война в Корее. (Спасибо Гарри Трумэну, который сбросил бомбы на Японию, создал НАТО и начал упомянутую войну.) И пошло...

² На Ялтинской (Крымской) конференции трёх держав в феврале 1945 г. Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем были намечены основы послевоенного устройства мира. СССР при выполнении выдвинутых им условий согласился вступить в войну с Японией через 2–3 мес. после окончания войны в Европе.

³ Трумэн, Гарри (1884–1972) — 33-й президент США (1945–1953) от Демократ. партии, отдал приказ о бомбёжке Хиросимы и Нагасаки, инициатор создания НАТО, вдохновитель войны в Корее.

нущих под пятой», в 1950 г. был в среднем вчетверо выше, чем сейчас, и ни о каких нынешних бедах не шло и речи.

Не существовало ни терроризма, ни проблемы наркотиков. Бреттон-вудский «золотой стандарт» — тридцать пять долларов за унцию — делал «гринбэк» действительно мировой валютой, твёрдой, как скала. Жизненный уровень «простого американца» неизмеримо превосходил всё, что имелось в разорённой войной Европе¹.

Но англосаксы, увы, не могут жить спокойно и чувствовать себя в безопасности, если поблизости есть кто-то, кто не вертит униженно хвостом и не заглядывает в рот, а даёт понять, что «видели мы лилипутов и покрупнее». Вот и не утерпели. Сначала «Фултонская речь» Черчилля, потом «железный занавес», «холодная» и масса локальных «горячих» войн. В итоге доигрались до «башен-близнецов» и всего прочего, с чем вошли Соединённые Штаты в двадцать первый век.

Один весьма почтенный,уважаемый и, в общем, заслуженно авторитетный современный российский философ сообщил в одной из своих книг, что уровень американских футурологов, экспертов и «конструкторов будущего» столь недостижимо высок по сравнению с нашим, они владеют такими методиками и технологиями «управления реальностью», что при общении с ними даже он чувствовал себя как семиклассник

¹ Только в Аргентине в 1950 г. (при президенте Х. Д. Пероне) жили не хуже, а чем-то и лучше, чем в США, благодаря режиму хустициализма. См. на эту тему: Ю. Слепухин. У черты заката.

физматшколы на семинаре аспирантов хотя бы Ландау или Колмогорова. То есть понимал суть их рассуждений через пятое на десятое и с предельным, до головной боли и дрожания в конечностях, напряжением интеллекта. И нам, конечно, заявил означенный философ, ближайшие десятилетия нечего и пытаться соперничать с США на этом поле. Типа — «у них ноутбуки, айфоны и айподы, а мы всё на счётах щёлкаем и до сих пор телефоном системы «Белл-Эриксон» пользуемся...».

Фёст, услышав это, сильно удивился. И даже позволил себе не слишком вежливо рассмеяться тому в лицо. У него как раз насчёт умственных и профессиональных качеств американских специалистов сложилось совершенно противоположное мнение. То есть создавать собственный имидж с использованием методик НЛП у них получалось совсем неплохо, только вот реальные результаты при вдумчивом рассмотрении не впечатляли.

Включенная в режиме «одностороннего окна» установка СПВ сейчас открылась в так называемый «ситуационный кабинет» президента США, где господин Ойяма совещался со своими *приближёнными*. Точнее, происходящее больше напоминало описанную Гашеком «Торжественную порку»¹, где экзекуции подвергался как раз хозяин.

Большинство присутствующих он с чистой совестью мог считать своими непримиримыми

¹ См. роман Я.Гашека «Приключения бравого солдата Швейка».

и бескомпромиссными врагами, хотя для общественного мнения в администрации президента и вокруг царил истинно командный дух и полное единство взглядов.

Директриса АНБ бросила (именно!) на стол перед Ойямой несколько сколотых вместе листов формата А-4 с набранным 16-м размером шрифта текстом.

— Это — что? — спросил тот, глядя на «меморандум» с вполне мотивированной опаской.

— Это выдержки из последних статей о реальной боеспособности российских вооружённых сил и моральном уровне офицерского и генеральского состава самого авторитетного сейчас в России военного эксперта, некоего Грюнфельдбауэра, обозревателя «Актуальной газеты».

— Самого? — не поверил президент. — Я думал, самые авторитетные у них в Генштабе или ГРУ работают...

— Его источники как раз там и служат, так что достоверность материалов стопроцентная. Но сами они, как вы понимаете, открыто высказываться не могут, а статьи этого журналиста благодаря его отважной оппозиционности и великолепному стилю еженедельно читает весь российский креативный класс. После этого через социальные сети точка зрения обозревателя становится известна большей части хоть как-то интересующегося внешней политикой населения России. И это приносит нужные нам результаты. Мы платим этому господину сорок тысяч необлагаемых налогами долларов ежемесячно, и он того стоит.

Для вас мы подобрали только фактаж, без публицистики. Ознакомьтесь, пожалуйста.

— Постойте, — вдруг вспомнил Ойяма некогда тщательно прочитанные им подборки материалов по недавней, крайне неприятной и даже унизительной для Запада «пятидневной колониальной войне», когда русские впервые за двадцать лет показали, что могут решать геополитические проблемы без оглядки на мировое сообщество, и — довольно успешно. — Это ведь он, кажется, за неделю до начала русско-грузинской войны предсказывал, что вооружённая и обученная нами армия «Джорджии» легко разгромит деморализованную и почти безоружную российскую, вернёт себе оккупированные территории и станет региональной сверхдержавой? Крайне ценный был прогноз. Обошёлся нам в десять миллиардов долларов плюс «потерю лица». Вы с него тогда не удержали гонорар хотя бы за несколько месяцев?

— Я тогда ещё не работала здесь, — поджав губы, ответила мисс Прайс, не понимавшая даже английского юмора, не говоря о более тонких разновидностях этого определяющего разумность высших млекопитающих жанра. Многие собаки, не говоря о шимпанзе, юмор, пусть и своеобразно, но воспринимают и даже сами умеют вроде как шутить. — А наш обозреватель был, между прочим, совершенно прав. И комитет начальников штабов¹ это признал... Вмешался человече-

¹ Комитет начальников штабов родов войск (ВВС, ВМФ, сухопутных сил) — в США высший орган чисто военного руководства, малоудачный аналог Генштабов других европейских армий.

ский фактор. Если бы грузины действовали в точном соответствии с планом, озвученным г-ном Г., успех был бы гарантирован...

— Интересно, отчего комитет начальников штабов не пригласил этого господина к себе на службу или не назначил его главкомом грузинской армии? — язвительно спросил Ойяма.

— Никто не предполагал, что грузины начнут разбегаться при первых выстрелах. А мы их вооружали и готовили десять лет. У них лейтенант получал жалованье больше профессора Тбилисского университета, а все офицеры старше майора прошли обучение или стажировку в Вест-Пойнте¹, снаряжение им тоже было выдано наилучшего качества. При таких условиях они просто обязаны были победить.

— Очень жаль, что в Вест-Пойнте не умеют оценивать моральные качества и боевую стойкость своих курсантов, — насмешливо сказал президент. — Я где-то слышал, что за деньги легко заставить убивать, но очень трудно убедить умирать. — А сам подумал: «Хорошо, что эта война случилась до моего избрания, не пришлось объясняться перед Конгрессом и краснеть на брифингах...»

Причём объясняться не за то, что эту войну организовали и спровоцировали, а за то, что не сумели довести её до победного конца, в решительный момент практически спрятавшись в кусты.

¹ Вест-Пойнт — старейшая и самая престижная военная академия США, в ней проходят подготовку, наряду с американцами, офицеры многих «дружественных» США армий.

А вот сейчас его подталкивают к гораздо худшему.

Вчера Ойяме уже было сказано одним из тех, кто обеспечил его избрание, прямым текстом, даже не лично, а по телефону, что само по себе оскорбительно: «Этому наглецу (то есть русскому президенту) нужно ответить немедленно и так, чтобы ни у кого больше не возникло желания даже подумать о возможности такого тона в разговоре с Соединёнными Штатами». И сказал это человек, для которого США не более чем место временного пребывания, до тех пор, пока у него и его партнёров в руках печатный станок Федеральной резервной системы. Не у государства, не у правительства, а у них. Этот господин принадлежал к *структуре*, которая последние пятьсот лет последовательно управляла финансами нескольких некогда великих, но потом переставших ими быть держав. Начиная с только что завершившей реконкисты¹ Испании.

До сих пор такое положение дел Мишеля Ойяму устраивало, вернее — он просто не представлял, что может быть как-то иначе: подчинение президента и Конгресса силам, никаким образом не предусмотренным Конституцией (хотя на долларовой бумажке изображены масонские знаки), считалось само собой разумеющимся, а теперь это его вдруг задело, и сильно.

¹ Реконкиста — отвоевание испанцами захваченной маврами территории Пиренейского полуострова (VIII — XV век н.э.). Началась в 718 г. битвой при Ковандоге, завершилась взятием Гранады в 1492 г. И таких людей Америка пытается «учить жить».

Может быть, сам того не понимая, Ойяма сравнил своё положение с положением русского президента, едва-едва не свергнутого своим ближним окружением. Тем не менее понявшего «откуда ветер дует» и решившегося первым делом, как только разделялся с заговорщиками, бросить переходящий границы разумного вызов не то чтобы даже сильнейшей военной и экономической державе мира, а самому мируоустройству как таковому. Ибо не признавать лидерства Америки — ещё большая ересь, чем мусульманину публично заявить о том, что «Есть Бог кроме Аллаха, и не только Магомет пророк его».

Госсекретарь, мисс Блэкентон, которой полагалось только советовать, а не требовать что-то от шефа, собрала тонкие губы в подобие куриной гузки и стала вдруг похожа на злую старуху с лавочки у подъезда в малопrestижном спальном районе Москвы. Но здесь, к сожалению, некому было провести такую параллель. Старушки у подъездов отсутствуют в Штатах как класс, что входит в некоторое противоречие с распространённым предрассудком о невероятном коллективизме американцев в противовес российскому угрюмому индивидуализму.

— Грузины поверили людям из предыдущей администрации: Им твёрдо обещали, что русские не вмешаются в операцию по освобождению «оккупированных территорий», а мы окажем им всю необходимую помощь, включая неограниченную военную. Они имели перед собой пример Сер-

бии и искренне верили, что мы точно так же, спасая их от геноцида, станем бомбить Москву, как в своё время Белград. А когда наступил «момент истины» — их обманули. Мы больше не имеем права таким образом подставлять наших друзей... За свои слова надо отвечать. Если наши деды брались за рукоятку револьвера, они не позволяли врагу поверить, что это дешёвый блеф...

Президент подумал, что мисс Блэкентон — отвратительная мегера, хотя ей нет ещё и пятидесяти, и по доброй воле он не стал бы разговаривать с ней даже о погоде, но увы — это другие «хозяева Белого дома» могли сами набирать себе команды и стучать кулаком по трибуне в Конгрессе, требуя принятия нужных для них и Америки решений. Как Рузвельт, Трумэн или Эйзенхауэр. Он — не может. Эпоха диктаторов у власти прошла навсегда, сейчас эпоха политкорректности, мультикультурализма и «коллективного руководства».

Взгляд президента упал на портрет одного из его предшественников, в ряду других украшавший противоположную стену зала. Да вот хотя бы — Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид, «Айк», 34-й по счёту. Победитель во Второй мировой войне, полнозвёздный генерал, награждённый, кстати, рядом с самим Сталиным советским орденом «Победа», варварски пышным и безумно дорогим, осыпанным настоящими бриллиантами.

Да, вот это — президент, имевший и волю, и характер плевать на любые рекомендации, хотя бы они исходили от людей, имевших столько денег, что хватило бы купить не только послевоен-

ную Европу посредством «плана Маршалла», но и сами Соединённые Штаты тоже. Это ведь ДДЭ публично заявил, что главную опасность для Америки представляет её набравший непомерную силу и власть «военно-промышленный комплекс».

А он — всего лишь Мишель Ойяма, метис с кровью, похожей на тщательно взбитый коктейль — президент всех наций, народностей, групп и группок каких угодно меньшинств, включая активных лесбиянок и пассивных некрофилов, но не «американского народа».

Для того и выбран и «избран», чтобы окончательно дать понять всем, что ни о какой «воле большинства» отныне не может быть и речи. Зачем лицемерить перед самим собой, его избрание — это прежде всего плевок в лицо этим самым WASPам. Сильный, самодостаточный, уверенный в себе, имеющий собственное мнение, «винчестер» и «колт», белый протестант, потомок первопроходцев, здесь и сейчас никому не нужен. Он почти такой же враг «новой Америки» и «новых американцев», как и русский. А сам Ойяма должен сделать героем и символом нации «одноногого, слепого негра-мусульмана, вдобавок — гомосексуалиста». И в то же время, руководя народом, составленным из таких вот «граждан», — обеспечивать и впредь глобальное доминирование США... Или — уже не США?

Мишель с горькой усмешкой подумал, что от него требуют достойно ответить лидеру страны, с которой не справился ни Наполеон, ни руководимые Англией «двунадесять языков», ни Гитлер. (Ойяма, как раз в силу своего происхождения,

учился очень хорошо, старательно, не то что какой-нибудь Буш или Рейган, которым происхождение и социальный статус позволяли не знать не только где на карте находится Иран, а где Пакистан, но и не уметь перечислить по алфавиту названия всех американских штатов.) Всемирную историю он знал в достаточном объёме для вменяемого и окончившего два рассчитанных на подготовку «серьёзных специалистов» факультета человека.

И в то же время у него недостаёт власти, чтобы просто попросить выйти вон и никогда больше не возвращаться полусумасшедшую лесбиянку (лесбиянок Ойяма ненавидел куда сильнее, чем педерастов, но никогда этого не демонстрировал), вместе с тремя остальными «политмисс»! Хозяин пиццерии может уволить плохого повара, владелец корпорации — не справляющегося со своими обязанностями финансового директора, а он?

Эта уродливая баба — «госсекретарь»! Почему? Потому что её бывший свекор был три срока подряд постоянным председателем сенатского комитета по иностранным делам? Или потому, что она со школьных времён занимала руководящие посты в отделениях и комитетах «Дочерей американской революции»?¹ Или просто некогда приглянулась «менеджеру по персоналу» тайного «мирового правительства»? Кому-то, имеюще-

¹ Основанная в 1890 г. женская общественная организация, цель которой — «сохранять идеалы американства» и «распространять институты американской свободы». Отличается крайним консерватизмом, реакционностью и ксенофобией.

му право определять «единственно верный курс» всего мирового сообщества?

Что-то слишком много посторонних мыслей лезет в голову в то время, когда нужно принимать «судьбоносные решения», наверняка кем-то уже принятые за партией в гольф или между переменной блюд кошерного субботнего ужина.

Но эти господа кое-чего не учли — потомком древнего самурайского рода, восходящего непосредственно к богине Аматерасу-Оомиками, нельзя помыкать, как выходцем из трущоб Гарлема, пусть и закончившим Гарвард. Вот подскакивающая от нетерпения сказать очередную прописную глупость директор АНБ мисс Прайс как раз такая — злобненькая, истерзанная комплексами всех видов, от сексуальных до расовых, «чёрная пантера», пусть и в совершенстве выучившая русский язык.

На четверть японец (по крови на четверть и на три четверти по духу), Ояма умел на многие вещи реагировать не так, как от него ожидали те, кто воспринимал его, исходя из внешности и несущественных деталей биографии.

— Ну и ради чего мы собрались? — вдруг сказал президент, не притрагиваясь к «меморандуму», словно мгновенно забыл все слова, что были ему сказаны самыми разными людьми вчера, позавчера и сегодня тоже, во время этого совещания. Он любил поигрывать в покер. Не то чтобы профессионально, но гораздо лучше, чем в гольф. Гольф его бесил именно тем, что шарик по зелёному полю гоняли джентльмены, считающие, что тот, кто не умеет правильно выбрать клюшку и

забросить ловким ударом мячик на двести ярдов, недостоин говорить о большой политике.

Покер — куда увлекательнее и демократичнее. Истинно американская игра. Вот сейчас Ойяма сбрасывает от пяти карт три и прикупает. И что получает в итоге? Каре с джокером или никчёмную «тройку плюс двойку»? Думайте, господа, и говорите своё слово.

— То есть как? — вскинула голову Прайс. Высветленные до желтизны и искусственно выпрямленные волосы дико смотрелись на её лице негритянки. Точнее, мулатки, но темноватой. С чертами лица, далёкими от классических канонов даже и кроманьонцев. «Больше всего похожа на австралопитека из музея, — подумал Ойяма и чуть не рассмеялся. — Вот интересно, за что она так ненавидит Россию? Никаких ведь действительно разумных оснований. Там, кажется, всегда выступали за права чёрных. По крайней мере, в качестве рабов на плантациях никогда не держали. У меня, пожалуй, в память о прадедушке и судьбе Квантунской армии больше оснований их не любить. Вот Курилы с Сахалином категорически отдавать не согласны. На что уж Ельцин с Шеварднадзе и Козыревым вели себя как подгулявшие ковбои в борделе, тратящие последнюю десятку, а тут упёрлись намертво...»

— Вот именно так, мисс Прайс, — приходя в боевое расположение духа, ответил президент. — Мне надоели всякие околичности. Слишком многое стоит на кону. Не меньше, чем в октябре

шестьдесят второго¹. И говорить о сути и смысле текущего момента нужно серьёзно, чтобы не осталось место неясностям и недоразумениям. Здесь все ответственные люди, журналистов поблизости нет, прослушки, надеюсь, тоже...

Он сделал паузу, будто ожидая ответа хоть от кого-нибудь. Но все его «дамы» и прочие члены «кризисного штаба» предпочли перемолчать. Наверное, сколько здесь людей, столько и подслушивающих и подсматривающих аппаратов. Каждому ведь нужно отчитываться. Что ж, тем лучше...

— Давайте говорить прямо. Вы собрались здесь с фактически уже готовым решением — России нужно объявить войну. Реальную, или до крайнего предела «холодную». До нуля по Кельвину. (Едва ли многие из присутствующих знали, что это такое.) Так? Но по Конституции я не имею такого права, это прерогатива Конгресса. Тогда что я могу для вас сделать? Мой разговор с русским президентом вы все слышали. По-моему, всё, что возможно, мы друг другу сказали. Я не заметил со стороны моего русского коллеги особой агрессивности, он, скорее, был сдержан, но сдержанностью сильного...

¹ Так называемый Карибский кризис 1962 г. — конфронтация между СССР и США по поводу размещения на Кубе советских ракет в ответ на размещение таких же американских ракет в Турции и подготовку военного вторжения США на Остров свободы. Всерьёз стоял вопрос о начале термоядерной войны, как обычно — по инициативе американцев. В последний момент Н. Хрущёв и братья Кеннеди сумели перевести вопрос в чисто дипломатическую плоскость. СССР фактически выиграл в этом раунде «холодной войны».

— Вот это и недопустимо! — повысил голос вице-президент Дональд Келли.

Видимо, ситуация начинала выходить из-под контроля, раз подчинённым президента, хорошо воспитанным и знающим аппаратные правила, изменяет элементарная выдержка. Ещё это значит, что готового решения нет ни у кого.

«Ты сердишься, Цезарь, значит, ты не прав!» — вспомнил Ойяма римскую поговорку.

На этом и можно сыграть, не доводя дело до прямого конфликта, вполне могущего закончиться новой «дallasской пулей»¹. С импичментом никто затеваться не станет — цейтнот.

— Я же просил, Дональд, — давайте попробуем говорить прямо. — Голос президента звучал до предела умиротворяюще. Он ведь отнюдь не спорит, он просто честно пытается разобраться в непростой ситуации. В сорок первом году всё было наоборот: никто не хотел вмешиваться в мировую войну, а Рузвельт настоял. — Хотя бы сегодня. Иначе завтра, возможно, разговаривать будет слишком поздно. Просто некому и не с кем. — Президент постарался вложить в свои слова максимум убедительности. Не останавливаясь перед тем, что его слова будут восприняты не как сила, а как слабость цепляющегося за остатки своей власти и авторитета человека.

— Недопустимо что? То, что русский говорил со мной твёрдо, но сдержанно? Вы предпочли бы истерику или что-то ещё? Давайте воспринимать

¹ Президент Д. Ф. Кеннеди был убит пулей снайпера в г. Даллас в ноябре 1963 г.

противника (или всё же пока партнёра?) по возможности реально, без голливудских штампов.

— Именно: «что-то ещё». Нам нужен полноценный «казус белли». Русские от него всячески уклоняются, и, судя даже по вашему поведению, им это удаётся.

— «Даже по-моему» — это хорошо звучит, Дональд. А что я должен сделать в ответ на телефонный разговор? Разорвать дипломатические отношения, объявить абсолютное торговое эмбарго, послать войска? Или сразу — распорядиться о нанесении ракетно-ядерного удара по всем разведанным целям? Вы же мои советники и помощники, господа. Так советуйте, чёрт возьми! Я готов проявить всю возможную жёсткость. Только и вы мне помогите, мисс Прайс, положите мне на стол не вот это. — Он аккуратно отодвинул к краю стола предложенный ему документ. — Мне нужно что-то посолиднее для принятия рокового, может быть, решения. Чтобы не оставалось ни малейших сомнений в результатах нашего «демарша». Что мы реально теряем, сохраняя статус-кво, и что можем выиграть, перейдя Рубикон. Кстати — Комитет начальников штабов уже имеет проработанный в деталях план военной кампании? Настоящий план, не декларацию о намерениях, а чтобы так: «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...»

Никто из присутствующих, похоже, не только Толстого не читал, но и в немецком языке разбирался слабо. Их лица выразили недоумение.

— Насколько я знаю, на детальную проработку военной кампании мирового масштаба требу-

ется не один месяц. И ещё, мы ведь все деловые люди. Посчитайте и представьте в виде таблицы — сколько будет стоить каждый пункт вашего плана. В долларах и человеческих жизнях. Наших и неприятеля. Хватит с нас «Бурь в пустыне» и «Несокрушимых свобод». И ещё — чтобы следующее совещание не проводить в бункере под Скалистыми горами, — кто-нибудь гарантирует стопроцентное поражение *абсолютно всех* русских средств доставки? Я не помню, чтобы мне докладывали о полной готовности нашей системы ПРО.

Похоже, Ойяма переступил некую границу.

С серыми от ненависти губами (мисс «глава администрации» никогда их не красила, предпочитая «естественность») Кейтлин Мэйден заявила вибрирующим голосом:

— В этом нет никакой необходимости. Вместо этого «плана» я вам подготовлю справку о массовых нарушениях прав человека, бессудных расправах и казнях, происходящих сейчас в Москве и по всей России. Узурпатор, пользуясь случаем, под корень уничтожает всё, что является или может стать оппозицией. Людей, которых мы растили и готовили почти два десятилетия...

— Хорошо, представьте, — кивнул Ойяма.

— И вы немедленно должны сделать заявление о том, что США не в силах терпеть эту кровавую вакханалию. Либо немедленная отставка «президента», которого, возможно, вообще не су-

ществует, либо мы начинаем «гуманитарную интервенцию».

— Вы начинаете? — невинно спросил Ойама. — Сколько дивизий **моя** администрация намерена выставить в «первой волне» ударной группировки, сколько во второй и так далее? С каких позиций и какими силами будут нанесены высокоточные и, если потребуется, ракетно-ядерные удары? Сколько времени и транспорта потребуется для переброски «оккупационной армии»? Куда и как будем эвакуировать население городов, входящих в списки русских ответных ударов?

Понимая, что пилюлю следует хоть сколько-нибудь подсластить, добавил:

— Я президент и верховный главнокомандующий. Не могу же я сотрясать воздух впустую. Скажите, генерал, — повернулся он к председателю Комитета начальников штабов, — может быть, хоть вы в состоянии ответить на заданные мною вопросы? Вы гарантируете, что ни одна боеголовка до капитуляции Москвы не упадёт на американскую территорию? И достаточно ли у вас мобильных войск, чтобы оккупировать все ключевые точки их территории, подавить возможные очаги сопротивления, взять под контроль атомные станции и ракетные базы? Да, я ещё забыл, — с чрезмерной, пожалуй, ядовитостью (но ведь и вправду — его уже *достали*) сказал президент, — совсем недавно я видел по телевизору, как русские поднимали свой Андреевский флаг на новых лодках, несущих по 16 ракет с десятью термоядерными зарядами каждая. Вы способны уничто-

жить их все и сразу? Вы знаете места их лёжек с точностью до ярда?

Генерал Паттерсон встал, чувствуя себя крайне глупо. На вопросы президента ответить было просто нечего. В том формате, как они были заданы. Он шёл на это совещание, будучи заранее настроен таким образом, что его тема совещания как бы и не касается. То есть речь будет идти о санкциях против России, вплоть до военных, но на самом деле это только дипломатия. То есть Ойяму обяжут (вот именно) предъявить русскому президенту ультиматум, и этот ультиматум будет составлен таким образом, что отклонить его русские не смогут, не произнеся нужных слов о возможном применении силы. Они, разумеется, понимают, что грозить Америке военной силой не позволено никому, как и то, что никаких реальных сил у них и не имеется. Что толку от их ржавых ракет, ежегодно подкрашиваемых, но не факт, что способных взлететь и долететь? За исключением нескольких демонстрационных образцов. Последние неудачи с испытаниями новых стратегических ракет, запусками аппаратов к Марсу и даже спутников связи прекрасно это показали. Да и устроенная по советским образцам армия Саддама Хусейна рассыпалась в пыль после нескольких высокоточных ударов. В Грузии русские тоже воевали по лекалам шестидесятых годов прошлого века и с той же практически техникой.

Такая штука с ультиматумами два раза в прошлом веке проделывалась с Сербией. В четырнадцатом году за сербов вступилась Россия, и нача-

лась известно чем кончившаяся для большинства инициаторов мировая война. В девяностые годы Россия за Сербию не вступилась, и Америка спокойно решила все свои проблемы на Балканах. Вернее, то, что она считала проблемами тогда. Россия не Сербия, за неё вступаться некому...

Генерал, даже с хорошо промытыми собственной пропагандой мозгами, был всё же военный человек и помнил, что русские не раз удивляли мир, опрокидывая все расчёты лучших генштабов мира. Но — ему сказали, что именно сейчас русские воевать не будут. Потому... потому что не пойдут! Как сказал какой-то их деятель: «Верхи не могут, низы не хотят!» Очень емкое и успокаивающее объяснение. Генерал был неглупый человек, но исключительно в своей области, и, не совсем даже понимая, что совершает государственную измену, выступая против Верховного главнокомандующего (то, что президент всего лишь «наёмный менеджер» налогоплательщиков — это для штатских), согласился сыграть на той стороне стола, что напротив президента. За этими людьми сила, а за Ойямой, как ему объяснили, — ничего.

Паттерсон словно забыл, что ещё позавчера считалось, что никого нет и за русским президентом.

Но теперь Верховный главнокомандующий задал ему вопрос, и на него нужно отвечать, а то ведь что? Саботаж приказов Верховного пахнет мятежом.

— Нет, господин президент. Ничего из того, о чём вы спрашиваете, я гарантировать не могу.

Детальных планов полномасштабной войны против России у нас нет. В данный момент мы располагаем известным вам количеством стратегических и иных средств доставки, а также ТРЕМЯ вполне боеспособными воздушно-десантными дивизиями, которые мы можем использовать для оккупации России *после того*, как она капитулирует. Для уничтожения её сухопутной армии в случае полноценного сопротивления этих сил недостаточно. Правда, если правы дипломаты и разведчики, если Россия сопротивления не окажет и сложит оружие, тогда первые две-три недели мы сможем контролировать ситуацию. Да, сэр, две-три недели. На союзников по НАТО в ближайший год можно не рассчитывать, боеготовых для «русской кампании» подразделений у них нет вообще. Годом позже они просто разбегутся, бросив нас наедине с русскими. Кроме того, эти варвары уже не раз заявляли, что применят своё термоядерное оружие, если другие возможности обороны окажутся недостаточными...

— Итак, господа? — Президент обвёл глазами присутствующих. — Вы сами всё слышали. На мой взгляд — вопрос не подготовлен¹. Если вы гарантируете, что Конгресс даст согласие на объявление войны России при нынешнем положении дел, я выступлю с ультиматумом. Русские — не

¹ Бюрократический оборот весьма негативного оттенка, используемый в случае, если по ходу обсуждения докладчик не в состоянии ответить на внезапно возникшие вопросы «из зала» или *возражения по существу*. Часто такая ситуация заканчивается *огрывыводами* (ещё бюрократический эвфемизм, означающий увольнение лица, не обеспечившего...).

дураки, со своим византийским чутьём они великолепно умеют распознавать блеф. И в этом случае — «Vae victis!». Если нет — я не хочу делать нашу страну объектом всеобщего осмежания. Кстати, мисс Блэкентон, — повернулся он к госсекретарю, — вас не затруднит сообщить нам, как поведёт себя Китай в ситуации нашей с русскими конфронтации? Что, если, воспользовавшись случаем, он захватит Тайвань и попутно примется решать все другие свои geopolитические проблемы? У вас подготовлена нота и, опять же, план действий и на этот случай?

На госпожу госсекретаря было тяжело (а вернее — противно) смотреть. Причём объектом её неэстетичной злобы сейчас были отнюдь не русские.

— Таким образом, господа, — с непроницаемым самурайско-покерным лицом сказал президент, — я считаю, что нам всем следует ещё немного поработать. Со всем старанием. Нельзя, только что потерпев крайне неприятное поражение, подставляться снова, окончательно демонстрируя миру, что зубы у Акелы окончательно затупились... После Ирака, Афганистана и событий в Северной Африке это нам совершенно ни к чему. Прошу через три дня предложить мне более реалистичный вариант обращения к русскому президенту и рассчитать достаточно сбалансированное сочетание имеющихся в нашем распоряжении кнутов и пряников... Я буду говорить с ним по телефону, но в случае необходимости готов встретиться и лично. Все свободны.

Ответом ему было почти змеиное шипение Блэкентон:

— У вас нет этих трёх дней...

Ойяма предпочёл не рассыпать.

Во всей правящей верхушке страны у него был один человек, которому Ойяма доверял абсолютно — начальник военно-морской разведки вице-адмирал Феликс Шерман. Давным-давно они жили по соседству, учились в одном колледже и тогда же поклялись в вечной дружбе. За прошедшие тридцать пять лет ни тот, ни другой клятву не нарушили. К Феликсу он и решил обратиться немедленно. Отчего бы старым друзьям не половить «большую рыбку» с яхты президента. Говорят, в этом году очень расплодилась золотая корифена.

Фёст сделал вид, что аплодирует президенту. Этот парень повёл себя единственным возможным способом в данной ситуации. Правда, ещё неизвестно, чем это может для него кончиться. Пуля не пуля, а капелька чего-нибудь интересного в чашку зелёного чая — вот вам и обширный инфаркт с абсолютным летальным исходом. А вице-президент — свой человек в антирусской камарилье. Вроде как Трумэн после Рузельта.

Злые и одновременно подавленные соратники президента с каменными лицами покинули кабинет, а Ойяма обессиленно опустился в кресло и дрожащими пальцами начал раскуривать длинную сигару. В рабочих помещениях Белого дома этого делать не полагалось, но ему сейчас было всё равно.

О том, кто является единственным другом президента, Фёст уже знал.

Фёст не мог не посмеяться (или — поудивляться) синтонности некоторых событий, происходящих в разных реальностях и, возможно, долженствующую обозначать некую инвариантность пресловутой, навязшей в зубах геополитики. А возможно — обычной психологии.

Проще говоря — уже третий (или — четвёртый)¹ раз представляется возможность чисто эмоционально-психологическими методами разрушить кажущуюся нерушимой и логически безусловной англо-американскую антироссийскую доминанту. Америка здесь оказывается слабым звеном, и, следовательно, её «русофобия» — не более чем дань определённой моде, «атлантической солидарности» и мощному давлению «мировой закулисы». Но если трижды при определённых обстоятельствах удавалось объяснить американским президентам их истинные интересы — значит, никакой фатальной обязательности в конфронтации двух истинно великих держав нет, и нужно только постараться в четвёртый раз.

Фёст почувствовал охвативший его кураж — карта пошла, вера в победу на ринге или мировой шахматной доске охватила всё его существо-

¹ Автор имеет в виду события войны Севера против Юга 1861 — 1865 гг., когда Россия выступила на стороне Севера, пригрозив Англии крейсерской войной в Атлантическом и Тихом океанах, тайная «личная уния» Сталина и Рузвельта против Черчилля во время ВМВ, а также договор (тоже пока личный) между президентом США и Императором Олегом. (См. роман «Мальтийский крест.»)

В такие моменты актёры, например, в донельзя зашгрнной пьесе вдруг достигают каких-то немыслимых вершин, и зал овацией заставляет их двадцать раз выходить на аплодисменты.

Он поймал нерв Ойамы, теперь нужно на нём сыграть. К его же, между прочим, благу. Наступил такой редкий момент, когда, как пел Высоцкий, противник с полными руками козырей «зашёл он в пику, а не в червь»¹.

Так что, мистер Мишель Патрик Кэндзабуро (третье имя в официальных документах не употреблялось) Ойама, приготовьтесь. Скоро будет интересно.

Поднявшись в свой рабочий кабинет, Ойама расслабленно опустился в кресло наискось от приоткрытого окна, за которым на фоне густосинего неба пылали багрянцем канадские клёны. Настоящее «индейское лето».

Президент чувствовал себя вымощанным и измочаленным, хотя по его виду сказать этого было нельзя. Разговор со своим русским коллегой дался бы ему гораздо легче. По той простой причине, что можно было бы оставаться самим собой и говорить то, что думаешь и что принесло бы реальную пользу обеим странам. Он на самом деле считал, что России лучше бы согласиться на роль младшего партнёра США со всеми вытекающими последствиями. Тогда Америка могла бы больше не принимать на себя все «непопулярные» решения, предоставив роль «надсмотрщика на планта-

¹ Как правильно у Высоцкого, автор знает.

ции» этой громадной, бестолковой, но умеющей, когда надо, быть сильной и беспощадно решительной стране. И, самое главное, русские умеют находить общий язык с жителями «недоразвитых стран». И, пойдя на альянс с Америкой, Россия, наконец, получила бы *правильную демократию, правильные государственные институты и правильное понимание законности*.

Тогда бы можно было полностью отстранить от мировых проблем все остальные государства, да заодно и ЕС. Пусть копаются каждый на своём огороде.

Сейчас же он фактически сыграл в покер против своей страны, если, конечно, считать, как было сказано почти сто лет назад одним из тогдашних реальных хозяев США: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо и для Америки». Но там хоть всё было названо своими именами, а кому должно стать «хорошо» в случае нынешнего русско-американского кризиса? (Он предпочитал употреблять слово «кризис», поскольку даже сейчас в возможность «горячей» войны не хотел верить. На «вторую холодную», пожалуй, придётся согласиться.) От переворота в Чили 1973 г. лучше всех стало «AT&T»¹, от свержения правительства социал-демократа Хакобо Арбенса в Гватемале в 1954 г. выгадала «Юнайтед фрут»... и так далее. США как таковые ни в одном случае своих «гу-

¹ «AT&T» американская корпорация («Америкен телефон энд телеграф»), финансировавшая свержение режима Альенде в Чили, «Юнайтед фрут» — компания, в 50-е годы XX века фактически контролировавшая производство и экспорт тропических фруктов, прежде всего бананов, по всей Центральной и Южной Америке.

манитарных интервенций» не выигрывали ничего, кроме лишней головной боли и чувства гордости за то, что высоко несут знамя «доктрины Монро»¹. Деньги в любом случае шли не на благо «налогоплательщиков», а в сейфы всё той же «закулисы», где впоследствии бесследно растворялись. Зато всё умножался и умножался накал ненависти к самому имени «американец» во всём мире. Уже «демократизированном» и ещё нет.

Но вопрос ведь стоял именно так — либо он, президент, *работает во благо своей страны*, понимая это благо широко, в очень и очень долговременной перспективе, считая себя *политиком*, а не *политиканом*. Либо, подчинившись давлению (или — шантажу), — *против неё*, но это с точки зрения тех, кто, по сути, не имея отношения ни к самой Америке, ни к её настоящим жителям, ни к «американской мечте», как её понимали ещё отцы-основатели, ухитрились, прикрываясь самой разнузданной демагогией, навязать этой стране безусловно гибельный для неё курс. Упиваясь тем, что сегодня в их руках самый мощный и универсальный инструмент для достижения мирового господства — сочетание действительно сильнейшей на сегодняшний день военно-экономической державы и возможность в любых коли-

¹ «Доктрина Монро» — декларация, названная по имени тогдашнего президента, провозгласившая в 1823 г. Западное полушарие зоной исключительных интересов САСШ и потребовавшая невмешательства в дела бывших испанских колоний европейских держав. Интересно отметить, что эта же «доктрина» одновременно гарантировала невмешательство США в какие бы то ни было европейские дела и конфликты. Что мы и наблюдаем...

чествах печатать безусловно обязательные к приёму в любой точке Земного шара деньги, ничем по сути своей не обеспеченные¹.

А вот что должно воспоследствовать в результате «окончательной победы» транснационального правительства в мировом масштабе — вопрос не менее интересный, чем аналогичный столетней почти давности. А что будет, когда наконец победит «мировая революция»?

Ойама осмысливал происшёдшее не столь отчётливо и однозначно, как реконструировал его мысли Фёст. Это и неудивительно, слишком разные у них были менталитеты, жизненный опыт и вообще стиль и способ отношения к историческому процессу. Но в основном их мыслеформы совпадали — и рафинированный европеец, и близкий к природе пигмей из лесов Итури в определённых ситуациях приходят к совершенно одинаковым выводам и даже начинают одинаково действовать, при полном несходстве используемых ими логик.

На краю стола тихо пискнул и мигнул светодиодом на крышке специальный, штучный, на

¹ На эту тему есть интересное свидетельство К. Паустовского. В 1921 г. в освобождённом от турецкой оккупации и власти «грузинских меньшевиков» (как тогда называлось недолгое правление Н. Жордания и компаний) Батуме не было советских и каких-либо денег, кроме султанских турецких лир. И вот эти деньги несуществующего уже государства использовались местными жителями в качестве официального средства платежа. Причём фальшивых лир ходило столько, что население молчаливо согласилось не делать между ними и «настоящими» никакой разницы. С долларами примерно та же ситуация, поскольку «фальшивыми» можно считать 90% из напечатанных после 1973 г.

японском заводе собранный ноутбук, «лэптоп» по-американски, подаренный президенту в конфиденциальном порядке одним из нынешних глав клана «настоящих» Ояяма. Если бы об этом подарке узнали недоброжелатели, мог бы разразиться нешуточный скандал, и не только потому, что его цена значительно превышала установленный законом лимит.

Президент с некоторым удивлением подвинул к себе обтянутый акульей кожей аппарат, отщёлкнул защищённый кодом замок. Мало кто имел этот электронный адрес, и именно сейчас президент никаких посланий не ждал.

Ояяма открыл почтовый ящик и, ещё больше недоумевая, прочитал короткий текст, написанный иероглифами. С соблюдением всех правил вежливости и церемониала, которые понятны только высокообразованному и не менее хорошо воспитанному аристократу. Причём иероглифы были не отпечатаны (таких и клавиатур не бывает), а с большим каллиграфическим искусством написаны от руки, а потом отсканированы, видимо. В достаточно редуцированном¹ при обратном переводе иероглифов в буквы текст гласил:

«Глубокоуважаемый господин Президент, приношу самые почтительные извинения за несанкционированный доступ. Исключительно сила обстоятельства и, возможно, воля Неба побудили меня к злоупотреблению вашим Высоким вниманием. Выражаю своё глубокое восхищение вашей твёрдостью и выдержкой, проявленными во

¹ Редуцировать — изменять в сторону упрощения, ослабления (лат.).

время только что закончившегося совещания. Вы вели себя, как и подобает истинному самураю, постигшему «Бусидо». Однако своим поведением Вы вызвали гнев персон, с которыми в своём настоящем качестве бороться не в состоянии. Более того, вы поставили свою жизнь в положение непосредственной опасности. Поэтому примите почтительнейший совет — немедленно, никого не ставя в известность, вылетайте в Кэмп-Дэвид или другое не менее защищённое от проникновения посторонних место. До отъезда постарайтесь ничего не есть и не пить в своём Доме. Мы, в свою очередь, обещаем обеспечить вам на пути следования максимальную безопасность. Данное письмо может служить подтверждением наших возможностей и самых добрых намерений. Более подробную информацию и разъяснение многих сейчас непонятных вам моментов вы получите не позднее сегодняшнего вечера. Со всем возможным почтением — Друг».

Иероглиф подписи был старинный, малоупотребимый, его можно было прочитать и как «соратник, товарищ по оружию», и ещё несколькими подобными способами, весьма зависящими от контекста, а также и от обстоятельств его употребления.

Сам Фёст, конечно, японского не знал, но Учитель привил к нему интерес и понимание того, что язык этот можно использовать в самых неожиданных обстоятельствах и с самыми разными целями. А безусловным, не имеющим себе равных среди признанный знатоков «японистом» был всё тот же аггрианский Шар, вернее, одна из заложенных в него программ. Ляхову

нужно было только набросать приблизительный текст записки и ввести некоторые параметры, остальное было сделано и аранжировано за него.

В качестве подтверждения, что записка — не попытка дешёвого розыгрыша, вслед за ней были помещены несколько фотографий с только что закончившейся «тайной вечери» с указанием, до секунд, времени съёмки.

Ойяма несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул воздух сквозь сжатые зубы. Сомневаться в том, что снимки подлинные, не было никаких оснований, он сам присутствовал и в кабинете, и теперь — на великолепного качества изображениях. За прошедшие двадцать две минуты написать письмо, загрузить и передать его вместе с подтверждающими иллюстрациями едва ли кто-нибудь из присутствующих успел бы. А больше на совещании никого и не было. Вот здесь запечатлены все сразу, так что, кто фотографировал — само по себе вопрос. Специальные сканеры перед началом совещания подтвердили отсутствие любого рода приборов, не предусмотренных протоколом и инструкциями по безопасности.

Впрочем, насчёт этого президент не испытывал особенного оптимизма. Всё зависит от того, кто непосредственно занимается безопасностью. Что он скажет, то и будет принято к сведению. И деваться тут некуда. Не средневековая Япония вокруг и даже не патриархальная Сицилия, нельзя в этой Америке дать голову на отсечение, что любой этажности пирамида перекрёстной слежки за теми, кому вверил свою жизнь, гарантирует от предательства.

Ну, допустим, камеры слежения в кабинете имелись и зафиксировали видео- и аудиоряд совещания. За те самые двадцать минут некто изготавил записку, должным образом её оформил (а здесь, Ояма понимал, требовалась рука каллиграфа очень высокого класса, одновременно владеющего и тонкостями стилистики японского, и современным американским языком) и вместе с фотографиями скинул на его почтовый ящик. А вот это ещё одна сложность (он пока рассуждал только о технической стороне вопроса) — пароль для связи был известен крайне узкому кругу лиц, и ни один государственный служащий в него не входил.

Неужели «врагам» (президент пока мысленно взял это слово в кавычки) удалось купить кого-то из тех, в ком он был уверен, как в самом себе. Купить или выманиТЬ шантажом. Задача сложная, крайне дорогостоящая, и в любом случае — практически бессмысленная. Очень сильно рисковать, и ради чего? Чтобы однажды послать ему такую вот записочку? Именно однажды, потому что любому понятно — пароль он сменит сразу же, независимо от содержания текста.

Тем более существует масса способов донести до адресата любую информацию, не прилагая вообще никаких трудов. Как до Кеннеди — путём платного объявления в газете¹.

¹ Накануне визита Д. Кеннеди в далласской газете «Морнинг ньюс» была опубликована его фотография в траурной рамке с подписью: «Добро пожаловать в Даллас, мистер Кеннеди». 22.11.63 при проезде по городу 35-й президент США был застрелен.

Может быть, таким образом некто собирался посеять сомнение в верности самых, как он считал, близких людей? Глупо. Это только в плохих мелодрамах и в высокой классике вроде «Отелло» герой предпринимает судьбоносные действия на основании недостоверного слуха или намёка. В реале генерал, да ещё восточного (мавританского) происхождения, сначала как следует по-расспрашивал бы господина Яго, служанок и всех более-менее к ситуации причастных. А уже потом сделал вытекающие из результатов расследования выводы, грозившие смертью скорее интригану, чем законной супруге. В уставе кайзеровской германской армии командирам прямо предписывалось даже в самых очевидных случаях меру наказания за дисциплинарный проступок назначать лишь на следующий день. Во избежание воздействия эмоций на здравый смысл.

И самое главное — его ведь неизвестный «друг» прямо предостерегает о возможности неких противоправных действий именно тех лиц, которые единственно могли бы осуществить такую, с позволения сказать, *интригу*.

Итак, что мы имеем?

Ойяма сам не заметил, когда закурил вторую сигару и неприличными для настоящего знатока и ценителя сжёг её быстрыми затяжками (О, ужас!) почти до половины.

Если все вероятные гипотезы оказываются несостоительными, следует обратиться к невероятным. Тогда, возможно, кое-что прояснится.

Президент снял трубку внутреннего телефона и попросил зайти к себе начальника собствен-

ной службы безопасности, коммодора¹ Брэкетта. Этому человеку он до сегодняшнего дня доверял, и, что самое главное, офицер не подчинялся ни одному из людей, только что покинувших Белый дом. Он был рекомендован Ойяме лично адмиралом Шерманом и назначен в обход обычных административных каналов. На этом настал военно-морской разведчик, чем обеспечил своему протеже многолетнюю роль чужака и изгоя для присосавшегося к Белому дому клана.

— День добрый, Гедеон, — сказал президент, вставая навстречу офицеру, который умел носить штатский костюм так, что он не смотрелся на нём мундиром без погон. Со вкусом, небрежно, но одновременно по-своему строго. Так мог бы выглядеть очень хорошо воспитанный представитель богемы из книг Оскара Уайльда, хотя бы и сам лорд Генри².

Ойяме было эстетически приятнее регулярно общаться с таким сотрудником, нежели с представителем банальных «Дублённых загривков»³.

— Присаживайтесь, пожалуйста. Кофе, сигару, что-нибудь ещё?

— Спасибо, сэр. Чашечку кофе я выпью. Он у вас гораздо лучше, чем варит моя машина.

¹ В американском флоте коммодор аналогичен российскому каверангу, в английском — промежуточный между каверангом и контр-адмиралом чин.

² См. роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».

³ Leatherneck — жаргонное наименование американских морских пехотинцев, в широком смысле — вообще «военщины». В нашей литературе обычно переводится как «кожаные затылки», что довольно бессмысленно. Впрочем, тут виновата и бедность синонимами английского языка.

— Возможно, ваша машина просто плохо запрограммирована? Я где-то слышал анекдот, правда, не совсем политкорректный, и касался он не кофе, а чая. Там перед смертью главный герой говорит: «Евреи, не жалейте заварки».

Коммодор вежливо растянул губы. Смысла он, конечно, не понял, так не за наличие чувства юмора его держат на этом посту. Тем более, судя по имени, он из каких-нибудь пуритан или мормонов, а у них смеяться вообще грешно. Христос ведь никогда не смеялся.

— Скажите, Гедеон, — спросил президент, нажимая кнопку кофеварки, — вы сегодня ни от кого не получали никаких распоряжений относительно дальнейшего распорядка дня?

— Никак нет, сэр. Мои люди убедились, что все участники совещания покинули территорию, проверили, не забыл ли кто-нибудь что-то в помещениях. После этого все вернулись к обычному режиму. В журнале запланированных мероприятий других записей нет. От вас или ваших секретарей устных распоряжений также не поступало.

— Да, я помню — я вам даже говорил, что сегодня больше никуда не собираюсь и визитёров не жду. Но, может быть...

— Никак нет, сэр, не хочу повторяться. Леди Берилл сейчас находится в гостях у своей подруги, вы это знаете, с ней двое бодигардов. Когда она соберётся домой, то позвонит, за ней будет направлена машина.

Сейчас Брэкетт не производил впечатления эстета, ведущего исключительно *рассеянный образ жизни*. Отвечал он чётко и с должной степе-

нью металла в голосе, причём *металл* этот, в отличие от разговора с подчинённым, должен был только подчеркнуть *шефу*, что коммодор на службе и вполне понимает ответственность стоящих перед ним задач.

— В таком случае — ещё один вопрос. Вы готовы выполнять мои... распоряжения (он хотел сказать — «приказы», но в последний момент воздержался) без оглядки на... чьи-либо другие?

— Не совсем понял вас, сэр. Вы — Верховный главнокомандующий, и, естественно... Разумеется, есть ещё должностные инструкции, которые я обязан выполнять, несмотря на несогласие охраняемого лица...

— До определённого предела, Гедеон. Не забывайте. Есть моменты, когда любые инструкции утрачивают силу. И эти моменты определяю я. Если я поставлю вас по стойке смирно и отдам вам приказ именно как Верховный главнокомандующий, вы его исполните?

— Так точно, сэр!

— Без оглядки на чьи-либо ещё распоряжения и даже собственные... интересы?

Видно было, что Брэкетт все меньше и меньше понимает суть и смысл происходящего.

— Как вы могли подумать, сэр?

— Я должен думать всегда и учитывать самые... неприятные варианты. Вот сейчас такой момент наступил. Вы, никого больше не ставя в известность, приказываете подготовить два вертолёта. Один для меня и вас, второй для охраны. Возьмите человек шесть — восемь. Можно боль-

ше, если поместятся. Сразу по готовности мы вылетаем в Кэмп-Дэвид¹.

— Что-то случилось, сэр? — В голосе полковника прозвучали тревога пополам с любопытством. Странная какая-то коллизия обрисовывалась, хотя само по себе желание президента посетить свою резиденцию не являлось событием экстраординарным. Если, допустим, ему хочется поработать с документами, просто поразмышлять о мировых проблемах под сенью клёнов и сосен, «вдали от шума городского». Так оно сейчас, в сущности, и было, только с известным нюансом.

— Абсолютно ничего, за исключением того, что трещины на панцире черепахи² посоветовали мне сегодня «уединиться в прочном месте» и «не допускать к себе никого, кроме оруженосца». Мы с вами, Гедеон, конечно, современные люди, но Учитель³ говорил: «Не упускай возможности соблюсти Ритуал. Без крайней нужды не иди против течения». Поэтому мы, не сообщая об этом никому, летим сейчас в Кэмп-Дэвид. Надеюсь, получаса вам хватит? А я пока соберу нужные мне бумаги.

¹ Кэмп-Дэвид — официальная загородная резиденция президента США. Расположен в 100 км от Вашингтона, в штате Мэриленд. Построен при Ф. Рузвельте, первоначально назывался «Шангри ла». Нынешнее название получил в честь внука президента Д. Эйзенхауэра. Считается военным объектом, охраняется морской пехотой.

² Вид ставшего китайского гадания, когда в панцирь черепахи вонзают раскалённый шип и по образовавшимся вокруг трещинам читают «волю Неба».

³ Конфуций.

Перелёт занял не более получаса, и когда вертолёты приземлились на посадочной площадке внутри охраняемого периметра, Ойяма ощутил странное спокойствие. Будто действительно совершил опасный переход через горы, кишащие разбойниками, и добрался, наконец, до ворот замка местного сеньора, охраняемого сильной дружиной.

И вдруг почувствовал, что гораздо лучше понимает своего русского коллегу. Совсем недавно тот был не более чем малолегитимным (поскольку не желал слепо следовать в американском фарватере) правителем погрязшей в заблуждениях позапрошлого века авторитарной державы и неожиданно показался едва ли не «товарищем по несчастью». Человеком, выполняющим трудную, неблагодарную работу, каждую минуту ходящим по лезвию ножа, зная, что, если тебя вдруг захотят убить или просто смешать с дерьямом и грязью, не поможет никакая охрана.

А что поможет?

Русскому президенту что-то ведь помогло, и рухнул весь долго и тщательно выстраиваемый заговор. Как бы сам по себе.

Сейчас и Ойяма почувствовал дуновение ветерка от свистнувшего над головой меча. А что, если меч — тот же самый, и неким силам совершенно всё равно, кто станет его жертвой? Не вышло с одним — попробуем с другим. На загадочный «конечный результат» перемена мест слагаемых не повлияет.

У порога коттеджа он обернулся к следовавшему в двух шагах позади и справа Брэкетту.

— Спасибо, Гедеон. Пока вы мне больше не нужны. Занимайтесь своими делами. И ещё, — будто случайно вспомнилось, — поручите там кому-нибудь, пусть тщательно фиксируют, начиная с этого момента, любые телефонные переговоры, в которых упоминается моё имя, кличка, вообще, вы понимаете... Кто, когда, о чём... То же касается всемирных сетей. Как открытых, так и... любых других. — Президент не слишком хорошо разбирался в делах, имеющих отношение к компьютерам, всяким там айфонам, айпадам, вайфаям и прочим малопонятным «гаджетам». Хуже даже, чем в автомобилях, там он, кроме того, куда вставлять ключ зажигания, как трогаться и ехать, хотя бы знал, почему в бак наливают именно бензин и каким образом осуществляется процесс преобразования вспышек в цилиндрах во вращение колёс. В затронутой же сейчас теме он мог оперировать только самыми общими выражениями, в надежде, что собеседник сам поймёт, о чём речь и что от него требуется.

— Будет исполнено, сэр.

— Кроме того, лично отдайте приказ охране — не пропускать на территорию ни одного человека, повторяю — ни одного, до тех пор, пока я не увижу его на экране камеры слежения и не распоряжусь, как поступить. Никакое летательное средство не может приземлиться на площадке или рядом. Примите меры и к этому. Если над территорией появится беспилотник — сбивайте сразу. Нет зенитных средств? Так привезите. Часа вам хватит? Что так смотрите, коммодор? Считаете — у меня острый приступ паранойи?

Ну и что? Я очень жалею, что ею не страдали ни Кеннеди, ни Линкольн¹. Несколько позже я постараюсь вам кое-что объяснить. Сейчас скажу одно — госпожа госсекретарь, думая, что я её не слышу, сказала, что сомневается, проживу ли я следующие три дня. А я хочу их прожить. Вы понимаете, Гедеон?

— Это попахивает государственной изменой, сэр!

— С этим мы разберёмся несколько позже. А пока помогите мне прожить эти три дня...

— Я сделаю всё, сэр! Может быть, позвонить адмиралу?

— Пока не надо. Не будем раньше времени ворошить осиное гнездо...

Президент улыбнулся и кивнул, но коммодор видел почти вплотную его сузившиеся глаза и подумал, что с этими парнями, японцами то есть, шутить надо очень осторожно. У них какие-то свои, не всегда понятные белому человеку реакции. Резать живот, чтобы смыть оскорбление, — дикость, конечно, но Брэкетт знал, что с обидчиками там поступают гораздо круче.

В своей спальне, выходящей окнами на тихую ухоженную лужайку, где порхали и пересвистывались десятка полтора пёстрых птиц, президент переоделся и открыл балконную дверь. Выйти, постоять, вдохнуть свежего воздуха, окончатель-

¹ Линкольн Авраам — 16-й президент США. Отменил рабство и выиграл гражданскую войну Севера против Юга. Убит в театре фанатиком-рабовладельцем в 1865 г.

но проникнуться тем чувством, что не испытывал очень давно.

Охранников нигде не видно, но они есть, каждый на своём месте, и на территорию «лагеря» не проникнет больше никто без его личного на то разрешения.

Впрочем, так же думал, наверное, и русский президент, считая себя за оградой своей дачи в полной безопасности. Но тому хорошо, раз уж удалось спастись, может отсиживаться в своём Кремле сколько угодно, не боясь даже и ракетного удара. Ойяма однажды побывал в этом средневековом замке и невольно проникся не совсем подобающим главе сильнейшей на планете державы чувством. Он не любил вспоминать о том моменте, но никуда не денешься. Он вошёл под своды Георгиевского зала Кремля и на какой-то миг ему показалось, что и сама Америка в сравнении с Россией — как её Белый дом в сравнении с этими краснокирзовыми стенами и башнями, лестницами, коридорами, залами, бесконечной глубины и протяжённости подвалами, сохранившимися, как ему говорили, в неизменности то ли с шестнадцатого века, то ли вообще с двенадцатого. И расставленные вдоль пути следования гвардейцы президентского полка в своей стилизованной под XIX век парадной форме! По сравнению с ними те, что несут аналогичную службу при Белом доме, выглядят на скорую руку наряженными в военные мундиры деревенскими увальнями. Они даже парадным шагом ходить не умеют...

Тогда и шевельнулась мысль (всё ж таки японские гены сказывались), что двести лет американ-

ской истории — это слишком мало, чтобы делать какие-то основательные выводы о сравнительной мощи и величии её и других государств, хотя бы и западноевропейских. На самом-то деле что? На заре семнадцатого (всего лишь) века несколько радикальных экстремистских сект эмигрировали из Англии и Голландии в Америку, основав колонию в Новой Англии. Пересекая Атлантику, эти пуритане, называвшие себя «избранным народом святых», проклинали оставляемую ими Европу, её королей и её церкви, навсегда отсекая себя от них бритвой «доктрины предопределения» и приговаривая оставляемый мир к «вечной смерти».

А через триста лет потомки этих людей «вернулись» в Европу, чтобы силой вбить в головы «недочеловеков» свои мессианские идеи. Ойяме хватало внутренней свободы, чтобы понимать это, продолжая служить идее «американской мечты», просто потому, что не получилось у его предков «собрать восемь углов мира под одной крышей»¹.

Значит, судьба предназначила его сделать то же самое, но с позиций правителя уже другой страны. А что будет дальше — ведомо только богине Аматерасу...

Снова мигнул светодиод на крышке лэптопа. Ощущив некоторое волнение, президент открыл «почтовый ящик».

Новая записка, оформленная в том же стиле.

¹ «8 углов...» — «хакко ити у» — официальная доктрина японских правителей с времён сёгунов, подразумевающая «мировое господство» Японии, хотя вначале подразумевались только азиатские территории (о других имелось крайне смутное представление).

«Вы поступили правильно, Господин Президент. Теперь самое лучшее — сохранять своё единение несколько ближайших дней, поручив верному человеку обеспечить ваш покой, прервав всякую связь с внешним миром. Перед принятием ответственного решения лучше не отвлекаться на суетные мелочи. Кроме того, столь необычный поступок повысит ваш авторитет и одновременно заставит недоброжелателей проявить активность, которая почти всегда ведёт к ошибкам. Передаю вам подборку документов, которые убедят вас в чистоте моих намерений и помогут принять правильное решение. Если вам потребуется дополнительная информация или просто моральная поддержка — вот адрес, по которому вы можете в любой момент со мной связаться. Извините за неподобающую назойливость и навязывание вам непрошеноей помощи. Но бывают времена, когда лучше пренебречь ритуалом, чем потерять голову. Писать можете на любом удобном для вас языке. Друг». После подписи был изображён иероглиф «Ли» с пометкой, что его можно использовать в качестве кода вызова загадочного «друга», если добавить к нему следующий по порядку.

Сам по себе иероглиф имел несколько значений, но именно в таком каллиграфическом исполнении наводил на мысль, что подразумевается... Не случайно же записка заканчивалась одним из афоризмов Учителя. (Интересно, откуда «друг» знает, что Ойяма — не христианин и не синтоист, а именно — стихийный конфуцианец?)

А какая гексаграмма в «Книге перемен» обозначена как «Ли»?

Он достал из ящика стола изящно переплетённый томик, изданный ещё до начала эпохи Мэйдзи¹, в японском переводе и с комментариями Мацуи Расё. Раскрыл примерно посередине. Вот она.

«Ли. Наступление».

Сколько лет живёт на свете Ойяма, а не перестаёт удивляться. О чём бы ни спросил эту Книгу — всегда ответит именно об этом. Иначе не бывает.

И сейчас — пожалуйста.

«И кривой может видеть, и хромой может наступать. Но если наступишь на хвост тигра так, что он укусит тебя — будет несчастье. Если не укусит тебя — свершение».

Достаточно пищи для длительной медитации.

А следующая гексаграмма? Номер одиннадцать. «Тай», в самом близком значении — «расцвет».

«Малое отходит, великое приходит. Городской вал опять обрушится в ров. Не действуй войском! В своём городе изъявляй свою волю! Упорство приведёт к сожалению».

Конечно, можно предположить, что именно эти две гексаграммы выбраны неизвестным специально. При желании можно скомпилировать какие угодно «предсказания». Но всё же, всё же...

Ойяма, невзирая на всю «ассимилированность» и «европейскую рафинированность», оставался человеком своей культуры и своего менталитета. Этой простой вещи не понимает большинство

¹ То есть раньше 1867 г.

людей, когда представляют таких людей совпадающими по «форме» и «содержанию». Мол, если закончил два престижных университета и военную академию, безупречно носит смокинг и фрак, знает, к какому блюду какое вино следует подавать, и смеётся тем же шуткам, что и мы — значит, он «цивилизовался». А этот цивилизованный, возвращаясь домой в какую-нибудь афроамериканскую республику, требует к ужину филе пойманного в Париже лидера оппозиции, и непременно в кляре¹. А другой, став командующим одним из сильнейших и современейших флотов в мире, всё равно сидел в салоне линкора на циновке и в кимоно, и каждую действительно талантливую операцию предварял гаданием на цветках тысячелистника².

В этом, пожалуй, заключался главный просчёт и тех, кто выдвинул Ойяму на нынешний пост, и тех, кто попытался им манипулировать привычными методами.

Ойяма задумался — а каким образом использовать иероглифы в качестве пароля? На клавиатуре их нет. Может быть, так — «Ли» и «Тай» — десятая и одиннадцатая гексаграммы. В сумме — двадцать один. Непростое число, с

¹ Подлинный факт из биографии президента ЦАР (потом — императора) Ж. Бокассы. И ничего, принимали с почестями, даже в СССР.

² Адмирал Ямамото Исуроку (1884 — 1943) — главнокомандующий японским ВМФ во время Второй мировой войны. Погиб на сбитом американскими лётчиками самолёте. Это отдельная, весьма красавая история.

особым смыслом. Или, если подряд прочесть цифры, — тысяча одиннадцать. Он не математик и не нумеролог, так сразу уловить смысл этого сочетания не может.

Но попробовать можно оба варианта. Однако не слишком ли просто?

Оказалось, что именно так. На «21» программа не отреагировала, а когда Ойяма набрал в строчке адреса второе сочетание, соединение произошло мгновенно.

«Всё правильно, господин Президент. Быстрая мышления делает вам честь. Связь установлена. Но сначала всё же почитайте документы. Примерно через полчаса к воротам Кэмп-Дэвида подъедет человек. Примите его. Пароль — «Ли — Тай». Можете ему полностью доверять. Мы решили, что через курьера можно организовать контакт между двумя достопочтенными лицами надёжнее, чем с помощью технических средств. Когда человек прибудет, подтвердите встречу и получение документов». Этот текст был написан без затей, латиницей и по-английски.

Что-то кольнуло Ойяму. Похоже — сомнительная похвала. Сделанная как бы с другого уровня. Так учитель может одобрительно погладить по голове второклассника за успехи в устном счёте. Но с другой стороны...

«Хорошо, оставим это, — погрузился он в размышления. Курьер, курьер... Действительно, попахивает Средневековьем. Но с другой стороны, неизвестный «Друг» прав. Техника может всё, кроме того, что может специально подготовленный человек. И бумаги... Разумеется, бумаги — это гораздо достовернее, чем их электронная ко-

пия. Вопрос — что это за бумаги? Компромат на него или на его врагов? Ну ничего, подождём, недолго осталось. Второе, конечно, вернее. Шантажировать можно и гораздо более простыми способами. Но как всё рассчитано и исполнено! Здесь чувствуется очень опытная рука. И изощрённый ум. Достойный японца. Но в Японии у него нет «достопочтенного друга». Не нынешнего же премьера так называть? Нет, для протокола можно, но по сути... А что, если это послание от русского коллеги? Тогда всё сходится — и непонятные технические возможности, и глубина познаний, и... Да, вот именно, «и»! Наследие Византии. Не германская дуболомная прямота и не англосаксонский стиль, где через самые хитрые конструкции просматривается напыщенная самоуверенность...

Ничего, через полчаса он всё узнает. Незачем ломать голову. Лучше посмотреть, что скажет учитель.

Ояяма закурил уже третью сигару, вновь положил перед собой «Книгу перемен» и взял в руки черенки папоротника.

Выпала гексаграмма номер сорок восемь, «Цзинь» (колодец).

В колодце — ил, им не прокормишься!
При запущенном колодце не будет живности.

Вода в колодце падает, просвещивают рыбы на дне.
Бадья же ветхая, и она течёт.

Колодец очищен, но из него не пьют.
В этом скорбь моей души, ведь можно было
Черпать из него.
Если бы царь был просвещён, то все обрели бы
своё благополучие.

Колодец облицован черепицей!
Хулы не будет!
Колодец чист, как холодный ключ.
Из него пьют.

Из колодца берут воду, не закрывай его!
Владеющему правдой — изначальное счастье¹.

«Ну что же, — подумал Ойяма. — Пока при-
будет посланец, есть время помедитировать...»

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Идея, с которой несколько дней назад Воронцов обратился к Фёсту, была крайне проста. Может быть — проста до наивности. В свои студенческие годы, начав изучать психиатрию, тогдашний Вадим Ляхов был поражён одним незначительным, в общем-то, открытием. Оказывается, человека, страдающего, например, шизофренией, невозможно переубедить в его бредовых идеях. Вроде бы человек интеллектуально сохранен, вполне ориентируется в окружающей действительности и остаётся тем же кандидатом технических наук или известным литератором. Но поселяется в нём некая сверхценная идея, избавить от которой его столь же трудно, как вылечить сифилис плясками шамана вокруг костра. Вадим пытался целый семестр «наставить на путь истинный» одного пациента. И отступил. Осознал, что некоторые убеждения сродни этой са-

¹ Автор обращает внимание, что приводимые гексаграммы не подобраны к сюжету. Они действительно выпадали при игре «за Ойяму».

мой белой спирохете — логическим доводам и демонстрации каких угодно экспериментов не поддаются. Например — коммунистические или ваххабитские у ряда граждан. У других — лечатся вполне.

Вот Воронцов и предложил проверить — нормальный ли человек американский президент. Сможет ли он, ознакомившись с тщательно подобранными документами и получив какие-то гарантии очевидных преференций для себя и своей страны, резко сменить политический курс, грубо говоря — с трумэновского на рузвельтовский.

Личность Ойамы была проанализирована с помощью «стратегического симулятора» Берестина после того, как Шар выдал достаточно материала для анализа. Получилось, что искомая возможность не исключается. Да мало ли было в истории деятелей, которые, «пересмотрев свои взгляды» и суть «государственного интереса», меняли курс кто на девяносто, кто на сто восемьдесят градусов. Ближайшие примеры только из XX века — руководители Финляндии, Румынии, Болгарии в конце Второй мировой войны, коммунистические руководители бывших советских республик и «стран народной демократии» — в восьмидесятые-девяностые годы.

Тогда и было решено поэкспериментировать. Для начала президенту был подготовлен пакет документов, в который Фёст включил некоторые материалы о деятельности «Озабоченных гуманистов» и «хантеров» Арчибальда. К ним добавил распечатки телефонных и прямых переговоров «дам и джентльменов» его ближайшего окружения, снабжённые доказательствами их абсолют-

ной подлинности. Чтобы Ойама хоть в первом приближении понял, каким образом «некие личности» используют его страну и его самого, а также и то, какая участь уготована самой Америке. Пожалуй, гораздо более печальная, чем даже России. В силу исторических, географических и демографических обстоятельств.

Кроме того, с помощью тех же чудес техники был подготовлен написанный в достаточно свободной форме протокол заседания некоего «Конгресса футурологов и конструкторов будущего». Здесь вниманию Ойамы предлагалось несколько сценариев развития отношений США и России с разными вводными. Прогнозы были и краткосрочные — на ближайшие месяц-два, и перспективные — на пятилетку и в ещё более далёкой перспективе.

Пусть прочтёт и подумает. Как следует подумает. Тогда и ясно станет — политический он деятель исторического масштаба или очередной мелкий политикан, танцующий под дудочку весьма неприглядных личностей. Ещё проще — шизофреник он или нормальный, хотя и заблуждающийся человек.

Оставался ещё вопрос — каким образом всю эту «идеологическую бомбу» до Ойамы донести. Чтобы всё было достоверно, не вселяло подозрений и настолько заинтересовало, что отказаться «проглотить наживку» президент не смог бы.

С первым этапом всё было понятно. Пароль ноутбука узнать несложно, составить записки на японском — тоже. Но дальше в игру должен был вступить человек. Не «бог из машины» — он на-

верняка спутнёт клиента. Не русский — прямые переговоры с русским представителем вроде Гарри Гопкинса, через которого Рузвельт решал со Сталиным многие деликатные вопросы, — это второй этап. Нужен был особый человек, и найти такого человека Фёст поручил своим валькириям. Как раз по специальности: их именно этому и учила в своё время Даяна. Срок — двое суток, в методах и средствах — без ограничений.

Одновременно Фёст, не отвлекая Секонда от его прямых служебных обязанностей, решил немного поработать в своей Москве, попытаться состыковать здешние события с американскими, провести ряд подготовительных мероприятий для второй фазы его собственной операции. Большая часть оставшихся верными Президенту высших чиновников и сотрудников наскоро сформированных «полевых подразделений» Объединённой Ставки Верховных Главнокомандующих (такой интересный, ранее неведомый «наднациональный» орган власти с *диктаторскими полномочиями на паритетных началах* сам собой оформился) была очень плотно занята текущими делами по «Мальтийскому кресту». В ожидании скорых и тектонического масштаба перемен рутинные государственные заботы сами собой отошли на второй и третий план. Думу на всякий случай отправили на внеочередные каникулы (чтоб под ногами не путалась), оперативное управление регионами передали в Совет министров и соответствующее подразделение президентской администрации.

Всё равно совсем скоро начнутся такие дела, что о нынешних никто и не вспомнит.

Но те, кто был допущен, напрягались не меньше, чем их предшественники в первые годы Отечественной войны, когда большая часть военно-политического руководства страны работала фактически на круглосуточном казарменном положении. Несколько спокойнее и планомернее, конечно, но впервые за десятки лет здешние, Российской Федерации люди почувствовали, что такое настоящая работа при действительно серьёзной ответственности. И, что с понятным удивлением отметил для себя Фёст, многим это начало нравиться. Как тому же Мятлеву, например, взвалившему на себя, кроме членства в Ставке, ещё и бремя трёх крайне запущенных министерств.

Как-то во время короткого перекура в кремлёвском коридоре, на этой стороне, Леонид Ефимович сказал Фёсту, забежавшему решить с глазу на глаз кое-какие вопросы:

— Ты знаешь, Вадим, я вот только окунулся в серьёзную работу как следует...

— А до этого всю жизнь только этим *самым* груши околачивал? — по скверной привычке, которую Фёст знал за собой, но никак не мог сбраться и искоренить, перебил он генерала.

— Выходит, что так. Разучились мы именно что работать, а не присутствие изображать. Как у Стругацких в «Понедельнике»: «В итоге они пришли к странному выводу — «Работай или не работай — всё едино».

— Не совсем точно цитируешь, — по привычке поправил Фёст, — а в принципе так и есть. Если б вам ещё с брежневских времён за каждый серьёзный косяк или просто бездействие власти (была такая в царское время в «Уложении о наказаниях» статья) звёздочки сдирали или вообще отправляли в отставку *без объяснения причин, без мундиров и пенсий*¹ — сейчас бы у нас, как при Сталине, сержанты райотделами заведовали, а лейтенанты и капитаны² — отделами в Центральном Аппарате. По этому случаю мне резолюция Петра Первого на докладе о некоем проступке офицера вспомнилась. «А капитану имярек вменить сие в глупость и выгнать со службы, аки шельма».

— Оно бы, может, и правильнее было, — кивнул Мятлев, глубоко затягиваясь дорогой, специального заказа «Корниловской» папиросой, к которым неожиданно быстро пристрастился, бывая в имперской России. Не говоря о вкусе, куда более полном и своеобразном, чем у неизвестно какой синтетикой набитых сигарет, человек с папи-

¹ В царское время увольнение чиновника «без объяснения причин» означало примерно то же, что сейчас «утрата доверия» или «очевидное, но недоказанное злоупотребление служебным положением». Увольнение «без мундира и пенсии» — тяжелейшее из не связанных с лишением свободы и «всех прав состояния» наказание для государственных служащих.

² Следует иметь в виду, что до 1943 г. звания в НКВД и НКГБ, при одинаковом наименовании, реально были на 2–3 ступеньки выше, чем в армии, что подтверждалось знаками различия. Так, «капитан ГБ» носил три «шпаль», как подполковник, «майор ГБ» — ромб, как комбриг. «Комиссар ГБ первого ранга» равнялся целому командарму.

росой сам по себе как-то значительнее выглядит, что ли. Да и много всяких манипуляций, успокаивающих нервы или отвлекающих внимание собеседника, можно проделывать с папиросой и никогда не выйдет с сигаретой.

— Но я в этой связи другое хотел сказать. Знаешь, была в советском разделении властей, не на законодательную и исполнительную, а на партийную, советскую и хозяйственную свою сермяжная правда. Если до абсурда не доводить, конечно, в разумных рамках это соотношение соблюдать. И понятнее, с кого за что спрашивать, и есть кому, и вообще — каждый сверчок... сам понимаешь.

— Чего ж не понимать. Только теперь едва ли *так, как было*, получится. Впрочем, всё в ваших руках. Мы вам, сам видишь, ничего не навязываем.

— А идею насчёт Ставки? — хитровато прищурился Мятлев.

— Ты ещё скажи, что мы вам идею штаны через ноги, а не через голову надевать навязали. Ну, попробуйте ещё по-старому поруководить...

В голосе Фёста прозвучали такие нотки, что Леонид предпочёл быстренько *свернуть тему*, не преминув, однако, съязвить, чтобы в долгу не оставаться:

— «Мы — вам». Быстро же ты себя от нас отдалил.

Фёст вдруг подумал, что со стороны так и может это восприниматься плохо знающим его человеком — вот, воспользовался моментом и быстренько перебежал на сторону *победителей*. А вот победителей ли — разбираться кому времени не хватает, а кому — и просто ума.

— Это ещё как сказать, можно и совсем иначе на вопрос взглянуть. Это вы так сильно себя от нас

отделили, что теперь нам приходится... — Он вдруг не нашёл подходящего слова и опять заменил его пародийной цитатой из какого-то, советских времён поэта: — «Вышли мы все из народа, как нам вернуться в него?» — И не стал продолжать внезапно возникшую тему. — Мне, собственно, от тебя вот что надо. — Вадим достал из планшета (обычного, офицерского, а не компьютерного) два сколотых вместе листа бумаги. — Ты как есть у нас сейчас и за министра госбезопасности, и обороны тоже, это твоя компетенция. Подпиши вот это. В целях, как говорится, дальнейшего совершенствования боевого взаимодействия... Если не возражаешь, конечно, потому как кумовством попахивает.

— В каком это смысле?

Мятлев скользнул глазами по тексту. Там было написано, что в целях обеспечения специальных задач создаётся при ставке особая оперативная группа. Положение о группе и должностные инструкции см. в «Приложении №1» (Секретно, №0013). Штатное расписание — см. «Приложение №2 (ДСП)». В состав группы включаются военнослужащие армии РФ и Российской императорской армии, которым наряду с имеющимися чинами присваиваются воинские звания¹ РФ (отдельным приказом).

¹ В императорской армии сохранялось дореволюционное разделение понятий «чин» и «звание». Не вдаваясь в тонкости, можно сказать, что «чин» означало персональный ранг каждого служащего согласно «Табели о рангах» — «поп-ручик», «действительный статский советник», а «звание» обозначало фактически исполняемую должность — «командир роты», «камергер», или являлось наградным, напр. «потомственный почётный гражданин». «Генерал-лейтенант» — это чин, «генерал-адъютант» — придворное звание.

Подпись — и.о. министра обороны РФ генерал-лейтенант Мятлев.

— Так я же армейского звания не имею, — вскинул глаза Леонид. — И у себя пока «майор».

— Ничего, завтра будешь. Так солиднее.

Штатное расписание было коротким. Постоянный состав группы — восемь офицеров и два старших прапорщика/старших мичмана — делопроизводителя, секретной и несекретной части. Начальник группы — воинское звание генерал-майор/полковник (т.н. «вилка»), заместитель начальника — майор/подполковник, прочие, офицеры для поручений — с «потолками» до майора включительно. Денежное довольствие — по занимаемой должности со всеми предусмотренными надбавками.

В следующем приказе значились сам Ляхов В.П., которому присваивалось¹ (наконец официально!) звание полковника. По-настоящему, а то он до сих пор делил чин на двоих с Секондом. Замом назначалась поручик РИА Яланская — отныне майор РФ, капитанами становились подпоручики и поручики Вяземская, Витгефт, Вирен, Варламова, да ещё какие-то Глазунова и Темникова, о которых Мятлев никогда не слышал. Должности прапорщиков оставались вакантными.

¹ Крайне глупое «советское» выражение. «Присвоить звание Герой Советского Союза» — это что вообще по-русски обозначает? Однако употребляется до сих пор. В императорской России говорили и писали логичнее и грамматически правильнее — «произвести в чин полковника», «удостоить ордена Святого Георгия», «возвести в звание камер-юнкера».

— В принципе твоё дело. Сейчас под горячую руку можешь кого хочешь и в генералы возвести, — каким-то кисловатым голосом сказал Леонид. — И всё же. Почему вдруг Яланская — майор, а Люда и Герта — капитаны?

— А тебе, как Жукову — любовницу сразу полковничьего чина и орденом Суворова наградить? — неизвестно зачем опять съязвил Фёст.

— Я не о Герте. А с Жуковым что, правда такое было?

— Такое не такое, а своим шестёркам он сильно попускал. Некоторые после его отставки в тюрьму угодили. Это ж при нём «ЗБЗ»¹, вполне приличную награду, переименовали в «За боевые услуги». Каждой санитарке и горничной первым делом цеплял. Если «услуги» продолжались — тогда ордена и звания. А Галину я не просто так в майоры произвожу. Она, в отличие от наших девчонок, баба серьёзная, обстоятельная, хоть и младая пока. С её характером я горя знать не буду. Прикажу — любого генерала до печёнок достанет, но своего добьется. И ещё что хорошо — если кто из местных выступать начнёт — сразу в позу: «А не пошли бы вы, товарищ? Я своего Императора поручик, а у вас так, прикомандированная! Все вопросы — генералу Мятлеву, он приказ подписывал, с ним и решайте!» Ты разве сам

¹ Медаль «За боевые заслуги» была учреждена в 1938 г. Ею первоначально была награждена большая группа военнослужащих, отличившихся в боях на оз. Хасан и р. Халхин-Гол. Впоследствии вследствие массового награждения тыловиков и гражданских лиц авторитет медали значительно упал. Ею также до 1958 г. награждали за «десять лет беспорочной службы».

не понял? А связи у неё *там, дома* — зашибись. В случае чего очень многое можно будет *приватно порешать*.

Леонид Ефимович представил подобную картинку — разговор Яланской с каким-нибудь штабным полковником — и довольно хмыкнул.

— Что красивая и характер стервозный — заметить успел, а в другие тонкости не вникал. Тебе Людмила из-за неё глаза не выцарапает? — почти дословно повторил он слова Яланской, что та первым делом произнесла, когда Фёст предложил ей должность.

— Ни в коем разе. Она просто в восторге будет, когда узнает. Твоей тоже обижаться не на что. Мне, если хочешь знать, капитанские погоны вообще эстетически больше по душе. И чего это генеральши «де-факто» подружке-майорше завидовать? Короче — я так решил, и этого достаточно. Подписывай. Мне виднее, как лучше и с кем возложенные обязанности исполнять.

— Да я-то что, мне погон не жалко. Но условие — я подписываю, и они чтоб сегодня же простились. Хоть сами готовят, хоть в кабак ведут на первую зарплату. И звёздочками для обмыивания запасутся. В «Военторге» сейчас натуральные золотые продаются. Как раз в этих целях...

— Это свободно. Людмила уже совсем поправилась, а остальные — всегда готовы. То-то радости будет...

Мятлев ещё немного подумал и спросил:

— Слушай, а это как со стороны, вообще? Целый секретный отдел, и сплошь бабы, одна другой краше. Я бы и то заинтересовался, если б не в курсе был.

— Что, думаешь, я их на строевой смотр выводить собираюсь, смотрите, мол, и любуйтесь на мой «гарем». Секретное подразделение всё же. Думал, хоть тебе объяснять не надо, почему я с девицами предпочитаю работать. Ты же их в деле видел? А посторонний человек ни в жисть не подумает, что от таких, как Людмила, можно серьёзных проблем ожидать. У Герты твоей хоть глаза бывают суровые, а у моей... — Он махнул рукой, но при этом улыбнулся как-то растерянно, словно до сих пор не мог поверить, что имеет право так легко и свободно говорить о Вяземской — «моя». С тем особым смыслом, который это слово имеет в одном-единственном случае.

— Да и вообще. Я ж в медицине начинал, а там это норма — на одного мужика — главврача полсотни и врачих и санитарок. И ничего, нормальный такой симбиоз получается. Ладно, специально, чтоб тебе угодить, прaporов я мужиков возьму. Можешь надёжных посоветовать, из своих кадров?

На самом деле, конечно, Фёсту никакие посторонние мужики, тем более из МГБ, никаким краем не требовались, но чего ж не подсластить пилюлю новоиспечённому трижды министру? А в натуре — «как пожелаем, так и сделаем». Мысль у него была — роботов на должности архивных крыс взять. Вернее — *крысиных волков*¹.

¹ «Крысиный волк» — продукт селекции ещё времён парусного флота. В трюмах отлавливается сотня крыс и помещается в железный ящик. Вода выдаётся, корм — нет. Через некоторое время из ста крыс остаётся одна, съевшая всех остальных. Данная особь выпускается обратно в трюм, и крысиная проблема для моряков снята раз и навсегда. А «волка» ставят на котловое довольствие.

После этого разговора Фёст вернулся на Столешников, где сейчас присутствовали только трое из его теперь уже официальных подчинённых, довёл до них приказ и со словами — «Заяц трепаться не любит» протянул Яланской майорские погоны. Для большего эффекта — золотые, парадные.

— Так что, Галина Семёновна, ты у нас теперь дама двухпросветная. Желаю соответствовать. Ну а вам, барышни, пока и четырёх звёздочек хватит.

Он несколько посерёзнел, хотя, исполняя эту приятную обязанность, должен был бы, по мнению девушек, по обыкновению улыбаться и шутить.

— Прошу иметь в виду, что это вам не просто так — захотел добрый дядя Лёня, и нате вам, девочки, российские погоны. Сколько людей, такие погоны носивших, в землю легло и сколько с ними подвигов совершили — вам в той России и представить трудно, хоть и фильмы всякие вы видели... К присяге вас не приводим, два раза не присягают, но помнить — помните!

Девушки тоже подтянулись, чётко ответили: «Служим России!», благо теперь эта формула была одна и та же по обе стороны барьера.

— А теперь сразу, не теряя времени, сядем, кое о чём помаракуем. Завтра я нам для группы подходящее помещение поблизости выбью, а пока придётся здесь. «Третью» квартиру временно используем.

Под «третью» он подразумевал соседнюю, аналогичную по планировке, всегда параллельную настоящей, что не так давно была выкуплена

у владельца бензоколонок. Ради неё даже возник непродолжительный, без применения настоящей силы разрешённый конфликт со смотрящим района и его шестёрками. Такая же точно квартира, но после прежнего хозяина несколько реконструированная, чтобы, на случай чего, выглядела по-современное *специальной*.

— Нам в ней только рабочий кабинет и кухня с прилегающими службами потребуется. Одну спальню займи, товарищ майор, у тебя ж здесь пока собственного жилья нет, — сказал он Яланской, и та благодарно взмахнула ресницами, двукратно. — А для работы с аппаратурой в соседнюю будем ходить. Так что слушайте, девушки, что нам сейчас сделать нужно... А ты, Галя (такой небрежный переход от звания к домашнему имени), обеспечь прибытие сюда ваших подружек, теперь уже подчинённых. Для них тоже дело есть. В ближайшее время мечта Полины наверняка осуществится.

Это он к тому сказал, что если Яланская больше всего мечтала о майорских погонах иличной должности в этой России (тянуло её на экзотику, как в девятнадцатом веке многих романтиков на Кавказ или в Среднюю Азию), то её подруга и во многих случаях соперница Полина Глазунова с несколько даже патологической страстью стремилась обзавестись какой-нибудь местной страховидной машиной вроде «Тундры» или «Навигатора». В её мире таких монстров не выпускали, а ей вообразилось, что в эффектном здешнем прикиде да за рулём чего-то этакого она будет там, у себя дома, совершенно неотразима. И,

глядишь, там у неё с этой неотразимостью что-нибудь в смысле так называемой личной жизни наконец получится. По-настоящему, от приходящих кавалеров у неё отбоя и так не было.

Уже несколько дней после очень непростого и по-прежнему сулящего крайне неприятные последствия разговора с послом Лерой Лютенс спецпредставитель ЦРУ и ещё нескольких организаций, на некоторое время получивший «крышу» второго секретаря посольства, не очень понимал, что же ему следует делать. Обратившись за инструкциями к непосредственному руководству в Вашингтоне, он теперь боялся, что его просто отзовут, чтобы уже дома повесить на него всех собак, но, к его удивлению, этого не произошло. Ему даже показалось, что человек, с которым он говорил, отнёсся к случившемуся (вернее — не случившемуся) в Москве слишком легко. Вроде как здешний американский посол, но несколько в другой тональности. В чём в чём, а в таких нюансах Лютенс научился разбираться. На всякий случай он упомянул о действующем в Москве филиале института «Паранормальных явлений», чья штаб-квартира располагалась (вот странное совпадение) в Сан-Франциско и откуда за несколько дней до начала операции приехал якобы с инспекцией некто вроде исполнительного директора. Такое не может не настораживать, и вот он, Лютенс, решил покопать в этом направлении и считал бы полезным потщательнее разобраться с этим «институтом» на месте.

Согласие было получено неожиданно легко, и ему на другой день сбросили всю относящуюся к этому заведению информацию, не очень богатую, кстати. Зато разведчик со всей наглядностью ощущил верность русской поговорки насчёт свалившегося с сердца камня. Раз ему пошли на встречу, не задавая неприятных вопросов, всё получается совсем не так плохо, как можно было ожидать.

Стоя в своём кабинете у окна, выходящего на перекрёсток Садового кольца и Нового Арбата, он вспомнил, как вчера вечером, после того как доложил послу (с ним он решил восстановить максимально возможные в нынешней ситуации дружеские отношения) о своём разговоре с Вашингтоном и дальнейших действиях, они довольно крепко выпили. Это, пожалуй, было смешно — оба глубокие знатоки русской культуры и обычаев, но одновременно и настоящие американцы тоже, карьерные чиновники, решили использовать одну и ту же методику — русский пьяный «разговор по душам», в надежде заставить собеседника сказать гораздо больше того, на что можно рассчитывать в разговоре обычном и сплесном. Тем более у каждого был повод посетовать на судьбу, поделиться мыслями о незавидном будущем и прикинуться, будто «в ёлку» поплакаться ну совершенно некому.

Они с послом уже выпили достаточно водки, и Лерой Лютенс подумал, что русские и тут проявили своё византийское коварство и способности

к «нечистой игре». Зная о собственных биохимическом и психологическом преимуществах — повышенная концентрация алкогольдегидрогеназы в организме и умение сохранять самоконтроль практически в любой стадии опьянения (генетически закрепившийся признак, способствующий выживанию наиболее здравомыслящих и резистентных особей. Даже пословица у них на этот случай имеется — «Кто пьян, да умён, два угодья в нём»), они навязали всему остальному цивилизованному миру любовь к своей «vodke» и представление о том, что настоящий мужчина должен уметь выпить «dlya kompanii» минимум десять «дринков», после чего только и возможно между «sobutylnikami» настоящее взаимопонимание. Если ты с человеком выпивал, да не раз, вы с ним автоматически становитесь по-особому близки, как, допустим, члены разных «каппа-бета-гамма»¹ американских университетов. Даже ближе.

Лерой чувствовал, что обычай в принципе правильный, после «двух по сто» назревший конфликт с послом удалось как-то купировать, они взаимно признали собственную неправоту в некоторых вопросах и начали вместе вырабатывать черновик (пока) плана, подходящего, чтобы защитить их обоих от гнева Вашингтона. У каждого своё начальство, но любое начальство всег-

¹ В американских университетах существуют «тайные» студенческие организации, подобия рыцарских орденов Средневековья и одновременно закрытых британских клубов. Именуются тремя буквами греческого алфавита. Их члены и после окончания учёбы считаются связанными особыми узами братства.

да горит желанием свалить всё просчёты, а также и любые природные явления, от наводнения до падения астероида на лужайку Белого дома на подчинённых. Потому что опыт показывает — в очень редких случаях *самое высшее начальство* (только если оно действительно умное и всерьёз болеет за государственные интересы) берётся выяснить, кто на самом деле виноват в том или ином «неприятном происшествии». Русский термин «ЧП» на Западе почти не используется, считается слишком категоричным.

Теперь, похоже, и посол и разведчик сошлись на том, что поодиночке выплывать нет никакого смысла, да и шансов меньше ровно вдвое. Точнее, не так — шансов меньше не вдвое, а в бесконечное число раз, потому что если не помогать сейчас друг другу, а топить — стопроцентный конец обоим.

Лютенс ощущал гордость за то, что умеет столь изящно формулировать приходящие в голову мысли, а заодно и то, что непременно опять нужно немного добавить — сейчас он один, в кабинете, примыкающем к двухкомнатной «комнате отдыха», попросту говоря — обычной квартирке «сталинского», как здесь говорят, стиля¹, и это очень даже хорошо в сравнении с надоевшим «хай-теком».

Для того чтобы мысль и дальше как бы сама собой разматывалась в нужном направлении, ещё одна стопочка будет в самый раз. Потому русские

¹ Здание посольства США на ул. Чайковского в Москве построено в 50-е годы XX века в архитектурном стиле «сталинский ампир».

такие хитроумные, что не упускают случая выпить, и для того чтобы в их хитромудростях разобраться, нужно и самому привести мозг в особым образом измененное состояние.

Он достал из холодильника поллитровку характерного дизайна, две баварские колбаски, густо намазал их не сладкой немецкой, а до слёз пробирающей русской горчицей.

Всё-таки этот мир катится явным образом не туда. Если почитать книги начала прошлого века, хотя бы и Ремарка, так там люди пили пиво, шнапс, закусывали гороховым супом с варёным свиным брюхом, колбасами, на крайний случай — консервированной свининой с бобами. Ели и пили помногу, и ни у кого из тогдашних писателей нет даже намёка, что это может быть вредно (если только специально, в художественных целях брались изобразить конченого человека, горького пьяницу). Но и такие, у Горького в «На дне», например, рассуждают весьма здраво и резонёрствуют¹). Какой же вред мог быть от хорошей еды? И курили тогда все, и табак жевали, кокайн спокойно покупали в аптеке и нюхали, не скрываясь... А о раке лёгких, наркомании, ожирении, холестерине люди понятия не имели. Наверное, потому, что врачей тогда было очень мало — один-два на город, вот они и лечили тех, кого успевали, а заниматься пропагандой «здорового образа жизни» им было просто некогда. Да и в голову не приходило рубить сук, на котором сидишь.

¹ В данном случае «резонёр» означает не «пустой болтун», а просто персонаж, передающий точку зрения автора.

Разведчик выпил, стоя у открытого окна и любясь с шестого этажа на панораму центра города.

Кажется, перенапряжённые нервы начало по-немногу отпускать. А то ведь совсем плохо было. Перед Крейгом Лютенс храбрился, а на самом деле чувствовал себя отвратительно. После такого оглушительного провала ему, посвящённому в слишком многое тайны, ничего не стоило и под ликвидацию угодить. Не он первый, не он последний. Намёк послал на то, что разведчика могут выдать (ну, не впрямую выдать, конечно, просто не препятствовать задержанию), Лерой всерьёз не принял, кто ж Крейгу позволил бы такое, а вот пристукнуть без шума свои же ребята из спецкоманды могли бы спокойно. Да и сейчас ещё могут: разговор с Вашингтоном как-то слишком гладко прошёл, так иногда говорят с человеком, которого на самом деле уже списали, но не хотят раньше времени спутнуть. Хорошая снайперская винтовка может продырявить насквозь из окна любого здания в радиусе полутора километров. И свалить можно на кого угодно — на русский спецназ, на русских же террористов или на трети сильные, желающие поссорить наши народы.

Лютенс поспешил в глубь комнаты и тут же рассмеялся вслух. Какие уж теперь предосторожности: разведчику от своей судьбы не уйти и не спрятаться, ни на дне морском, ни в дебрях Амазонки.

Мысль сделала причудливый вираж, будто слаломист на трассе.

Как сказал посол Крейг? «Мне почти очевидно — вмешалась никак нами не учтённая третья

сила...» Только почему третья? Минимум четвёртая: мы, русские «законные власти», заговорщики с их собственной, неподконтрольной «спонсорам» игрой и...

Или всё-таки третья, поскольку «мы» и «заговорщики» в данном случае одно и то же? Вот где кроется первая ошибка — подсознательно мы с самого начала так и считали: спонсоры, инициаторы и топ-менеджеры «проекта» с русской стороны — стопроцентно наши марионетки. Они выполняют всё, что от них требуется, в надежде получить право занять в *своей бывшей стране* место индийских магараджей при вице-короле Индии.

Нет, хорошая рюмка отлично прочищает мозги. Они ведь все чистосердечно и простодушно пребывали в уверенности, что, свергнув нынешнего президента и взяв власть, представители «Другой России» с восторгом согласятся на роль шестьдесят какого-то штата Америки. Потерявшие своих владельцев активы они поделят, демократию обеспечат американцы, заодно взяв на себя тяготы внешней политики, проблемы экономики, финансов и вообще всего, связанного с нормальным функционированием развитого демократического государства. В общем, новый, беспроцентный план Маршалла¹.

¹ План «послевоенного восстановления Европы», начатый США в 1948 г. На него было выделено около 15 млрд долл. (больше 500 по нынешнему курсу). Основным условием получения американской помощи было недопущение коммунистов в правительства западноевропейских стран и фактически полный отказ от самостоятельной внешней и внутренней политики. Основная часть средств была направлена Англии, Франции и ФРГ.

Это на самом деле казалось очень легко — превратить варварскую тоталитарную страну во вполне «цивилизованную». Как правильно писал Ленин в одной из своих статей, главное — устраниć влияние церкви на общество и полностью ликвидировать прежний государственный аппарат. Именно полностью. И заменить его на свой, стопроцентно преданный идеалам североамериканской демократии. И одновременно — программа «Обучи и вооружи», как для Грузии, Эстонии и любой постсоветской республики. Увлекательная, полезная и выгодная работа на десятилетия. Уволить весь командный состав армии, распустить по домам несчастных полуголодных и забитых призывников, на их место поставить подготовленных по американским стандартам профессиональных солдат и добровольно прошедших обучение в американских учебных центрах офицеров, предварительно выдержавших самые строгие тесты на лояльность новым хозяевам. Само собой — изъять с территории России миллионы и миллионы единиц накопленного за сто лет оружия, продать в «третью страны», утилизировать. Что возможно — использовать «в мирных целях». Демонтировать работающую не по американским и натовским стандартам военную промышленность. Взамен запустить на полный ход исключительно американские заводы и вооружить новую русскую армию тем и так, как надо нам. Оставив производство боеприпасов на территории метрополии. Зная варварские привычки русских — одномоментно разрешить им иметь не более трёх боекомплектов на ствол, и пополнять убыль по

мере обоснованного использования. С обязательной сдачей специальным контролёрам ружейных и снарядных гильз. Армия — как германский рейхсвер — тысяч сто человек, больше незачем.

Очень всё хорошо и правильно было продумано. Учтены, кажется, все ранее допущенные в аналогичных операциях ошибки. Даже те, что немцы допустили ещё в сорок первом — сорок втором годах. Этим угро-славянам ни в коем случае нельзя давать понять, что они — проигравшая сторона. Немедленно впадут в неконтролируемую ярость и непременно затеют бесконечную партизанскую войну и против «оккупантов», и против своих «предателей». Обязательно надо обставить свою победу так, чтобы русские видели — их от всей души принимают в «братскую семью» и сажают за стол рядом с хозяином, выше всех прочих. Ничего, ради общего дела и прибалты, и латиносы, даже немцы с французами сколько-то времени потерпят. А дальше видно будет...

Кроме всего прочего, для США открывался ещё один необъятный мировой рынок — рынок бывшего русско-советского оружия. Полсотни стран в мире можно будет полностью перевооружить, причём за живые деньги, а не безвозвратные целевые кредиты, как это практиковали альтруистичные до идиотизма русские последние шестьдесят лет. Это же опять триллионы долларов и миллионы новых рабочих мест для американцев, как в мировую войну.

Впрочем, Лютенса потянуло не туда. Приятно вспомнить, конечно, те радужные планы, но большая политика сейчас не его забота. Вот одно

из побочных свойств русской выпивки — стоит чуть-чуть потерять самоконтроль, и тебя затянет в пучину неконтролируемых ассоциаций, а если выпиваешь не один — в пресловутый русский застольный разговор, в котором за вечер может быть высказано столько истин и взаимоисключающих антагоний, что хватит на год семинаров философского факультета в Гарварде. А если бы он сказал вслух при не совсем уж до конца продавшихся «свободному» миру русских то, о чём сейчас думал, последствия могли быть «непредсказуемыми», как сейчас любят выражаться политики и журналисты, демонстрируя свою полную профнепригодность. Кто же и должен предсказывать последствия собственных решений и поступков, как не они, *специально на то поставленные?*

Так на чём они завершили свой разговор с Крейгом?

«Президент России начал вести себя как совершенно другой человек... А может быть, это теперь действительно *другой человек?*

Говорили, что в Москве действует какой-то институт «Паранормальных явлений». Бред, сами понимаете. А если — не бред?»

Вот так — если не бред?

Лютенс по роду деятельности был чужд всякой мистике, в Бога (любого или любых) он тоже не верил и отчётливо понимал, что любые «паранормальные явления» — обычный способ заработать. Не хуже других и гораздо менее рискованный, чем наркоторговля, допустим, не требующий специальных знаний, как медицина и юриспруд-

денция. Но... Но ведь бывают и другие случаи. Кому, как не разведчику с пятнадцатилетним опытом знать это...

Что-то об этом институте он слышал, просто тема здесь и сейчас не входила в круг его непосредственного задания.

Лютенс включил компьютер и принялся перечитывать то, что ему скинули из Лэнгли и что он так и не удосужился внимательно прочитать, счастливый самим фактом — раз его просьбы исполняют, значит не списали. Не так прост мистер Лютенс, как, возможно, думает посол. И пугать его своими связями и возможностями не стоило. Послы ведь, кроме входящих в особый список, тоже *расходный* материал. Случится с ними может всякое, главное, чтобы своей безвременной кончиной (если такая вдруг случится, все под Богом ходим) они приносили необходимую пользу *высшим интересам*.

Ничего серьёзного ему о запрашиваемом объекте не сообщили. Да, такой «институт», а если точно, то «Комиссия», действительно был зарегистрирован положенным образом, в списке «иностранных агентов» не значился, платил положенные налоги, предоставлял по запросам различных государственных и неправительственных организаций, занимавшихся аналогичной деятельностью, какие-то справки, сводки и даже отчёты. И в то же время контент-анализ всей публичной деятельности «института» — это название нравилось Лютенсу больше — создавал отчётливое

впечатление грандиозной мистификации. Реального смысла во всём этом не было никакого. Информации и исходящие из стен института «труды» представляли стопроцентный плагиат или компиляции множества книг и статей на любые оккультные темы. Прибыли этот проект не приносил и финансировался каким-то легальным, но тоже крайне сомнительным фондом. В заключение вниманию Лютенса предлагались версии, на скоро сформулированные каким-нибудь стажёром, мало что понимающим в серьёзной работе.

Первая — данный проект обыкновенная честная глупость богатых людей, повредившихся на парадаучных гипотезах вроде УФОлогии, телепатии и тому подобного.

Вторая — хорошо замаскированный и анализом не разгаданный способ извлекать деньги из легковерных и психически неустойчивых меценатов. Жалоб на действия института до сих пор не поступало, а финансовые потоки выглядели прозрачными, но есть ведь и такие древние методики, как расплата наличными или разного рода услугами, судить об их реальной ценности невозможно, как и установить сам факт оказания таких услуг кем бы то ни было.

Третья — всё это с большим умом и изобретательностью прокручиваемый проект по отмыванию «грязных» денег и финансированию каких-то других, в поле зрения компетентных органов не попавших тайных программ.

Четвёртая — институт — это «крыша» для криминальной или политической структуры, госу-

дарственной или частной, и в этом случае требуется длительное специальное наблюдение за каждым буквально шагом каждого из сотрудников и прежде всего руководства.

Вероятность каждого из вариантов — почти равнозначная. Поэтому их оценку и выбор подходящего для разработки предоставается запрашивающей стороне. Сам отдел, где готовился анализ, перспективным интерес к институту не считает. Точка.

Лютенс пожал плечами. Всё это может оказаться интересным, а может быть и пустышкой, но именно в данный момент, пожалуй, не слишком актуально. Не то было настроение, чтобы в момент очередного исторического перелома (а он словно бы подсознательно воспринимал происходящее именно как перелом, а не просто один из эпизодов бесконечной партии на «Великой шахматной доске», как выражался гуру американского неоимпериализма Збигнев Бжезинский) заниматься скучным просчётом вариантов. Особенно когда ничего изменить уже нельзя. Главное — господин Ляхов, слишком уж вовремя приехавший в Москву и первым делом вступивший в контакт с журналистом Воловичем, одной из ключевых фигур «заговора», заслуживает самого пристального внимания и *персональной разработки*.

Видимо, русская водка, изготовленная в третью смену с нарушением классических ГОСТов, продолжала своё парадоксальное действие на мозг, от природы не приспособленный к такого

рода упражнениям, и долгие и упорные тренировки ничего тут были не способны изменить.

Не нами сказано: «Что русскому здорово, то немцу смерть». Тем более немцу, сильно американализированному и, значит, ещё более беззащитному перед тонким химизмом процессов, происходящих сейчас в его сером веществе между нейронами, аксонами и молекулами цэ два аш пять о аш, особым образом разбавленными водопроводной водой.

Лютенс вдруг решил, что лучше всего сейчас будет отправиться в город для личного, полевого изучения происходящего на его улицах. Вроде как уподобиться Джону Риду (не путать с Ридом же, но Дином, популярным в былые годы *прогрессивным певцом*), американскому журналисту, оказавшемуся в России в разгар большевицкого¹ переворота и написавшему ставшую весьма популярной во всем мире книгу «Десять дней, которые потрясли мир».

Сейчас, конечно, попасть в окружение теперешнего российского вождя (кем бы он ни был на самом деле) так легко, как Риду, не получится, времена другие, но личное присутствие на улицах принесёт гораздо больше пользы, чем тупое сидение в кабинете. А то, глядишь, и с кем-то из руководства «борцов за свободу» удастся выйти на безопасный контакт. Предусмотренным образом это, судя по всему, невозможно, а, как говорят

¹ По правилам русского языка писать, очевидно, следует именно так. По аналогии: плотник — плотницкий, и т.п. Если бы имелся термин «большевист», тогда, наверное, «большевистский» было бы уместно.

русские, «на шермака»¹ — вполне возможно, потому что такие приёмы не входят в реестр предусмотренных контрразведкой методов.

Главное, Лютенс правильно соображал: состояние лёгкого подпития и не всегда адекватное поведение — самое то, что нужно на улицах только что пережившего (или ещё переживающего) подобие очередной революции города.

Тут разведчик сформулировал верно — революция имела место быть, потому что после случившегося вся жизнь в стране непременно поменяется, и отнюдь не эволюционным путём. Очень многое из того, что составляло основу политического и, если угодно, ментального устройства этого постсоветского режима, будет устранино отнюдь не вегетарианскими методами.

Американец, хоть и германского происхождения, много лет изучавший Россию как объект своих профессиональных занятий (так студент первого курса медколледжа изучает нормальную анатомию человека), оставался американцем и чисто физически не мог понять множества относящихся к российской действительности вещей², как бы ему этого ни хотелось и сколько бы русских книг он ни прочёл. Даже наизусть выучив Лермонтова, Печориным он стать не сумеет, глав-

¹ «Шермак», «на шермака», «на шеромыжку» — русск. устар. (см. В. Даля) — сделать, добыть что-либо даром, неожиданно, лёгкими средствами, плутовством, обманом.

² Не зря у Салтыкова-Щедрина в «Современной идиллии» имеется великолепная фраза: «Да и не объяснишь ведь тому, кто понимать не хочет. Мы — русские, мы эти вещи сразу должны понимать». (Указ. Произв. Стр. 5.)

ное — даже и не поймёт, зачем это вообще нужно вести себя столь странным образом. Верна и обратная теорема — глубоко изучив Драйзера, средний русский человек, не из «новых», не научится ведь думать и вести себя, как Фрэнк Каупервуд.

Есть, говорят, в лесах Амазонки индейское племя, у которого отсутствует представление о времени. Совсем. И в языке, и в бытовой сфере. Как уж там они обходятся — бог весть, но как-то обходятся, раз до сих пор существуют. Но — именно и только внутри своего привычного ареала. Едва ли взрослый индеец сумел бы адаптироваться в том же Рио-де-Жанейро. Понастоящему адаптироваться, имеется в виду.

Таким же образом американцам, вообще «цивилизованным белым народам», невозможно адаптироваться внутри «русской цивилизации», а без этого какую-либо осмысленную политику в отношении России проводить бесполезно. Она возможна только до тех пор, пока русские в каких-то своих тайных целях «соблюдают правила игры», стараются говорить, поступать, вообще «вести себя» как европейцы.

Как только им это надоедает или обстоятельства меняются, они мгновенно превращаются в подобие неких инопланетян, и тогда вся мировая «реальполитик», построенная на совершенно ложных, придуманных европейцами для собственно го удобства посылках, летит в тартарары (ещё одно непереводимое слово, очевидно, имеющее какое-то отношение к древнегреческому тартару¹). И случа-

¹ По мифологии — бездна где-то внутри Земли, в которой размещается *Aug*, царство мёртвых.

ется то, что случалось уже много-много раз, и не только с европейцами. Любые планы, прогнозы и «стратегические замыслы» в отношении этой непонятной и нелепой страны рушатся, а в конечном итоге как-то так выходит, что она, победив или просто «отойдя от края пропасти», превращается в нечто совсем другое. Киевская Русь — во Владимиро-Суздальское, потом Московское княжества, княжество — в «Великия, и Малыя и Белыя Руси Государство», а то — в Империю, а она — в СССР, теперь в РФ. И её и врагам, выжившим и новым, нужно снова думать, как дальше строить с ней отношения.

Самое интересное, что Лерой Лютенс был достаточно образованным человеком и неплохим разведчиком, прочёл массу русских исторических и художественных книг в оригинале и, как уже говорилось, почти всё вышесказанное теоретически понимал и сам мог привести исторические примеры, включая татаро-монгольское иго, Смутное время, Первую мировую войну и революцию семнадцатого года, Великую Отечественную войну и её итоги...

Только это не имело никакого практического значения — обыкновенному «человеку из офиса» даже самое доскональное знание теории канатоходства никак не поможет перейти по тросу без страховки Гранд Каньон, что недавно проделал один сумасшедший парень, до этого так же прошедший над Ниагарой.

И не стоит садиться играть в шахматы с гроссмейстером, рассчитывая на выигрыш, даже

выучив наизусть все существующие наставления, начиная с бессмертной остаповской лекции «Плодотворная дебютная идея». Всё это Лютенс понимал, поэтому просто выполнял свою работу, за которую платили неплохие деньги, надеясь, что до самой пенсии не случится ничего экстраординарного, требующего экстраординарных же талантов для борьбы с последствиями.

В идеале в ЦРУ и аналогичных ей организациях должны бы работать русские по крови и духу — перебежчики, предатели и дети предателей и эмигрантов. Те-то уж знают своих соотечественников «от и до». А коренные американцы будут только отдавать приказы, которые коллаборационисты¹ должны трансформировать и адаптировать к обстоятельствам.

Но и эта вроде бы вполне очевидная идея работать не могла по «той же самой причине», как выражался император Павел Первый, то есть по причине «загадочности и непредсказуемости» пресловутой «русской души». Ни один облечённый властью руководитель ни за что не позволил бы допустить русских в достаточном количестве к хоть сколько-нибудь ответственной работе против России же, тем более — предоставив им допуск к государственным тайнам. Итальянцев — можно, евреев, немцев, французов — можно, но не

¹ От франц. Collaboration (сотрудничество) — в узком смысле термин обозначает лиц, сотрудничавших во время Второй мировой войны с германскими оккупантами в странах Европы, прежде всего во Франции. Вообще же — любой сознательный пособник врага в военное время, но не военнослужащий.

русских. Никто ведь не сможет поручиться, что в какой-то момент самый надёжный сотрудник не испытает приступ иррационального патриотизма и не начнёт работать «на своих».

Вдобавок, позволив им разрабатывать и проводить операции по своему усмотрению, руководствуясь «национальным стилем мышления», даже непосредственные начальники немедленно утрачивают контроль за обстановкой. Они ведь тоже не будут понимать, что на самом деле означает то или иное действие, каким образом и к какому результату приведёт.

И — самое главное. Вся история человечества показывает, что предателям доверять нельзя. Это понимали ещё древние египтяне и какие-нибудь хетты. При определённых условиях можно воспользоваться услугами, но под строжайшим контролем и заведомо предполагая, что рано или поздно даже «свой в доску сукин сын» должен быть отстранён, а лучше всего — уничтожен.

И как, скажите на милость, будет работать такой «сотрудник», прекрасно понимающий и свою истинную роль, и отношение к себе хозяев? А он, если умный, должен всё это знать ещё до того, как согласится на такую службу. А если глупый — какой с него толк?

Порочный круг и ничего больше.

Да зачем далеко ходить — всё вот оно, прямо перед глазами, только что произошло или даже продолжает происходить. Операция посыпалась во всех звеньях, за которые отвечали здешние русские. Вроде бы учтены были все нюансы, баланс идеалов и интересов каждой из антипрези-

дентских, антиправительственных, вообще антигосударственных и антирусских групп, выделено финансирование, проведены все инструктажи, семинары и «тактические игры на местности».

И каков результат? Деньги разошлись по рукам и карманам, но большинство участников заговора среднего и высшего звена при первом же намёке на неудачу «*попрятались по кустам*», «*залигли на дно*» или уже сейчас разными способами пробираются к ближайшим границам, прекрасно сознавая, что былая вольница с легальными перелётами и переездами через погранпосты кончилась в тот же момент, как была отбита первая вооружённая атака на президентскую дачу.

Лютенс тоже понимал, что эта фаза закончилась в тот момент, когда президентский спецназ или другие верные ему войска внезапным ударом уничтожили основную организованную силу заговорщиков — спецбатальон «Зубр». Показали, что если в военном отношении и не обладают подавляющим перевесом, то значительно выигрывают в темпе и, главное, решительности. Как раз этого от пропрезидентских сил не ожидали. Поэтому ввести в бой спецподразделения, аналогичные «Зубру», но имеющие другие пункты постоянной дислокации — не получится. Прежде всего потому, что нет смысла — весь план, как и гитлеровская «Барбаросса», строился на одном обезоруживающем и деморализующем ударе, после которого полевым частям вермахта предстояло только собирать трофеи и добивать локальные очаги сопротивления фанатиков, вроде Бреста или Одессы.

Как только стало ясно, что блицкриг провалился (а любому нормальному военспецу это стало понятно не позже августа — сентября), война против СССР могла считаться проигранной. Речь шла лишь о том, сколько продлится агония вермахта, хоть он выходил в это время на ближние подступы к Москве. Мог даже взять её или обойти, продолжив намеченный «удар в пустоту», то есть в направлении Вологда — Ярославль — это совершенно ничего не меняло.

Так и здесь. Если не вышло ликвидировать или пленить президента одномоментно, затяжная позиционная война ничего не даст, тем более что сведения о случившемся в Москве в тот же день дошли, тем или иным способом, до всех заинтересованных лиц. На вторую попытку желающих не найдётся. Кто не сбежит — тот сядет или пойдёт к стенке (мораторий на смертную казнь отменили Указом президента за номером три), самые же незамаранные и прыткие — перебегут в стан победителей.

Разговаривая с послом, Лютенс это понял, и Крейг понял. И тут же каждый начал импровизировать, искать своё место в новом раскладе сил, просчитывать варианты, соображать, как быстренько пересдать карты и начать новую игру, перехватив инициативу не только у противников, но и у союзников. Желательно оформив всё так, чтобы самые главные начальники вообще не поняли, что кто-то здесь, выражаясь русским жаргоном, «лажанулся по крупной». Посол явно решил «уходить в несознанку», доказывать и в Госдепе и выше, что вся акция проводилась «через его голо-

ву», без консультаций и согласований ключевых моментов. И где-то он был прав — в подробности чисто тактических моментов посла не посвящали, оставив ему стратегическую задачу на момент «час Ч+...»¹. «Оранжевый» или «розовый» сценарий для Москвы даже не просчитывался, здесь сразу должно было установиться прямое американское правление, только из приличия замаскированное каким-нибудь «правительством народного доверия» или «координационным советом объединённой оппозиции».

В принципе, если бы всё удалось, демократические побрякушки были просто не нужны. С потерей Россией роли самостоятельного игрока маски можно было сбрасывать и «подавать товар лицом».

Китая и Индии отчего-то никто в команде неоконов и их кукловодов не боялся и даже, наоборот, стремился поострёливее обнажить приём. Мол, если с Россией так поступили, с вами тем более никто церемониться не будет. И правильно, в общем, рассчитывали. Хоть и называют Индию «самой большой на Земле демократией», да

¹ То есть по замыслу операции посол США должен был принять на себя оперативное управление ситуацией и всеми «протестными силами» только после поступления сигнала о нейтрализации президента РФ. Здесь план фактически полностью был срисован с аналогичных планов 50-х годов для Латинской Америки и Венгрии (операция «Фокус»), где после военного переворота американский посол становился фактически главой государства, вернее — гауляйтером или сатрапом, как это называлось в древности. Номинальный глава латиноамериканской военной хунты или «демократического правительства», что готовилось для Венгрии, становился чисто представительской фигурой.

ещё и с ядерным оружием, и Китай за последние двадцать лет поднялся очень сильно, но ни тот, ни другая никогда не были по-настоящему «Великими державами», не играли в «Мировом концерте», не выигрывали войн, не завоёвывали колоний, территориально многократно превышавших площадь метрополии. Да просто они не умели воевать, как воюют «белые люди», от чего с ними можно было никак не считаться, совершив несколько ритуальных, как бы уважительных жестов вроде консультаций о переносе условных границ ещё более условных *сфер влияния*. Вернуть китайцам Хабаровск, к примеру.

Значит, Лютенсу нужно начинать свою игру с противоположным вектором. У его начальников в Лэнгли тоже есть свои *кураторы*, и они наверняка согласятся, что посередине кампании, ещё не проигранной, просто *пошедшей немного не так*, нет смысла затевать охоту на ведьм, гораздо правильнее слегка *сместить прицел*. Отыграть несколько очков у госдеповцев, под шумок сдать русским (*за приличное вознаграждение*) резидентуры некоторых слишком много вообразивших о себе коллег, затеявших собственные интриги — БНД, МИ-6, МОССАДа. Незапланированный бонус, но солидный — убрать с поля конкурентов и за треть цены, а то и совсем даром (плата — не выдача МГБ) перекупить массу ценных агентов и целые организации оптом. А ближайшая реальная цель — выяснить, какими такими силами располагает русский президент (рохля и тряпка по общему мнению), который тем не менее не только «одной левой» валит всю внутреннюю оппозицию

с «приобретенными ей силами», а ещё и осмеливается бросать демонстративный, даже — провокативный вызов и США и всему «мировому сообществу».

Что всё это именно так, Лютенс понял сразу, ещё не дослушав до конца «Обращение» Президента. Таким тоном обращается один парень к другому в салуне, если намерен объяснить всем (или отдельно взятой мисс или сеньорите), кто здесь круче десятиминутных яиц.

Интересно бы выяснить, что (или кто) за этим кроется. Неужто русские втихаря заключили с китайцами типовой, сталинско-маоцзедуновских времён договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной военной помощи»? Тогда русский ресурсно-технический потенциал и китайские полтора миллиарда населения плюс триллион золотовалютных резервов и позиция «мастерской мира» очень даже резко меняют глобальный расклад сил... А за Китаем стоят Иран и Пакистан. Возможно — Бразилия. Индия будет традиционно пророссийски нейтральна... Есть над чем подумать.

Всё это несколькими параллельными потоками пронеслось в расторможенном сознании Лютенса всего за несколько минут, «одним пакетом», как сигнал специального передатчика. Что-то имело определённый смысл, что-то было полной ерундой, но сейчас все мысли и идеи были для разведчика *сверхценными*, вдобавок окрашенными в эйфорические тона.

Ну, большинство понимает, до каких высот могут воспарить мысли, «в самую плепорцию» разогретые хорошей выпивкой. И стихи, кажущиеся гениальными, сами собой рождаются, и все женщины вокруг красивы, заслуживают всяких великолепных безумств в свою честь... Правда, иногда и *по морде* можно схлопотать невзначай, слишком уж *распушив хвост*.

Но Лютенс-то был не из простаков и умел владеть собой великолепно. Только недооценивал превосходства биохимии над психологией, применительно к себе, разумеется.

Вот сейчас ему показалась правильной мысль переодеться в подходящую одежду и пойти прогуляться по городу, посмотреть по сторонам. Что может быть естественнее русского патриота,лично выпившего по слуху победы над очередными врагами России и Православия, *лидарасами*; и шатающегося по центру, стремясь поделиться с народом своей радостью, обсудить перспективы будущего и узнать что-нибудь полезное для дальнейшей жизни...

Лютенс начинал изучение России с языка. Ещё в пятнадцатилетнем возрасте сын американского генерала немецкого происхождения, демонстративно подчёркивавший свой американализм, чем на всю жизнь испортил отношения с большинством родственников, включая родного отца, заинтересовался страной, сначала разгромившей в мировой войне в союзе с Америкой фатерлянд

его предков, а потом превратившейся в главного врага уже самой Америки.

С отцом о своём интересе говорить было бессмысленно, зато в деде он нашёл подходящего собеседника и единомышленника. Старый Рейнгард Лютенс родился ещё до Первой мировой, когда жизнь была совсем другая. Немцы жили как немцы, по своим обычаям, компактно, целыми городками в самом немецком штате САСШ — Висконсине. Дед был настоящим немецким патриотом, любил кайзера Вильгельма, но до конца жизни не мог простить сначала ему, а потом и Гитлеру, что они начали две войны подряд, против России, и обе с треском, позором, слезами и невозможным количеством жертв проиграли. Вместе с другими американскими немцами он считал, что всё должно было быть строго наоборот, как завещал великий Бисмарк. Тогда, глядишь, именно они, немцы, были бы сейчас в США главной нацией, определяющей здесь всё, а не англосаксы, итальянцы, евреи и латиносы.

Юный Лерой заинтересовался этой дедовской «альтернативной историей» и решил разобраться в вопросе поподробнее, тем более что «холодная война» давно превратилась в довольно бессмысленный ритуал вроде посещения лютеранской церкви по воскресеньям. Русский язык он начал изучать самостоятельно, и пошёл тот довольно легко. Через год Лютенс почти свободно читал газеты и журналы, бесплатно раздававшиеся, вот парадокс, в культурном центре еврейских эмигрантов, там же начал понемногу учиться говорить, поначалу не замечая, что здешний «рус-

ский» — довольно странный и ближе к языку одесской Молдаванки, а не Царскосельского лицея. Впоследствии с коррекцией этой лексики и стилистики ему пришлось немало помучиться.

Потом началась «перестройка», и Лерой понял, что угадал. Всё русское стало очень модным, причём не только на бытовом, но и на государственном уровне. Тут и отец-генерал его поддержал. Он устроил сына в специальное отделение военных переводчиков при кафедре славистики университета, а уже там его взяли на заметку специалисты из Лэнгли. И карьера пошла.

Лютенс ни разу не пожалел о своём выборе, хотя дедовское «раздвоение личности» передалось ему в полном объёме. Никто об этом не догадывался, но достигший уже солидных чинов (опять же по-русски выражаясь) в ЦРУ, Лерой (вообще-то его при рождении нарекли Людвигом) Америку воспринимал только как страну проживания, а душой он был настоящим немцем, кайзеровского, так сказать, замеса, без всяких новомодно-демократических перекосов. Послевоенная ФРГ его раздражала, и своим пошлым «атлантизмом», и политкорректностью, и тем, что вместо старой добродушной марки перешла на никчёмные «еврики»... И многое чем ещё. Одновременно интеллектуально он предпочитал Америке Россию, даже со всеми её недостатками, которые легко могли быть устранены в случае грамотно организованной интеграции с будущим «Четвёртым рейхом».

Но и «американизм», бытовой и подсознательный, тоже никуда не делся, в полном соответствии с тезисом Маркса (или Энгельса, Лерой

всегда путал, кто из этой парочки что сказал или написал): «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Такого вот сотрудника имело ЦРУ и ему поручило координацию очередного антироссийского заговора. И он его успешно «координировал», вплоть до вчерашнего дня. Теперь пришла пора посмотреть на происходящее несколько по-иному.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— Ну что, подруга, вроде и нам с тобой доверили серьёзное задание «от и до»: самим придумать, самим найти, самим исполнить, — сказала Герта Людмиле, когда они сидели в уютной кафешке под липами Екатерининского парка и, словно девочки, лакомились удивительно вкусным здешним мороженым, шоколадным со смородиновым сиропом.

— Да и слава Богу, — кивнула Вяземская. — А то надоело уже. Он меня только что в туалет на руках не носил. «Ах, бедненькая, ах, раненная смертельно, ах, ты, смотри, не вставай раньше времени». Даже противно.

— Дура, — рассудительно ответила Герта. — Где ты ещё такого мужика найдёшь? Полковник, а по сути — чуть ли не диктатор здешний. С Президентом только что не на «ты» разговаривает, а мой, хоть и трижды министр, его побаивается. Раз горшки из-под тебя выносить был готов, значит — по-настоящему любит.

— Да, наверное, — кивнула Людмила, на самом деле на сто процентов уверенная, что так и

есть. Но надо же повыпендриваться перед подругой. Как без этого?

— А мой — до сих пор не знаю, — пожаловалась Герта. — И что любит, говорит, и жену уже пристроил...

— То есть как? — не поняла Людмила.

— Нашёл её любовника, поговорил по душам и велел, чтобы завтра же женился и забирал к себе. Денег на обзаведение подкинул...

Судя по выражению лица Герты, видно было, что этот ход ей нравится.

— Нет, ну а ты? — Видно было, что Вяземскую, всерьёз считающую себя уже замужней и крайне положительной женщиной, это волновало.

— Ну что я? Хороший человек. Сорок ему, естественно, не мальчик, не девственник. Жена ему стерва попалась — с кем не бывает. Но главное условие он исполнил — я сказала, пока не разведёшься — не подходи. И не подпускала...

Посидели ещё, начали думать, как к новому заданию подходить. Людмила вспомнила, какими глазами на неё смотрел Волович. И кое-что ещё из его биографии.

— А давай-ка, позвони ему сейчас, — предложила Герта, двусмысленно усмехаясь. — Прибежит же, б... буду, прибежит, прямо сейчас. И сразу его мы в раскрутку возьмём.

Вяземская достала из сумочки розовый телефончик (уже знала, какими гаджетами в этом мире девушке её стиля пользоваться подобает),

набрала номер. Поворковала, используя самые эротические из своих обертонов.

— Точно угадала. Уже едет...

Валькирии для встречи были одеты самым подходящим образом. В Москве стояла тридцатиградусная жара, и они благословляли судьбу, что сейчас были в РФ, а не в Империи. Там нравы куда строже, а здесь обе были одеты в юбочки, длиной на ладонь всего ниже того места, где бедро теряет своё благородное наименование. И в топики без бюстгальтеров, оставляющие открытыми животы и мало что скрывающие выше. При их росте, фигурах и дизайну ног ходить по улицам в таком виде было не то чтобы затруднительно, но занимало больше времени, чем обычно. Валькирии невольно тормозили — хотелось услышать и осознать всё, что встречные мужчины, юноши и мальчики, достигающие подходящего возраста, говорили, зацепившись взглядами за эти «чуда природы».

Слух у девушек был достаточен, чтобы в пределах двадцати метров выделять всё, их интересующее.

Волович, очевидно, был настроен на что-нибудь безусловно романтическое, поскольку Вяземская вызывала у него каскадные выбросы самых важных гормонов, и он совершенно искренне считал, что как мужчина гораздо привлекательнее Вадима Ляхова. Достаточно распространённый синдром, между прочим.

Людмила позволила ему выпить сто граммов коньяку, закурить в предвкушении интересного

разговора. При этом он всё время пялился по-черёдно за вырезы девичьих кофточек и пытался заглянуть ещё дальше, чем позволяли края юбок обеих подруг, в то же время расточая комплименты исключительно Виттефту, Людмиле он только «глазки строил», что выглядело довольно противно.

Наконец Герте это надоело, и она прервала «современную идиллию» резкими словами.

— Насмотрелся? И хватит. Какого цвета у меня трусы — я потом скажу. Теперь быстро и без зихеров — у кого из американцев был на связи? Ты меня знаешь, в деле видел. Я с тобой рассусоливать не собираюсь — отвечаешь быстро, конкретно и *от души* — всё останется, как раньше. Твои отношения с руководством меня не интересуют. Но контактёра мне сдай. Иначе тебя через полчаса будут рыбки Москвы-реки обнюхивать, в рассуждении, съедобный или нет. Я нюансов здешней сыскной работы не понимаю, у меня свои есть.

Переход от осматривания девичьих прелестей и от мыслей об их практическом использовании к такому вот разговору был слишком стремительным и неожиданным. При этом взгляд красавицы Герты не оставлял надежд, что имеет место просто милый розыгрыш.

Волович сломался сразу. Не потребовалось демонстрировать пыточные приспособления, перечислять статьи Уголовного кодекса, что ему светят, просто убеждать, что с чистой совестью жить гораздо приятнее, чем с замаранной. Он поверил:

захочет эта барышня — и он умрёт. Очень быстро. Ни мольбы, ни попытки обмануть её не помогут.

Он глубоко, со всхлипом вздохнул.

— Можно я ещё выпью?

— Пей, но опять же помни — вариантов нет. Хоть трезвый помрёшь, хоть пьяный, но сначала расколешься. Говори.

Волович успел сдать Фёсту всех своих московских друзей-приятелей и просто серьёзных людей, с кем ему так или иначе приходилось пересекаться. Авторитетов преступного мира тоже. Но Ляхов почему-то совсем не интересовался, кто *дёргал верёвочки сверху*. Возможно, решил, что, как обычно, всё замыкается на американского посла, а промежуточные звенья ему были неинтересны.

А теперь вдруг девушек этот вопрос заинтересовал. Что они умеют великолепно стрелять и наверняка полностью удовлетворяют своих начальников в постели, журналист не сомневался, ни один руководитель нормальной ориентации не сможет *просто так* терпеть возле себя девушек такого класса.

Но вот что им могут поручаться самостоятельные разработки и ведут они их так же профессионально, как следователи прежнего КГБ, о которых Михаил слышал от «правозащитников» старших поколений, в это до сего момента верилось с трудом. Точнее — не о вере вообще речь, он просто не задумывался в этом направлении.

— Я закурю? — почти машинально спросил Волович.

— Кури. — Вяземская, с усмешкой вспомнив соответствующие эпизоды из «милицейских» фильмов, подвинула к нему пачку сигарет. — И перестань испытывать наше терпение...

— Ну, это... Значит... Лютенс его зовут. Лерой Лютенс. Советником в посольстве числится. Но никакой он не советник...

Воловичу нужно было только дать толчок, а дальше он попадал под обаяние собственного голоса и начинал токовать, как настоящий лесной глухарь. И мог говорить непрерывно много часов подряд, только следовало время от времени корректировать направление его красноречия.

Лютенс оделся обычно для не слишком о себе понимающего москвича во втором, пожалуй, поколении. Выглядел он как раз на среднестатистический зазор между тридцатью пятью и сорока годами. Внешность, войдя в образ, имел в этнографическом смысле самую нейтральную, то есть «русского вообще», без привязки к конкретному региону. И выговор не пойми какой, типичный для мест с неоднократно менявшимся за последнюю сотню лет классовым и этническим составом населения. Курской, например, области или Новосибирской. По крайней мере, за мигранта «внутреннего» или из «ближнего зарубежья» его ни один пэлээсник не принял бы,

не стал спрашивать паспорт и справку о регистрации.

Так, прилично накачанный мужик, обитатель какого-нибудь Южного Бутова или Бирюлёва-товарищеской, обладатель «культурной» рабочей профессии, судя по чистым, не огрубевшим ладоням и пальцам, или даже инженер, но не «офисный планктон» однозначно, вообще не «потомственный интеллигент», о чём говорила искусно нарисованная *самопальная татуировка* на тыльной стороне правой ладони. Синяя, довольно корявая, не армейская и не тюремная, такие кололи во дворах лет двадцать назад от глупости, пытаясь подражать настоящим «конкретным пацанам».

Образ был Лютенсом подобран и обкатан давно, вполне успешно — именно такие типажи, при всей их внешней колоритности, на самом деле привлекают очень мало внимания. И так всё понятно — оттянул рабочий человек смену, принял свою четвертинку и отправился в центр посмотреть, что здесь творится на самом деле. По телевизору всё равно ничего толком не скажут, а с народом потолкаешься, лучше всего — в пивной, и всё тебе разъяснят в лучшем виде.

С собой взял хорошо сделанный российский паспорт и на крайний случай настоящий, дипломатический. Не на своё, конечно, имя, а на то, под которым он въехал в Россию и засветиться ещё не должен был. Разве что в последние дни кто-то из *контактов* доложил, где следует, его словесный портрет, а то и фотографии представил.

Тогда, если он действительно уже попал в какие-то проскрипционные списки (что, впрочем, очень маловероятно), могут быть серьёзные неприятности. На дипломатический паспорт *внимания не обратят*, и пойдет Лерой по этапу под своим русским псевдонимом. И никто никогда концов не найдёт, как с тем же Валленбергом¹ вышло...

Что нужно человеку, чтобы спокойно чувствовать себя на улицах столицы в любой ситуации? Правильно — деньги. В давно отработанном порядке разложил, чтобы невзначай не перепутать, по карманам рубашки и джинсов несколько пятитысячных купюр, штук двадцать тысячных и некоторое количество мелочи — по пятьдесят, сто и пятьсот рублей. Само собой — пачечку стодолларовых в специальный, под них сделанный и при поверхностном обыске не прощупываемый карман под поясным ремнём.

¹ Валленберг Рауль (1912—?) — шведский дипломат, во время Второй мировой войны работал атташе в Будапеште, где спасал местных евреев от депортации в Германию, выдавая им шведские паспорта. По некоторым данным, погиб во время бомбёжки Будапешта в 1945 г. По другим — арестован советскими властями после освобождения Венгрии и умер в тюрьме на Лубянке, по одним данным — в 1947 г., по другим — после 89-го г. Скорее всего, это очередная легенда антироссийской направленности, поскольку нет ни сколько-нибудь логичных объяснений такого поступка сов. властей (скорей уж арестовали бы американского или английского), ни аналогичного примера ареста дипломата нейтральной страны. Даже сотрудники немецких посольства и консульств в 1941 г. были спокойно отправлены из Москвы в Германию через Турцию, как и советские — немцами из Берлина.

Всё же в городе кое в чём удобнее работать, чем «в поле». Не нужно таскать с собой рюкзак с множеством необходимых припасов, оружие и патроны. Даже пистолета Лютенс не имел, только совсем безобидный карманный «универсальный инструмент»¹, обычный для любого мастерового мужика, только сделанный по спецзаказу и имевший в несколько раз больше весьма неожиданных функций, чем у тех, что продаются в магазинах.

И два телефона при себе было. Один — действительно телефон, хотя и сильно навороченный, а другой — классический шпионский аппарат. Это простым гражданам упорно внушают, что в наши дни шпионы ничем похожим на инструментальное оснащение условного Джеймса Бонда середины прошлого века не пользуются. Им, мол, теперь обычного Интернета и для добывания информации, и для тайных контактов с коллегами (на чём раньше их контрразведчики и ловили) вполне хватает. А если кого вдруг и ловят со всякими «камнями-контейнерами», так это официально никак не комментируется, зато вся свора либеральных журналистов поднимает согласованный вой об очередной провокации «кровавой гэбни».

Иногда даже жалко становится, что никому из этого «пула» едва ли доведётся лично познакомиться с методикой работы простых, бесхитрост-

¹ Попросту говоря — набор из плоскогубцев, ножа, нескольких отвёрток и, в случае Лютенса, отмычек, алмазной струнной пилки и т.п.

ных абакумовских¹ ребят году этак в сорок девятом...

На блок-универсал «телефон» Лютенса не тянуло, но всяких электронных премудростей, истинных вершин современной «суммы технологий» в него было напихано сверх меры. Только американцы в очередной раз сели в лужу, примерно как с шариковой ручкой для письма в невесомости. Делали-делали её, ещё в конце шестидесятых, в расчёте на длительные космические полёты. Потратили несколько миллионов долларов на своё чудо техники, а потом на «Аполлон-Союзе» увидели, что хотя их «спейспенсил», заправленная спецпастой и специальным компрессором, и работает, русские легко обходятся копеечным «простым» карандашом. Это тоже к вопросу о стилях и способах мышления.

Если помыслить практически, то в обычной обстановке функции всех тех гаджетов, что были спрятаны в «телефоне», легко и с большим эффектом исполняют отдельные специализированные приборы. А в ситуации необычной, то есть фактически для разведчика провальной, воспользоваться устройством не получится тем более: ап-

¹ Абакумов В.С. — генерал-полковник, в годы ВОВ начальник ГУКР «Смерш», с 1946 по 1951 г. — министр госбезопасности СССР. В 1951 г. арестован по приказу Сталина, после его смерти не освобождён, в 1954 г. расстрелян. Виновным себя не признал ни по «сталинским», ни по противоположным им «хрущёвским» обвинениям. В 1997 г. частично реабилитирован, приговор к высшей мере отменён, заменён 25 годами «строгого режима». В Средние века, бывало, посмертно казнили, в наши — посмертно заменяют казнь тюрьмой, что, безусловно, гуманнее.

паратик просто отберут при задержании. Случаев же, когда агент ЦРУ совершенно внезапно попадает в неведомые земли или, как «Янки при дворе...», в раннее Средневековье, в анналах не зафиксировано. Но считалось, что такой прибор в принципе крайне полезен. Близкая к правительству фирма очень и очень хорошо на нём заработала.

Примерно так Лютенс в детстве увидел в магазине «Вулворт» перочинный ножик с полусотней лезвий и иных приспособлений и страшно возмечтал стать его обладателем, но стоил он больших по тем временам денег, а отец субсидировать покупку отказался, объяснив, почему именно. Всеми правдами и неправдами Лерой предмет своей мечты всё же приобрёл и немедленно понял, что отец был прав — более бессмысленного и нефункционального предмета, чем этот нож, он в жизни не видел. И, кажется, до тех пор, пока он не затерялся бесследно, ни разу не воспользовался им по назначению, если оно вообще было.

По коридорам и внутренним лестницам Лютенс прошёл на первый этаж правой половины здания, занимаемый консульским отделом, и вскоре через довольно захламлённый участок коридора возле туалетов попал в вестибюль перед залом, где даже и сегодня томились в очереди сотни людей, чающих получить въездную американскую визу. Юдоль скорби, выражаясь библейским языком. Многие страдальцы добирались сюда даже и из-за Урала, чтобы после двухминутного собеседования через окошко, похожее на кассу провин-

циального кинотеатра, получить от злобной даже на вид, но прекрасно говорящей по-русски дамы отказ. Трагизма обстановке добавляли развешанные по стенам и над окошками таблички: «Причины отказа в визе не объясняются, апелляции не принимаются. Повторное обращение рассматривается по истечении года». Сколько же ругани, рыданий, тихих слёз и громогласных проклятий слышали эти стены! А казалось бы — хрена ли в той Америке? Не пустили — и слава богу. Можно в России подыскать занятие даже и поинтереснее, за те же деньги.

Причём опытный взгляд легко отличал просителей туристических виз от желающих «свалить» в «твёрдышку демократии» на ПМЖ.

Смешавшись с потоком направляющихся к выходу граждан, частью счастливых, но в большинстве удручённых (соотношение везунчиков и неудачников примерно один к трём), Лютенс, на минуту ощущив свою причастность к этим людям и их проблемам, вышел в боковую дверь к домику Шаляпина и мимо него на бульвар, где мгновенно растворился в несколько чрезмерном для этого времени числе прохожих.

Кроме общего впечатления от реакции москвичей на провал очередной попытки «демократизации» не приспособленного к этому общества, Лютенс хотел собрать личную, по-настоящему достоверную информацию, подтверждающую или исключающую слухи о вводе в Москву для подавления мятежа войск из некоей «другой России».

Сама эта мысль казалась бредовой, но слишком многие, в том числе и сотрудники посольства, утверждали, что почва под такими слухами имеется. Кто-то сам видел солдат в незнакомой форме, кто-то даже демонстрировал золотую монету, очень похожую на российские дореволюционные (до четырнадцатого года), но с новыми датами и профилем отнюдь не Николая Второго.

Конечно, такой артефакт (или попросту подделка) не есть доказательство потрясения основ мироздания, но тем не менее. Слухи множились, обрастаю совсем невероятными деталями, официальные ТВ и прессы ничего не сообщали, а «жёлтую» переполняли материалы, в большинстве откровенно заказные и провокационные.

Неожиданности, не виданные в Москве с дней ГКЧП и «хасбулатовского путча» 1993 года и знакомые Лерою только по кинохроникам, начались сразу, как только Лютенс перешёл через подземный переход и вышел на Новый Арбат. Впервые с момента, когда узнал о неудаче, разведчик осмелился выйти из посольства. Намёк посла о возможности его ареста он принял абсолютно всерьёз. Знал и возможности российских спецслужб, и подлую беспринципность соотечественников. Из окон посольства обзор был минимальный, а телевизионщики репортажами с улиц отчего-то не увлекались, предпочитая транслировать официальные заявления, материалы зарубежных корреспондентов и новости «с мест», долженствующие заверить зрителей, что в стра-

не есть куда более интересные дела, чем нечто, постепенно в их трактовке приобретающее уровень хулиганского налёта на президентскую дачу не вполне нормальных «отморозков».

Зато очень много времени уделялось скрупулёзнейшему разъяснению сути, смысла и исторической подоплёки теперешних антироссийских демаршей Запада, в особенности США.

Прежде всего он увидел два военных блокпоста, размещённые один на Новом Арбате перед пересечением с Новинским бульваром со стороны центра, второй — на Садовом кольце, обращённый фасом к Смоленской площади. Они контролировали всю эту стратегическую развязку, явно имея в виду большое количество находящихся поблизости важных объектов.

Выложенные из больших, килограммов по сто, мешков с песком, люнеты¹ в рост человека, возле бойниц не только пулемёты «ПКМ» на треногах, но и АГС «Пламя». Четыре бронетранспортёра, установленные по осевым линиям проспектов, «валетом» — направив стволы тяжёлых башенных пулемётов в противоположные стороны. Грамотно поставлены — с тротуара не подбежишь и гранату не кинешь, движущиеся сплошным потоком, без интервалов, машины помешают, а сам автомобильный поток сокращён до одной правой полосы в каждую сторону. Из машин рискнёт стрелять по постам только старый, опытный самоубийца — по

¹ Люнет — полевое фортификационное сооружение, состоящее из фронтального и боковых валов (стенок), с тылу открытое, в отличие от *редута*, замкнутого с четырёх сторон.

всей ширине улиц демонстративно разложены широкие ленты с острыми двадцатисантиметровыми шипами, из ряда не выскочишь и пешком никуда убежать не успеешь. В поле зрения Лютенс с ходу насчитал целых шесть парных патрулей с автоматами на изготовку. Видимо, порядок таким образом поддерживается как минимум по периметру Садового кольца. И мосты через Москву-реку наверняка ещё надёжнее блокированы.

Осадное положение в чистом виде, и в то же время особо в глаза не бросается, комендантский час, кажется, тоже не вводился. Одним словом, как русские выражаются — «повышенные меры безопасности». Лютенс подумал, что в Штатах в подобном случае меры безопасности выглядели бы, как лучше сказать — истеричнее, что ли, поскольку в каждом *тревожном* случае американские власти, полиция и даже армия начинают защищать прежде всего самих себя, не считаясь с законами и нравственными нормами. Всех прочих — только по остаточному принципу. Закон — полицейский и солдат имеют право стрелять на поражение в любом случае и по кому угодно, если сочтут, что *им* угрожает опасность.

Автомобильное движение, отметил разведчик, само по себе в несколько раз меньше, чем обычно. Люди, интуитивно оценивая обстановку, решились без нужды не рисковать, мало ли что: и машину под предлогом «особого положения» или чего-то ещё отнять могут, а то в заварушку какую влезешь... Пешком — оно надёжнее, или уж на общественном транспорте подъехать, куда нужно.

Прямо напротив поста Лютенс и остановился, благо там же кучковались ещё с десяток человек, все мужики, естественно, женщины сборищ с милитаризованным оттенком избегают, если не имеют непосредственного повода. А здесь для них повода не было. Мужчины, судя по всему — сплошь отслужившие, кто солдатом, а кто и офицером, в возрасте от тридцати до шестидесяти, и, что интересно, совсем никого там Лютенс не заметил из «креативного класса». Те и в армии не служат, и смотреть на наглядную картину торжества ненавистной власти не могут без омерзения. Оттого собирались и обсуждали случившееся совсем в других местах. Или — паковали чемоданы, собираясь, как в тех кругах выражаются, «валить» в любую страну, где за профессиональную русофобию дают вэлферы. А эта публика, собравшаяся у перекрёстка, в целом одобряющая очередное «наведение порядка», просто оценивала и обсуждала, как оно и что.

Кроме политической составляющей и перспектив на будущее России как таковой и отдельных её граждан, в том числе нынешней «элиты» и «хозяев жизни», обсуждали марки и качество техники, обмундирование и вооружение у патрульных спецназовцев. Тут все понимали, что никакие это не «вованы»¹ и не ОМОН. Спорили только о конкретной принадлежности бойцов. Как говорится, русские мужики служат в армии два года, а разговоров об этом им на всю жизнь хватает.

¹ «Вован» — армейская кличка солдат внутренних войск, раньше на погонах носили металлические или накрашенные литеры «ВВ».

Здесь люди собирались в массе своей незнакомые, и каждый стремился блеснуть познаниями и собственным видением геополитических проблем. Некая аналогия с «пикейными жилетами» из «Золотого телёнка». И ничего в этом смешного нет. По нынешним временам военные сборы запасных не проводятся, и бывшим бойцам негде (кроме дней десантника и пограничника) даже и пообщаться, не говоря, чтобы подержать в руках автомат или кому что по ВУСу¹ положено.

Лютенс тоже достал сигарету, присоединился к народу.

На самом деле жизнь агентурного разведчика, ориентированного на эффективную работу в тылу врага, весьма и весьма нелегка. Учиться и поддерживать форму нужно фактически круглосуточно. Мало знать язык, даже и в абсолютном совершенстве, на уровне хорошо образованного «носителя». Нужно прочесть все книги, пересмотреть все фильмы, которые должен был читать и видеть изображаемый персонаж в «стране пребывания». Поскольку сельских алкашей с тремя классами шпионы обычно не имитируют, приходится помнить анекдоты, имевшие хождение «от Ромула до наших дней», мгновенно и правильно реагировать даже и на намёки, на произвольно выдранные, зачастую искажённые цитаты. И по нескольким ремёслам и профессиям, свойствен-

¹ ВУС — военно-учётная специальность, цифровой код в военном билете, определяющий армейскую профессию военнослужащего. Открытой расшифровки этих кодов не существует, каждый солдат или офицер знает только свой, в лучшем случае — ещё нескольких друзей и знакомых.

ным человеку с конкретной легендой, уметь поддержать разговор на достойном уровне. И ещё владеть всей повседневной бытовой информацией, вплоть до слухов и баек годичной, месячной и недельной давности.

Иначе в лучшем случае сочтут трепачом и неподходящим человеком, в худшем — сделают выводы и сообщат «куда следует». Так, по крайней мере, учили в Лэнгли Лютенса и ему подобных, несмотря на царившую в России эпоху всеобщего «пофигизма». Пофигизм, конечно, имел место, но и вековечная привычка к бытовой бдительности у людей никуда не делась.

Поэтому Юлиан Семёнов и придумал своему Штирлицу довольно специфическую биографию, а «зафронтовой» разведчик вроде книжного, а не настоящего Николая Кузнецова был бы разоблачён в ближайший час общения с любым немецким солдатом или офицером. И никакого гестапо или СД не надо — не среагировал мгновенно и правильно на какую-нибудь жаргонную фразу, не понял всем известной идиомы — и «вот всё об этом человеке». Диверсанты Скорцени, переодетые в американскую форму в сорок пятом в Арденнах, хорошо знающие «бытовой английский», сплошняком палились, когда на заправках требовали «петроль», а не «гэс». Это если месяц-другой изображать челюстно-лицевое ранение и изъясняться исключительно жестами, тогда что-то для будущей роли можно усвоить...

Лютенс в этом смысле был из лучших. Он действительно прочитывал (или хотя бы просматривал) по несколько русских книг и журналов

ежедневно (вроде Сталина, если верить тому, что пишет о нём в своих мемуарах К. Симонов¹). Несколько лет жил в столицах бывших советских республик, не пытаясь выдавать себя за русского из России, просто за иностранца, хорошо знающего язык и стремящегося его усовершенствовать.

Он даже постиг такую тонкость — в каком случае человек может допускать лексические, семантические, фактологические ошибки, и это не вызовет никаких последствий, а в каких такая же вроде бы ошибка-оговорка может вызвать подозрения с далеко идущими последствиями.

Самое интересное — его нынешняя должность совсем не требовала такого «глубокого погружения». Обычному агенту под посольской «крышой» умения понимать язык на слух и без грубых ошибок на нём изъясняться было вполне достаточно. Так что Лерой Лютенс занимался как бы «искусством для искусства», или — своеобразным экстремальным спортом. Кому из нормальных людей действительно нужно забираться на Эверест или пересекать на вёсельной шлюпке Тихий океан? А ведь делают это тысячи людей, и постоянно.

¹ См.: К. Симонов, «Глазами человека моего поколения» или «Истории тяжёлая вода». Там сказано, что Сталин, будучи председателем комиссии по премии своего имени, обязательно прочитывал ВСЕ произведения, на неё выдвинутые, в том числе и не вошедшие в «шорт-лист», вообще отклонённые предварительным жюри, а также многое сверх того, чем часто ставил членов комиссии в тупик. И это не считая его повседневной работы «товарищем Сталиным».

Зато теперь Лютенс был уверен, что, как выражаются русские, «в случае чего» он спокойно может натурализоваться в этой стране, даже занять достаточно высокий пост в организации или фирме, не слишком интересующейся всей подноготной своих сотрудников. Кто его знает — а вдруг и пригодится...

Мужчины рядом с ним говорили все сразу и о разном, друг с другом и просто в пространство. Но тем и полезно участвовать в подобных стихийных сборищах, что невзначай можно услышать совершенно неожиданные вещи. Вот как сейчас...

— ГРУ это, зуб даю. Мы с грушниками в первую чеченскую плотно взаимодействовали, я их где хочешь отличу...

— Да чё ты гонишь, чё гонишь? Никаким краем не ГРУ, те совсем по-другому держатся. Это, похоже, из кавказских горных бригад контрактники, видишь какие береты... Этих бригад всего две, их совсем недавно сформировали...

Береты и вправду были необычные, светлошоколадного цвета, с круглой кокардой спереди и трёхцветным шевроном справа. Такие же шевроны и на рукавах. Жалко, далеко от тротуара до середины проспекта, подробно не разглядишь.

— Чего зря языком молоть, — ни к кому специально не обращаясь, сказал плотный мужик лет сорока, под стать Лютенсу, только не рыжий с бледным веснушчатым лицом, как разведчик, а загорелый шатен. Заметно было, что он не совсем из гражданских — то ли недавний отстав-

ник уровня прапорщик-мичман, то ли работает в каких-то полувоенных структурах. Очень характерны эти особого рода подтянутость, экономно-координированные движения и спокойно-уверенный взгляд.

С такими людьми хорошо дружить, по этой же причине они вызывали у цэрэушника естественное опасение и настороженность. Из-за того, что с ними нельзя расслабляться. Народ наблюдательный и себе на уме. Скажешь или сделаешь что-то не то — сразу заметят, а как среагируют — бог весть.

— Никаких таких штатных войск у нас до прошлой недели точно не было. Это я гарантирую, — уверенным, не предполагающим возражений голосом говорил мужик, дымя чем-то без фильтра, но не «Примой». Скорее «Лаки страйл» или «Кэмелом». — Или где-то очень хорошо прятались, или заново сформированы. Я слышал, будто на юге, в Ставрополе, совсем новую армию по штатам военного времени разворачивают, может, оттуда. Из казаков преимущественно, с прежними правами и казачьими воинскими званиями.

Слова мужика Лютенса заинтересовали — появление в Москве неизвестных военных частей всегда заслуживает внимания, сейчас — в особенности.

Это только недалёкие люди, судящие по американским, насквозь пропагандистским (куда там советским) фильмам, где русских военных и милицейских одевают в уродливую, ни на что не похожую форму с карикатурными знаками различия, думают, что за океаном действительно не

представляют, что носит и чем вооружён «вероятный противник». Кому нужно, знают, и назубок, до последней пряжки и значка классности. Лютенс тоже разбирался и не мог не согласиться со «знатоком».

Сейчас вмешаться в разговор — вполне мотивированно будет, и интереса маскировать не нужно, и эрудицией блеснуть можно, чтобы собеседников *раскрутить...* Очень удобная вещь — безадресный трёп в толпе, главное — палку не перегибать, не ошибиться в господствующем общественном настроении. Не стоит восхвалять «русский имперализм» на Болотной площади и необходимость немедленной «демократизации по-американски» на Поклонной горе.

— Чего ты рассказываешь-то, чего рассказываешь? — повернулся к «знатоку» Лютенс. — Ну, формируют, сорок девятая армия называется, в газетах писали, так она чисто общевойсковая, только две отдельные горно-стрелковые бригады туда передали. И с чего бы это им форму меняли? Там только одна ДШБ¹ «казачьей» называется. Чего-чего, а этого добра и старого хватает, знакомые ребята говорили, что ещё «сталинской суконной» на складах полно...

— Суконку давно моль поела, — скрупульно усмехнулся мужик. — А ты, видать, только газеты и читаешь, причём неизвестно какие...

Вот тут он в самую точку попал. Правильно Лерой таких, как он, опасается.

¹ ДШБ — десантно-штурмовая бригада.

— Сейчас комдиву, а командарму тем более ничего не стоит позвонить кому следует, не говоря, чтоб в баньку сходить, а на Кавказе люди в этом толк понимают, и завтра хоть цвет берета менять на свой вкус, хоть знаки различия. Про значки, нарукавные эмблемы и кресты всякие самодельные я не говорю. Что, не обратил внимания — последнее время безо всякого приказа снова вместо штампованных «птичек», как у американцев, сержанты начали старые наши лычки носить? Кто красные, а кто и галунные. Или эти, новые из Следственного департамента, на повседневную форму золотые погоны нацепили, как при царе... Сейчас по форме не суди, — с полной авторитетностью продолжал вещать мужик.

— Не об том базарите, парни, — вмешался ещё один «знаток и ценитель», помоложе, но тоже с глазами очень и очень неглупыми. И — цепкими. Что и напрягает здесь Лютенса постоянно. В Штатах всё просто и понятно — как в муравейнике, где каждая особь обладает интеллектом и манерами, соответствующими врожденной функции.

В собравшейся по такому же примерно поводу уличной толпе в Нью-Йорке или Волнот-крике¹ каком-нибудь, едва ли встретишь людей, органично смотревшихся, хотя бы внешне, в гарвардских аудиториях и кампусах. А чтобы на равных эти «средние американцы» со студентами и преподавателями на специальные темы дискутировали (и

¹ Волнот-крик — небольшой город в штате Калифорния, неподалёку от Сакраменто. «Ореховый ручей» переведится.

выигрывали, что вполне вероятно, хоть рассказ Шукшина «Срезал» вспомнить) — и в гротескном сне не приснится. А здесь — свободно, здесь сильно выпивший тракторист, вытащив из грязи «Лексус» среднего калибра олигарха, легко может тут же начать ему доказательно, с яркими примерами разъяснить причины и движущие силы сначала Февральской, а потом и Октябрьской революции, и чем эти исторические аллюзии грозят вот таким, как он с его кодлой. Разойдётся, так может в знак презрения и деньги не взять. Плюнет под ноги и пойдёт собеседника поприличнее искать...

И как себя с таким народом вести? Разумеется, подобному человеку невмоготу заставить себя восемь часов в день у конвейера прикручивать третью гайку на заднем колесе. А вот (с двумя классами образования) сообразить, как сделать, чтобы ружейная смазка не замерзала на тридцатиградусном морозе, и мотор американского грузовика, рассчитанного на высокооктановый бензин, работал на керосине¹ — каждый почти солдат Отечественной войны легко мог, без видимых интеллектуальных усилий. По наитию. У немецких инженеров во Вторую мировую, при всём их «сумрачном тевтонском гении», такие вещи не получались. Автоматы зимой плохо стреляли, тан-

¹ Подлинный факт, которому автор был в детстве свидетелем. Грузовик «ГАЗ-АА» (он же — «Форд-А»), «пульторка», рассчитанный вообще-то на бензин типа нашего 76-го — заправляли нагретым градусов до шестидесяти керосином, после чего мгновенно заводили мотор с помощью «кривого стартера», что тоже требовало особого умения. Если не глушить — можно ездить, пока керосин не кончится.

ки не заводились и даже дизель от «тридцатьчетвёрки» за четыре года скопировать не смогли.

— Не о том, — повторил парень. — Береты — херня, я сам и чёрный, и краповый носил...¹ Вы на их оружие посмотрите...

Лютенс и все остальные посмотрели. До этого как-то не обращали внимания — далеко, да и автоматы бойцы сложили на броню, только у одного висел на плече стволом вниз.

Вот что значит — стереотип восприятия. Раз автомат, значит «АК», в данном случае «АКСМ» или «АКСУ», раз без деревянного приклада. Ах нет!

— Во, бля! — Это Лютенс искренне сказал, всё по обстановке и в тему. Действительно новость, да какая... Точнее, как говорил Черчилль, «загадка, обёрнутая в тайну». Автомат действительно был чистая экзотика — самый настоящий ППС, опознать который вот так, навскидку, теперь уже способен мало кто из людей младше сорока, не эксперт-криминалист и не оружейник, ну и не завсегдатай военно-исторических сайтов.

Это что же получается? В России закончилось современное оружие? Абсурд, за шестьдесят с лишним лет «калашниковых» наштамповали несколько десятков миллионов, «всем способным держать оружие» хватит, и на продажу ещё столько же останется, от Аргентины до островов Фиджи — каждому желающему. Значит, что? В тот момент, когда вооружали именно это подразделение, под руками не было ничего, кроме скла-

¹ Чёрный берет — морская пехота, краповый — спецназ МВД. Очевидно, персонаж после срочной пошёл по контракту во «внутрянку» «по месту жительства».

дов «очень длительного хранения»? Так? Не было времени ждать, пока подвезут из ближайшей воинской части? Тогда что это за люди, которых ОЧЕНЬ срочно собрали, вооружили тем, чем придётся (а где такое «приходится»?), и тут же бросили патрулировать Москву? Что, все остальные войска настолько ненадёжны? Может, и вправду казаки? Или что-то другое? Одеты они как раз однообразно и очень неплохо.

— Именно что «бля», — гордо ответил парень. — Я как раз об этом. Эти гвардейцы сидели где-то с одними пистолетами, скажем, а тут — боевая тревога и спецзадание. А через дорогу — музей боевой славы с коллекцией этого добра. Катит?

— Да как-то не особенно. Где у нас с одними пистолетами сидят, да в таких количествах? И на казарменном положении. Не бывает. А ты что, в разведке служил? — спросил старший из собеседников, «прапорщик», как обозначил его для себя Лютенс. Конечно, не «складской» прапорщик, а из тех, что комвзводами или замкомроты в спецназах служат. Остальные любопытствующие, числом свыше десятка, прекратили свои разговоры и насторожились. Что-то интересное обозначилось в и без того непростой обстановке.

— Разведка, само собой. Да что я, ещё пацаном кино про войну не смотрел? — спокойно ответил парень.

— Забавно, — кивнул и Лютенс. — Что бы это могло значить?

— Вот и я спрашиваю.

— Такое добро долго искать будешь — не найдёшь. А тут в Москве по случаю государствен-

ного переворота полк как минимум спецназа по тревоге подняли и с таким антиквариатом вывели. А антиквариат-то новенький, и магазины у него не родные, пластиковые, на полста, наверное, патронов. Что, их снова на вооружение приняли? Даже не смешно. Тогда на следующем углу с трёхлинейками стоят?

— Ну и вывод? — спросил «прапорщик». А скорее никакой не прапорщик, судя по прорвавшейся интонации — не майор даже, подполковник и выше.

— Слыши, ребят, а может, просто кино снимают? Фантастическое, вроде «Обитаемого острова», — предложил вариант парень немного за двадцать.

— Хорошая мысль, только кинокамер не вижу, — ответил «прапорщик».

— То есть логически непротиворечивого ответа не просматривается, — заключил недавно подошедший немолодой мужчина преподавательского вида. Вообще толпа любопытствующих как-то сама по себе стала увеличиваться, как всегда бывает, когда в городском пространстве образуется своеобразная *ретенционная точка*¹.

— Естественно. Если б сейчас начали собирать народное ополчение — тогда любое оружие оправданно, какое под руками есть. А так...

— Вы не совсем правы, — возразил «интеллигент». — Я сторонник сократической логики.

¹ *Retencio* (лат.) — удерживание, сохранение. Место, вокруг которого, в силу его особых свойств, происходит группировка, консолидация чего-либо. В данном случае — любопытствующих граждан.

Мы с вами наблюдаем очевидность. Значит, нужно найти ей непротиворечивое, причём простое и осмысленное объяснение...

— Ну-ну... — подзадорил кто-то из толпы.

— Интересно, — согласился «прапорщик», — что невоенный человек придумать может?

— Я, к вашему сведению, капитан запаса, — вдруг обиделся «интеллигент», — «двухгодичником» честно *оттянул* командиром первого огневого взвода, то есть старшим офицером гаубичной батареи под Хабаровском.

— Уважаю, — сказал «прапорщик». — Так что скажете, товарищ капитан?

— Кто-то вдруг решил, что для городских дел в нынешних обстоятельствах «АК» и его производные избыточно мощны и опасны. Шальная пуля и за километр панельную стену пробить может, особо если утяжелённая. А пистолет-пулемёт — совсем другое дело... Жильцы верхних этажей на той стороне проспекта могут быть спокойны...

— Не лишено, — согласился бывший морпех-разведчик.

— Только не верю я, что в нынешних обстоятельствах, при всей панике и суматохе, кто-то такой ерундой заморачиваться стал бы. У нас проще — по площадям из чего придётся, — сказал «прапорщик».

— Вот чего-чего, а как раз паники и суматохи я ни сейчас, ни с самого утра не наблюдаю. Даже странно, — сказал бывший артиллерист. — Есть, правда, одно объяснение, но слишком уж оно... Против Оккама.

— Кого против? — спросил «разведчик».

— Был такой монах средневековый, учил, что лишней херни придумывать не нужно, когда и имеющейся достаточно, — не задумываясь пояснил «прапорщик», чем вызвал удивлённое «хм?» «артиллериста-интеллигента».

— Да вы говорите, чего уж, нам сейчас и без всякого Оккама...

Что именно, «прапорщик» не пояснил.

— Говорят некоторые, что вообще не наши это люди. Из «параллельной России» к нам прибыли. Порядок наводить...

— Какой такой «параллельной»? — с агрессивным интересом выкрикнул кто-то из толпы, постепенно всё разрастающейся.

— Ну, такой же, как наша, только рядом существующая, где ни революции, ни войн наших не было, «красных» сразу побили и царь там до сих пор правит. Вот каким-то образом нашёлся проход оттуда сюда, они и двинулись...

— Да что ты там несёшь? Не бывает такого!

— Отчего же? До Колумба про Америку никто не знал, а когда открыл — разве кто-то удивился? Теперь представь, что там уже не каменный век, а вполне развитой капитализм. Только по морям плавать не умеют. Отчего-то. Отчего-то в Америке и лошадей, и колеса не было. А когда их «открыли» — собрались и двинулись «новый» для себя свет открывать, — вроде как с некоторой издёвочкой, но вполне серьёзно разъяснил «интеллигент».

— Просто так взяли и двинулись?

— Значит, не просто, раньше уже было обговорено. Да ты сам посмотри, похожи они на наших?

— А давайте подойдём да спросим, — вдруг предложил Лютенс. — Чего нам? Сразу всё понятно будет. Если и не из «другой России», так всё равно ещё чего узнаем...

Американца мысль о «параллельной России» совсем даже не напрягала. Во-первых, разведчик должен быть готов сохранить самообладание в самой невероятной, по обычательским меркам, обстановке, а во-вторых, Лерой ещё в молодости читал и Пола Андерсона, и Айзека Азимова, достаточно хорошо представлял, о чём речь идёт. Фантастика-то она фантастика, но, пусть и вопреки Оккаму, способна объяснить очень многое.

— Можно и подойти. Почему и нет, народ и армия едины... — согласился «прапорщик».

Все они, затеявшие этот разговор, и ещё человек пять заинтересовавшихся, не долго думая, двинулись вперёд, не дожидаясь даже, пока на перекрёстке загорится красный для машин, идущих по Арбату. Ничего, пропустят.

Лютенс хотел было присоединиться к группе, да вдруг расхотелось что-то. А он привык доверять своим эмоциям и инстинктам. Этим-то мужикам всё равно, терять нечего, и никто им ничего не сделает, а вот если кто-то из непонятных бойцов (или осуществляющий их оперативное сопровождение) заинтересуется Лероем, можно неслабо залететь... Может быть, он и так уже давно «под колпаком» или «на крючке». Чёрт его знает, но в этой стране всеобщего бардака и коррупции

иностранные агенты тем не менее попадаются в лапы «кровавой гэбни» с вызывающей удивление систематичностью, даже и документы имея вполне надёжные, вплоть до прикрытия думскими мандатами, и спецподготовку, для столь *расхристанной* страны даже избыточную....

То ли наследие сталинизма, когда каждый следил за каждым и бдительные пионеры пачками препровождали американских парашютистов «куда следует»¹, то ли генетическое, за тысячу лет отшлифованное свойство «нутром» угадывать «чужих», что по крови, что по убеждениям, и реагировать автоматически. Как в известной блатной песне тех же сталинских лет поётся, о том, как американский шпион предложил уголовникам выкрасить «советского завода план»: «Советская «малина» держала тут совет, советская «малина» врачу сказала — нет! Потом его мы сдали стрелкам НКВД, с тех пор его по тюрямам я не встречал нигде». Шутки шутками, а так ведь оно примерно и обстоит. По крайней мере, на уровне «простого народа». А ведь там враг предлагал ворам «фунты, франки и жемчуга стакан».

Тем более Лютенс не имел ни малейшего представления, как сумели столь блестяще сработать «на опережение» российские спецслужбы, пусть небольшая их часть, но непонятным образом сохранившая все прошлые умения и навыки.

¹ Всё это тщательно и подробно описано в книжках из серии «Библиотечка военных приключений», малоформатных, с косой полоской и увлекательной картинкой на обложке. Издавались в таком оформлении до 60-х годов. Потом дизайн, да и содержание сильно изменились.

И это при том, что почти всё их руководство давным-давно превратилось не в воровскую малину даже, а просто в банку, куда некий любитель острых ощущений накидал без счёта ядовитых тарантулов, скорпионов и солыгут. Не просто бесмысленно-злобных, но ещё и корыстолюбивых, чего в мире насекомых не бывает.

Вся эта братия, снедаемая противоположными чувствами — честолюбием и трудно представимой даже в Риме эпохи упадка жаждой наживы, погрязнув в финансовых махинациях, запутавшись в связях с криминалом и уже просто не понимая, кто есть кто, от кого брать деньги можно и нужно, а кого пора немедленно травить или отстреливать, смертельно боясь при этом, что кто-то из друзей-соперников успеет первым перетянуть на свою сторону Президента и начать «новый тридцать седьмой год», с восторгом откликнулась на приглашение поучаствовать в государственном перевороте. Эта идея, какказалось, решала сразу все проблемы сразу у всех. Финансовые, карьерные, всякие.

А взаимные счёты, которые никуда не делись и деться не могли, пока эта публика продолжала физическое существование, причём на свободе, а не в «мрачных горах Акатуя», предполагалось решить по принципу оппозиционеров семнадцатого года, от крайне правых до крайне левых: «Сначала свергнем самодержавие, в союзе хоть с чёртом, хоть с дьяволом, а потом посмотрим».

Да, в семнадцатом и полусотне следующих лет посмотрели, всякого насмотрелись. И теперь снова — либералы, «демократы ельцинского при-

зыва», коммунисты из самых упёртых, анархисты, педерасты, православные хоругвеносцы и скинхеды словно бы слились в едином порыве — свергнуть вот эту «продажную и антинародную» власть. Посты в будущем правительстве были поделены, и о будущем «парламентском» устройстве власти договорились. В точно рассчитанный момент была дана команда «штурмовым отрядам», и совершенно неожиданно последовал мгновенный и страшный разгром. Тут же, меньше чем за сутки, «сдулся шарик» объединённой оппозиции, остались только обслонявленные цветные ошмётки, а на перекрёстках стоят бронетранспортёры, по которым никто не стреляет из окон домов и проезжающих автомобилей. А сейчас бы, как в Ливии или Сирии, тысячу-другую обкуренных боевиков выпустить на улицы в сопровождении сотни пикапов с КПВ, ДШК, РПГ и «Стингерами» — где сейчас президентская команда была бы? Только раньше надо было это сделать, перед тем, как людей за Президентом посыпать. И ничего ведь практически не стоило: «Зубры» любой приказ бы выполнили, да при поддержке контингента, который они, по легенде, должны были охранять!¹

Почему никогда в этой стране не получается, как намечено, ни в ту, ни в другую сторону?

И словно бы со стороны прозвучал в голове Лютенса издевательский ответ: «Потому что

¹ Подразделения «Зубр», созданные для вооружённого захвата власти, формально считались спецназом Управления исправительно-трудовых учреждений (здесь — ГУИТУ, ранее — ГУЛАГ, у нас сейчас — ФСИН).

сие знаменует гармонию природы». Откуда это, к чему?

Разведчик оглянулся, и на глаза ему вдруг попалась девушка на мотоцикле, стоящая у бордюра, опершася о него длинной ногой в потёртой и застиранной джинсе и ковбойском сапоге с заклёпками и имитацией шпор. Выше — тоже всё как надо — куртка-косуха, на руках кожаные перчатки без пальцев, шлема нет, длинные волосы собраны в тугой конский хвост. Довольно симпатичное лицо по здешним меркам, по американским — Анджелина Джоли пополам с Николь Кидман, Шерон Стоун. Или кто там сейчас у двадцатипятилетних считается недостижимым в обычной жизни идеалом? Современное американское кино Лютенс знал плохо. Русское — лучше.

Лицо у девицы, как и положено байкерше, — загорелое и обветренное, выражение иронично-пренебрежительно-вызывающее, нижняя губа чуть оттопырена, глаза прищурены. Но смотрит при этом на патрульные БТР и всё происходящее вокруг с истинным интересом, не позирует, поскольку приятелей по клубу рядом нет, а мнение остальной части человечества ей безразлично.

Мотоцикл хорош, хотя и не из самых крутых. «Кавасаки — Спорт-турист ZZР 400», движок четырёхцилиндровый, полсотни лошадей. По городу спокойно можно гонять по 100—120 км/ч, а больше и не надо, да днём и не получится.

То, что нужно — осенило Лютенса. Прямо сейчас подойти, познакомиться, он этому хорошо обучен, срывов практическим не бывало. Девица его не интересовала, не то время, чтобы на улич-

ные флирты размениваться, а вот как средство передвижения... И для маскировки хороша.

Сделав два щелчка своим «телефоном», в данном случае в функции фотоаппарата, вслед отправившимся разговаривать с патрулём мужикам, с трансфокатором сняв БТР, бойцов, их форму и автоматы, Лютенс, на секунду отвернувшись и прицепив на карман куртки бейджик «Пресса. «Коммерсантъ», подошёл к девице, боясь только одного — газанёт сейчас, не дав произнести те несколько фраз, после которых уже никуда не денется — и поминай как звали.

За эти секунды он, подобно артисту-трансформатору, сменил имидж, не прибегая ни к гриму, ни к любым другим техническим ухищрениям. И сразу из утомлённого нетрезвого работяги превратился в этакого рубаху-парня, «знающего жизнь», но явно интеллигентного рода занятий. В советское время кинорежиссёры любили такой типаж на роли геологов, капитанов торгового флота, начальников сибирских райотделов милиции. И был он теперь не «нетрезвым», а — «слегка навеселе», а это, как всякий понимает — совсем разные вещи.

— Добрый день, девушка, — сказал он, нужным образом интонируя голос, чтобы она ни в коем случае не приняла его за уличного донжуана, вообще за человека, способного заговаривать с незнакомыми девушками без крайней на то необходимости. Свои сексуальные проблемы такие люди, как он, решают куда более цивилизованными способами.

— Привет, — без всякого дружелюбия отвела девица, но всё же ответила, и это плюс не ей, а Лютенсу. — Что надо? Я подаю только по субботам.

— Хорошо сказано, — одобрил Лютенс. — И не послала впрямую, и намёк рассчитан на более-менее умного человека. Не беспокойся, я не по этой части. На «ты» можно? Не люблю лишних церемоний. Всё равно ведь перейдём, так зачем зря напрягаться? Зовут меня Владимир Алексеевич, можно и Володя, если дальше продолжим общение. Журналист, как видишь. — Он кивнул на свой бейджик. — Вообще я типа в отпуске, только сегодня приехал из Абхазии, а тут такое... Вот труба и позвала...

Байкерша ещё на пару градусов оттаяла. Нужели к ней так часто пристают, что постоянно держит имидж агрессивной неприступности? Вроде бы не должно так, она всё же из команды, таких задевать избегают все хоть чуть-чуть понимающие. Разве из этих... ЛГБТ? Жаль, если так. Лютенс, к слову сказать, как многие люди из спецслужб или армии, что здесь, что в Штатах, политкорректностью не отличался, а гомофобом вообще был стопроцентным. Библейская точка зрения на эту мерзость встречала у него полное понимание.

— Гонишь, — небрежно ответила девчонка. — Журналист? — Она скривила губы. — И такой пендюрокай снимаешь исторические события? Это только для «Фэйсбука»... Что я, настоящих аппаратов не видела?

О, ещё одна тема наметилась.

— Во первых, я не фотокор, а писака, фрилансер. А про машинку не скажи. Эта «пендуорка» имеет пикселей раза в два больше, чем «Кэнон» с такой вот трубой. — Он показал руками размер объектива. — И компьютер так чётко все параметры отрабатывает, что и фотошоп потом не требуется. Хоть постеры прямо с камеры печатай...

Он вскинул «телефон» и щёлкнул девушку крупным планом, успев сдвинуть колёсико на режим «портрет».

— Смотри... — показал байкерше дисплей классического формата 9x12.

Снимок и вправду получился хороший. Даже при таком размере видно было. И цветовой насыщенностью, и композицией. Главное — выражение лица! Вот эта чуть пренебрежительная гримаска, приоткравшиеся губы, смотрящие прямо в душу зрителю глаза, прядка волос, упавшая на лоб, своенравный поворот шеи. Кто осмелится сказать, что «Владимир» — не профессионал.

— Поймалась, девушка, — сказал он шутливо, но с особой интонацией. — Теперь так и будешь на меня со стенки над столом смотреть. И всем любопытным буду говорить, что ты — моё курортное приключение...

— А ну сотри сейчас же, — резко бросила девушка, глаза сверкнули грозовым проблеском. — Сам сотри, а то...

— Да зачем, хороший же снимок. И тебе подарю. А в Сеть выкладывать не буду, мамой клянусь...

— Я что сказала? Стирай, или сейчас ребятам позвоню. Они доходчивей объяснят. И никуда ты не денешься, раз я твоё издательство знаю. У нас в суд не обращаются, сами бывают, больно, без следов и свидетелей...

— Да ладно, ладно, сотру, если хочешь, — не то чтобы испугался, а сделал вид, что просто не хочет «обострять», Лютенс. — Только давай я сначала его тебе перекину, на телефон, или на флешку, ей-богу, хорошей работы жалко... И я вообще к тебе не за этим подошёл. Ты заработать хочешь?

— В смысле? Блядей в другом месте ищи...

Голос у неё был приятного тембра, невзирая на лёгкую хрипотцу, вызванную естественным для мотоциклистики поверхностным хроническим бронхитом-фарингитом и ларингитом. Да и курит, наверное.

— Зря ты это, — совершенно искренне сказал Лерой, хотя воспитание российских девиц в список его приоритетов не входило. Но чем-то она его зацепила, невзирая на его нынешнюю работу. Но это дело такое — если проскочила искорка, так независимо от классовых, национальных и идеологических факторов. Только что вообще ничего такого не думал и вдруг почувствовал, что девчонка ему небезразлична. Впрочем, что за беда? Лишнее знакомство, да ещё в тех, весьма далёких от обычной либеральной тусовки кругах, отнюдь не помешает.

— Не идёт тебе, не к образу, хоть ты и байкерша. Рано или поздно настоящим мужикам ма-

теряющиеся девицы надоедают, раздражать начинают...

— Поучи ещё...

— Да зачем *мне* — *это*? Пусть тебя папа с мамой или будущий муж учат. Я просто как профессионал говорю. Вот распечатай дома свою фотографию, что я тебе сейчас отдаю, а ниже припиши, как в комиксах, какой-нибудь приличный загиб, без пропусков и многоточий... По утрам посматривай — соответствует форма содержанию или как...

«Значит, — подумал Лютенс, стоило увидеть симпатичную девицу, и сразу из меня наружу полезли христианские ценности. Вот уж воистину верно сказано: «Бойся первых побуждений, они, как правило, бывают благородными». А так всё нормально идёт, экспромты по-прежнему выходят качественно...»

— Держи. — Девица достала из нагрудного (на симпатичной такой груди) кармана рубашки флеш-карту, прицепленную к длинной серебряной цепочке.

— Сбрасывай. И сразу стирай, при мне...

Вот как раз тот редкий случай, когда шпионские возможности аппарата пригодились. Лютенс вставил флешку в разъём, скачал на неё фотографию, заодно переписал в память «телефона» и содержимое флеш-карты целиком (может, что интересное обнаружится, сейчас молодёжь стала такая неосторожная, хранят в компьютерах откровения, что тридцать лет назад в шифрованных записях личным дневникам не доверяли), ну и копию фотографии, естественно.

— Готово. Теперь смотри. — Он выбрал в меню функцию «Удалить», показал девушке.

— Ну? Стираю?

Девушка упрямко сжала губы, кивнула.

Лютенс нажал кнопку. По экрану пробежала волна разноцветных ромбиков — и всё. Чисто.

— Варварство, — вздохнул Лютенс. — Словно своей рукой тебя из сердца вырвал. Слушай, у меня настоящие фотографы есть, давай, в натуре, фотосессию заделаем, опубликуем, а то и календарь отшлётпаем, с мотоциклами и вообще... Прилично заработать можно. Ты барышня очень даже нестандартная. Без всякой порнухи, просто красивые намёки... Неужто тебе до этого ни разу не предлагали? Не поверю. Ты ведь уже совершенолетняя?

— Я всё-таки повторю тебе те слова, что воспитанные девушки не говорят. Давай, ё.. отсюда, *Володя*...

Интересная, прямо интересная девушка, и становится всё интереснее. А он ведь действительно её хотел одноразово использовать, сейчас же кажется — есть варианты поинтереснее. В своей конторе Лютенс слыл мастером вербовки, правда, в России ему ещё не приходилось особо блистать своим искусством: в тусовках «кремиков» желающие сразу, без преамбул, продаться, и не задорого, могли бы составить очередь не короче, чем в консульском отделе посольства.

— Странная ты, — очень натурально вздохнул разведчик. — Другие на собственной свадьбе готовы догола раздеться и на столе танцевать, чтобы в календарь или «Плейбой» попасть. Тысяч

за пятьдесят баксов, сама понимаешь. Но я чужие принципы уважаю. И подошёл к тебе совсем не за этим, и заработка куда поскромнее имел в виду...

Всё же чем-то Лютенс девицу тоже задел, раз она до сих пор не уехала. Грубила, но слушала. Красавцем он себя не считал, внешность имел довольно простонародную, тело крепкое, рост 185 и вес 95, но на сорок свои не выглядел, что-то вокруг тридцати пяти — тридцати семи. Нормальный мужчина, любая женщина сразу поймёт, что — надёжный. Потому что взгляд не блудливый, не запутанный, не бегающий и не масленый, не похотливый. Умные дамы такие моменты сразу просекают. Да срабатывал и журналистский бейджик, слова он подбирал неплохо, хотя и на чужом языке. Впрочем, когда нужно, он переключался без усилий и думал по-русски, пожалуй, лучше, чем по-английски. Не американец же он — немец, мать тоже настоящая немка, причём из остзейских немцев, а это уже почти и Россия. Поэтому русский язык к его характеру лучше подходил, не зря же с самого начала он по-русски начал говорить совершенно без акцента, если, конечно, легенда другого не требовала.

— Ну и?..

— Думал попросить, если других срочных дел у тебя нет, прокатить меня на твоей швейной машинке по Колечку и по нескольким радиусам, где проезд не закрыт. Заплачу, какциальному таксисту, два счётчика. Могу добавить ужин в кабаке Дома журналиста...

В Домжур он её вести, разумеется, не собирался, там он за своего «не проканает», и пришла ему эта идея только что, но если бы вдруг согласилась, есть места и получше, чем забегаловка на Никитском бульваре.

Всё же выпитые двести пятьдесят так до сих пор и не выветрились.

— За пару часов управимся, посмотрим, поснимаем, и я явлюсь в редакцию с готовым репортажем... Оперативность, она дорогостоящая.

— Сколько? — Вот тут девица впервые отреагировала без своих обычных грубостей, наверное, сочла предложение действительно деловым и не наносящим ущерба статусу.

— Ну, как ты сама оценишь? Кольцо — 16 км длиной, радиусы, будем считать, ещё двадцать. Ну, на круг пять тысяч нормально будет. Да и если почасово — примерно то на то выйдет. Вдвое — значит, десять.

Девица сощурила зелёные, совершенно кошачьи глаза.

— Кольцо не шестнадцать, а девятнадцать, и поперёк него неизвестно сколько ездить придётся. Плюс форс-мажоры всякие. Знаки, патрули, прикурки на четырёх колёсах. Короче — тонна баксов вперёд. На ужин согласна, кабак сама выберу, насчёт интима и не заикайся. Сошлись?

— Ну, ты даёшь, — только и ответил Лютенс.

— А ты думал — дуру нашёл? Чего ж тогда, в натуре, такси не взял? Вон, — махнула она рукой в сторону Кольца, — лови любого, езжай. Я по-другому считаю. Оперативность — раз. Со мной ты проедешь, где никакая машина не рискнёт.

Безопасность — два. Это я гарантирую, раз за работу берусь. Если что — убежим от кого хочешь, от вояк, от ментов — меня в Москве я и не знаю кто поймать сможет. Я, между прочим, любого стритрейсера¹ только так сделаю... Вдруг чего — могу для поддержки и эскорта десяток наших в полчаса собрать. А если ты свой репортаж сделаешь и проиллюстрируешь, штук десять можешь получить, нет? А уж если на Запад загонишь... Так что я, как соавтор, не много и прошу...

— Молодец, красавица. Ты точно и без интима на жизнь заработаешь. Тебя зовут-то как, представься, раз сговорились и на общее дело идём...

— Пока зови Рысь, а дальше посмотрим. Утром деньги, вечером стулья?

Лютенс засмеялся, сунул руку в карман.

— Рублями — хоть сейчас, а за баксами домой заехать надо.

— Давай рублями, по утреннему курсу. Тридцать три штуки...

Лерой поморщился, но достал из одного кармана шесть пятитысячных, из другого остальное, начал отсчитывать в руки девушки оговоренную сумму и тут же взвыл матерно, правда — лишь внутренне. Кто ж мог рассчитывать именно на такую встречу? Хотел под «простонародье» покосить, а вышла встреча с очень неглупой девушкой, и включилась иная подпрограмма. Но ду-

¹ Своеобразная субкультура городских гопников, гоняющих по ночам на саморучно переделанных машинах. См. соответствующие материалы в И-нете.

рацкие наколки на руках куда теперь денешь?
Придётся мотивировать.

Или — вот так. Рысь как раз на них смотрела очень внимательно, принимая из рук «журналиста» весьма немаленькую сумму. Ну и он на неё посмотрел... Мол, я тебя за романтическую барышню принял, а ты — шкуродёрка и жлобка, можно сказать, штуку баксов рвёшь за «покататься по Москве».

Рысь этот посып поняла и тоже ответила без слов, одними глазами.

«Другой ты бы те же деньги заплатил за куда более короткое удовольствие в постели. Думаешь, тяжёлую машину с прикурком за спиной легче по городу гонять, чем ножки раздвинуть и смотреть в потолок, пока ты сопишь и хрюкаешь? А это — нормальная работа».

Что-то американцу подсказывало, что девушка живёт не сильно богато, а на его деньги теперь легко месяц протянет, или «Кавасаки» столько же заправлять сможет.

Впрочем, оппозиция «бедность — богатство» в России тоже определяется совсем по другим критериям, чем в «цивилизованном мире». Человек, в США позволивший себе покупку такого мотоцикла и не шевелящий губами, сравнивая цену бензина на этой и соседней заправке, бедным считаться не может. Там, если цены на топливо подскочили не на доллар даже, а на двадцать центов за галлон, вполне экономически оправданный повод для транспортного коллапса или народных волнений сотен тысяч представи-

телей «среднего класса» по всей стране. А этим, этой вот Рыси — на всё плевать!

«Если водка станет восемь, всё равно мы пить не бросим!»¹

А наколки — ну что наколки? Сейчас модное «тату» дочки миллионеров себе и на заднице и где угодно делают. Ну а мы в своей молодости так вот развлекались. И вообще, если она действительно байкерша — какое ей дело? Они там все уголовники, нацисты, ксенофобы и сторонники тоталитарного режима, так, по крайней мере, определялась в ежегодных отчётах ЦРУ и Госдепа эта российская субкультура. А кто ещё может демонстративно поддерживать «этую» власть, презирая «либерастов» и «дерымократов»?

Стоп! Лютенс зацепился за свою же, только что мелькнувшую мысль. «Если она действительно байкерша!» А разве могут быть сомнения? Считать её «подставой», что ли? Бред. Даже в «мирное время» подвести к профессиональному разведчику оперативника контрразведки — солидная спецоперация. А уж сегодня! Прямо тебе «Операция «Трест». Что, эта Рысь тут с утра стоит, в расчёте что мистер Лютенс именно в эту точку Москвы выйдет и именно на её прелести

¹ Подтверждающий мысли американца стишок эпохи «заката развитого социализма», когда при Брежневе цена на водку пробила «психологически важный барьер» 5 руб. 10 коп. Снижение при Андропове до всё равно непомерных 4 с копейками рублей «андроповки», по этикетке — копия «сталинской» водки за 21 руб. 20 коп. (2,12 после реформы 1961 г.), воспринялось народом как признак очередной «либерализации».

внимание обратит. Чистый бред. Но интуиция, интуиция, чего она вдруг зашевелилась? Или это не интуиция, а обычная трусость? Страшно стало с безбашенной девчонкой по городу на военном положении прокатиться?

Девушка аккуратно сложила деньги в пачечку, спрятала в карман и застегнула тугую кнопку.

— Теперь можем кататься, пока у тебя яйца не посинеют...

Сказано было грубо и явно с подначкой, исходя из предыдущих морализаторств Лютенса, но тем не менее... Ему действительно перестали нравиться произносимые ей непристойности. Но в основном-то Рысь была права — заднее сиденье такого «Кавасаки» — не место для комфортной езды. То ли дело отдельное, высокое, подпруженное седло старой отцовской «Индианы» 1935 года выпуска. Умели тогда люди комфорт, свой и чужой, ценить.

— А ты что, сидел? — всё же спросила девушка, не смогла удержать любопытства.

— Да какой там... Просто дворы у нас вокруг Переяславки такие были. Или делай, как все, или... Хорошо, у меня родители вовремя оттуда съехали в Черёмушки. Вместо тюрьмы в МГУ пошёл...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рысь хорошо взяла с места, чтобы сразу показать свой класс.

— Слушай, ты это... Я тебя не автородео показывать нанял. Мне надо спокойно ехать, смотреть по сторонам, снимать окружающую обста-

новку и составлять в голове текст! — крикнул он ей в ухо, с удовольствием прижимаясь коленями и животом к её спине и бёдрам. — Изволь полсотни, и хватит.

— Полсотни, — фыркнула девица, полуобернувшись. — Я на такой скорости и не удержусь, набок завалюсь...

— Удержившись, я вон на велосипеде вообще на месте стоять могу... Давай, работай. Клиент всегда прав.

Неизвестно, что там Рысь бормотала себе под нос, но скорость сбросила. Ничего, останется одна — компенсирует полученный моральный ущерб.

За время поездки Лютенс увидел нового и интересного даже больше, чем рассчитывал. На самом деле действиями оставшихся верными Президенту войск руководили очень компетентные и удивительно спокойные и выдержаные люди. Складывалось такое впечатление, что все планы «контрреволюции» были составлены давным-давно, запечатаны в «красные пакеты» и розданы именно тем, кто заведомо не перебежит на сторону противника и не допустит ни минуты растерянности и промедления. Вообще это выглядело как хорошо отрепетированный спектакль. И «положительные герои», и «злодеи» руководствуются написанным драматургом текстом и указаниями режиссера — как реплики и ремарки пьесы следует воплощать в разыгрываемое на театральных подмостках подобие жизни. В какую дверь на сцену выходить и какой рукой героине за сердце хвататься.

А Лютенс и все остальные, планировавшие разыграть собственное действие, сейчас с изумлением наблюдают, как занавес поднялся и актёры, на генеральной репетиции всё делавшие правильно, начали играть совсем не ту пьесу, что была обозначена на афишах и в программах. Вместо «Макбета», например, «Двенадцатую ночь». Не историческую трагедию, а весёленькую «комедию положений».

Ни один из местных руководителей заговора, ни силовики, ни представители «гражданского сектора» заведомо не предполагали, что на стороне Президента смогут оказаться вообще хоть какие-то вооружённые силы. Милиция и ОМОН с СОБРом были заблаговременно парализованы, заранее подготовленных армейских частей вообще не имелось, а инициатива «случайно не охваченного» командира среднего звена должна была быть подавлена в зародыше специально на то назначенными людьми. Для этого и линии связи прослушивались, и подготовленные группы снайперов и гранатомётчиков от «Зубра» немедленно бы пресекли выдвижение к столице каких-то стихийных энтузиастов. Все подходы к Москве легко перекрываются минимальными силами, если, конечно, наступление не ведётся в масштабах немецкой операции «Тайфун»¹ осенью сорок первого года.

¹ Операция «Тайфун» — план взятия Москвы, осуществлялся в сентябре — декабре 1941 г. силами группы армий «Центр», насчитывающей до 2 млн солдат, 1700 танков, 14 тыс. арт. орудий.

Это, кстати, отлично продемонстрировали сторонники Президента. Та информация, которую успел получить Лютенс, подтверждала участие в активных действиях против заговорщиков нескольких автономных групп общей численностью всего лишь до батальона, правда великолепно натренированных бойцов, преимущественно офицеров. Неужели господин Мятлев, неприметный замминистра, таким джокером в рукаве оказался? Вот уж воистину, в тихом болоте...

Сейчас, побывав уже на пятнадцати заставах, блокировавших в основном площади на пересечении Садового кольца с главными радиальными магистралями, Лютенс видел, что Москва контролируется крайне незначительными силами. Пока он обнаружил всего три с небольшим десятка блокпостов, на каждом — одно-два отделения на лёгкой бронетехнике плюс пешие патрули и мотоманевренные группы, тоже по основным магистралям. Как ни считай — от силы полк штатной численности.

Теоретически, если бы начались активные наступательные действия мятежников, подкреплённые «мирными выступлениями граждан», хоть тысяч по десять-двадцать «протестующих» на главных площадях, вокруг Кремля, Белого дома, Государственной Думы, удержать такими силами контроль даже за первым внешним обводом центра города нереально. Кроме основных проспектов Садовое кольцо пересекают сотни улиц поменьше и переулков, а их все плотно перекрыть даже теоретически невозмож-

но, если не имеешь в распоряжении минимум трёх-четырёх мотострелковых развёрнутых дивизий со всеми средствами усиления. Одних, штатов мирного времени, не хватит, даже чтобы обозначить вокруг центра Москвы тоненькую нитку оцепления: по стрелковому отделению на городской квартал, без всякой глубины и не имея ничего в резерве для маневра силами и средствами.

А ведь по «окончательному плану» заговорщики собирались вывести на улицы в нужный момент минимум несколько десятков тысяч хорошо вооружённых бойцов, от взводов используемых «втёмную» подмосковных ОМОНов и СОБРов до вполне мотивированных «Зубров» в полном составе и вводимых в операцию на втором этапе батальонов и бригад внутренних войск. Затем для закрепления успеха и превращения ситуации в «необратимую» предполагалось начать раздачу оружия более-менее организованным отрядам «избравших свободу» — студентам, криминально ориентированным фанатам, отставникам из ветеранских организаций прокоммунистического толка. «Антинародный режим» они свергать пойдут с удовольствием, а когда свергнут — поздно будет остатки волос на вытертых фуражками лысинах рвать. В дело вступят совсем другие силы, а к бесконтрольно выданному оружию боеприпасы закончатся как раз к моменту, когда возникнет опасность, что оно может быть повёрнуто в другую сторону.

Лютенс тщательно изучил хранившиеся в архивах ЦРУ материалы «Операции «Фокус»¹ шестидесятилетней давности. Тогда, в октябре пятьдесят шестого года, «мирная демонстрация студентов» неожиданно для властей и многих её участников превратилась в хорошо скоординированную военную операцию. Пятьдесят тысяч бывших салашитских² офицеров и жандармов вместе с уголовниками, вооружённых натовским и оставшимся с войны оружием, показали, что зря их после войны простили «ради единства нации». Расквартированные в Будапеште и окрестностях подразделения венгерской народной армии, полиции и АВХ³ мгновенно утеряли контроль над ситуацией и были разоружены. Сопротивлявшиеся (а также все сотрудники госбезопасности) расстреливались на месте, большинство подчинилось приказам нового «демократического правительства» Имре Надя. Когда опомнился Совет-

¹ Операция «Фокус» — разработанная и осуществлённая ЦРУ и спецслужбами стран НАТО в 1956 г. так называемая «народная революция венгерского народа», на самом деле замаскированный на первом этапе либерально-демократическими лозунгами фашистский мятеж, основной ударной силой которого были «салашиты», бывшие жандармы и офицеры воевавшей на стороне гитлеровцев до последнего дня венгерской армии. Впрочем, выдавать фашистов за «правозащитников» — давняя традиция либеральной интеллигенции.

² С а л а ш и Ф е р е н ц — лидер пронацистской партии «Скрещенные стрелы», «последний союзник Гитлера», после смещения и ареста адм. Хорти в 1944 г. — «фюрер» венгерской нации. Повешен в Будапеште в 1946 г.

³ А В Х — сокращение от «алламведелмихиват», название министерства госбезопасности ВНР в 1946 — 1956 гг.

ский Союз и занялся подавлением мятежа, ему потребовалось почти две недели и двадцать дивизий, включая танковые. Воевали по-настоящему, почти как в сорок пятом.

А вот здесь и сейчас не существовало внешней силы, способной поддержать рушащийся режим, внутренней — тем более. На это и делался весь расчёт, учитывавший опыт всех антиправительственных переворотов второй половины двадцатого и начала этого века, удачных и неудачных.

Если в пятьдесят шестом году ЦРУ и Госдепартамент хотя бы теоретически допускали возможность поражения и заблаговременно подготовили в Австрии и ФРГ лагеря для почти полумиллиона «беженцев от коммунизма», то на этот раз возможность проигрыша не рассматривалась ни в каком аспекте. И именно поэтому не существовало никаких *подстраховочных вариантов*, вся ставка сделана на единственный парализующий удар.

И вот теперь Лютенс мог наблюдать невозможное. Как заявил Пётр Первый по поводу одной из первых побед в Северной войне — «небывалое бывает».

Патрули и заставы были сформированы из бойцов самых разных родов войск и служб. Лютенс фотографировал, используя трансфокатор, все попадавшие в объектив знаки различия на погонах, рукавах и петлицах, значки и эмблемы. Зачем — ему и самому было не совсем понятно, теперь-то, в пустой след, но действовал инстинкт разведчика. На одном ключевом перекрёстке, у Никитских ворот, он увидел группу морских пе-

хотинцев, два отделения примерно, явно сверхштатно вооружённых преимущественно пулемётами, РПК и ПКМ.

«Эти-то как сюда попали? — машинально удивился Лютенс. — Разве что на сборы какие приехали. Так не было сведений о проведении в Москве каких-то сборов с привлечением личного состава всяческих спецназов. Если бы были — непременно такой факт отразился бы в планах и расчётах. В массе же на улицах преобладали солдаты-контрактники (судя по возрасту), в камуфляжах всех когда-либо использовавшихся в России расцветок. Попадались служащие вообще никак не идентифицируемых структур, которых объединяло только наличие оружия и сравнительно единообразной униформы.

Наверняка тут были чоповцы, эмчеэсники и вездесущие «ряженые», как среди либералов принято презрительно именовать казаков. Ряженые-то они ряженые, но воевать умеют, что показали ещё в «чужих» локальных войнах начала 90-х годов — Абхазия, Приднестровье, Чечня, даже Сербия.

Но в целом занявшее город воинство больше всего напоминало ополчение или заградотряды, что наскоро комплектовались из выходящих из окружения в сорок первом году остатков разбитых полков и дивизий. И, как в те первые дни войны, здесь свою роль эти импровизированные боевые группы сыграли.

Дело даже не в том, что пара-другая тысяч человек за несколько часов взяла под контроль гигантский мегаполис, давно и тщательно поделенный на зоны ответственности куда более ор-

ганизованных частей и подразделений, пообещавших заговорщикам помочь и поддержку. Лютенса поражала никаким образом не объяснимая согласованность действий тех, кто выступил на стороне уже, казалось бы, списанного в тираж Президента и его «антинародного и кровавого режима».

Разведчик знал, что такое «боевое слаживание войск», и то, что в нормальных условиях учёбы в звене рота-батальон на него требуется не одна неделя, с регулярным проведением полевых учений в обстановке, приближенной к фронтовой. А тут что же — подняли по тревоге то, что нашлось под рукой, и через несколько часов получили чётко функционирующий боевой механизм? Причём абсолютно точно знающий дислокацию вооружённых сил заговорщиков, адреса и явки руководителей гражданских структур, вплоть до фанатских и бойцовских клубов антигосударственной направленности. Так просто не бывает. И тем не менее!

Пожалуй, подобная информация будет иметь интерес не только для непосредственного начальства из Лэнгли, тут будет над чем задуматься и многозвёздным генералам из объединённого Комитета начальников штабов¹. Феномен ли надличностной стихийной самоорганизации защитных сил власти (вроде биологического фагоцитоза), или первый случай практического применения нового «организационного оружия»?

¹ Высший оперативный и административный орган управления вооружёнными силами США, состоит из руководителей штабов четырёх основных родов войск (армия, флот, ВВС, морская пехота).

И вот ещё что до крайности удивило Лютенса. Москва митинговала так, как ни разу за последние двадцать лет. Словно пыталась выговорить сразу всё, что накопилось и о чём молчала, то ли от лени, то ли от осознаваемой бессмысленности абстрактной болтовни. А сейчас будто прорвало. Люди собирались в любом мало-мальски подходящем просторном месте, желательно с памятником или монументом в центре, чтобы было куда залезть. В конце восьмидесятых такое толковище постоянно действовало только рядом с редакцией «Московских новостей» — «рупора Перестройки» — на углу улицы Горького и Страстного бульвара, напротив памятника Пушкину, возле щитов с вывешенными полосами свежих газетных номеров. Как и тогда, спорили яростно, до крика, но в то же время как-то уважительно, что ли, не с оппонентом как таковым, а лишь с его тезисами. По крайней мере, скандалов, оскорблений и драк на тогдашних «гайд-парках» не отмечалось, и даже милиция на эти дискуссионные клубы не обращала совершенно никакого внимания. Люди вот именно что *свободно обсуждали* недалёкое будущее, которое тогда всем представлялось по-разному, но непременно светлым и радостным.

И сейчас, на очередном витке спирали, повторялось почти то же самое. Власть в эти *внутринародные* диспуты не вмешивалась, явно сознательно допуская этакое стихийное вече. Пожале, говорить сегодня можно было о чём угодно (или — о чём попало), хотя бы о том, что Президент захотел арестовать всех нынешних воров в законе и забрать себе «всероссийский общак», а те ему в ответ и «намекнули».

Лютенс был полностью уверен, что кто-то наверняка фиксирует всё происходящее и получает сейчас бесценный материал для последующего анализа, осмысления и использования в работе.

Рысь сама остановила мотоцикл, когда они добрались уже до Красных Ворот, раньше, чем Лютенс приказал ей это сделать. Она ведь смотрела вперёд, а разведчик больше по сторонам. То, что они увидели, её особо заинтересовало, хотя до этого девушка чётко исполняла роль водителя и не больше, даже во время остановок не вступая в разговоры со своим нанимателем.

Действительно, открывшаяся им сценка была интереснее, чем всё, что они успели увидеть на улицах и площадях за предыдущий час.

На этот раз стандартный пост из двух БТР-80 с отделением бойцов на каждом был укомплектован совсем уже необычными персонажами.

На крыше и башне одного транспортёра в вольных позах расположились модельного вида девушки, ничуть не уступавшие шармом Рыси. На левых рукавах — трёхцветные угловые шевроны, выше них — чёрные овалы с белыми черепами. Погоны-хлястики на плечах у всех с офицерскими звёздочками, у кого по две, у кого по три. На алых беретах — бело-чёрно-жёлтые кокарды. Что-то весьма непонятное — в российской армии Лютенс не знал войск с такой атрибутикой.

Хороший кадр для какого-нибудь полуфантастического фильма. В реальности так не бывает. Разведчик, специализирующийся на организаций

всяческих революций, «цветных» или «календартных», волей-неволей должен знать не только, как писал Ленин, «её движущие силы и социальную опору», но и возможности действующей власти по их предотвращению. В том числе и вооружённой силой. То есть знать о существовании и реальных возможностях всех без исключения вооружённых и военизованных формирований с той и другой стороны.

Лютенс считал, что владеет вопросом в совершенстве. По крайней мере — лучше, чем военный атташе американского посольства в Москве контр-адмирал Стивен Эмброуз.

Вот, к примеру, известный разведчику, но крайне мало освещаемый исторической литературой и публицистикой, русской и зарубежной, момент — так называемая Февральская революция 1917 года оказалась «успешной» (если можно так выразиться, имея в виду все последующие события) не по каким-то там «объективным социально-политическим условиям», не потому, что «Российская империя стнила изнутри», а «народ больше не в силах был выносить тяготы войны» (во много раз меньшие, кстати сказать, чем в любой из стран Антанты или «Центральных держав»).

Нет, всё упиралось в наложение друг на друга двух ошибок — психологической и управлеченческой, если угодно. Вначале царь Николай вообразил, что для скорейшего завершения войны (которая тогда ещё мыслилась как манёвренная и скоротечная, этакий двухсторонний встречный блицкриг) лучше всего будет бросить на чашу весов свою Гвардию. Уж она-то сразу переломит

начавшую пробуксовывать «войну до осеннего листопада». Гвардию — корпус кавалерии и два корпуса пехоты — на фронт послали, где она и растворилась нечувствительно в отчаянных, но в тот момент бессмысленных сражениях.

Николай, к сожалению, не учился в Академии Генерального штаба, и никто не решился ему подсказать, что, исходя из опыта хотя бы наполеоновских войн, «общий резерв следует использовать только для нанесения решающего удара». И талант полководца в том и заключается, чтобы точно угадать нужный момент. Николай этим талантом не обладал.

В итоге оказался без Гвардии, которую в роскошных казармах Северной столицы заменили несметные толпы запасных солдат второй и третьей очереди (не пустовать же приспособленным помещениям). А любому обладающему хотя бы зачатками здравого смысла человеку понятно, что на третьем году войны вражеским агитаторам ничего не стоит растолковать тридцатипяти-сорокалетним мужикам, оторванным от семей и хозяйства, что гораздо удобнее и спокойнее перекантоваться до «замирения» в центре столицы, на несравнимом и с фронтовым¹ и с деревенским

¹ В отличие от Красной армии, где в запасных и тыловых частях норма продовольствия была намного ниже, чем на фронте (возможно, как раз упомянутый опыт и учли), в Российской императорской всё было строго наоборот. В тылу кормили лучше, причём полноценной пищей и в специально оборудованных столовых помещениях, а не из полевой кухни, где «приварок» приходилось глотать из котелка, в чистом поле или в углу загаженного окопа.

пайке, чем помирать неизвестно за что в Галиции или на Турецком фронте.

Буквально день-другой, и Петроград оказался фактически захвачен буйными толпами почувствовавших волю солдат, противопоставить которым у коменданта города было совершенно нечего, а царь совершил последнюю в жизни ошибку — не поднял по тревоге и не бросил на Петроград несколько ближайших фронтовых кавалерийских дивизий во главе с пресловутой «Дикой», и не возглавил сам это войско, как генерал Корнилов Добровольческую армию годом позже.

Так вот, по сведениям Лютенса, в нынешней действительности никаких вооружённых сил, способных противодействовать мятежу, у Президента не было, и уж тем более некому было отважно и решительно командовать усмирением, если бы что-то и нашлось!

Однако факт налицо! Неизвестно откуда взявшиеся войска — вот они, а вполне реальные ещё вчера «Зубры» и прочее — кто в могиле, кто в бега подался, кто затаился до прояснения обстановки.

Лютенс был абсолютно уверен, что женских офицерских подразделений спецназа в нынешней России просто нет. Бывало, что в боевые части принимали какое-то количество контрактниц — специалисток тех или иных профессий, но чтобы существовали целые строевые взводы и роты — нет. Такое было только в маоцзедуновском Китае, когда во время войны с Вьетнамом особые женские батальоны прославились зверствами, до ко-

торых было далеко всяким гитлеровским «Нахтигальм» и «Бранденбургам»¹.

Кроме того, такого сочетания знаков различий и эмблем в российских вооружённых силах Лютенс не видел ни в одном справочнике. Разве что за несколько суток *до* попытки переворота уже были сформированы спецвойска с прицелом на будущее. И — никакой информации никуда не просочилось, при том что заговорщики присутствовали в буквальном смысле *везде*, вплоть до райотделов милиции, и уж тем более — любых отделах и управлениях МГБ, территориальных и федеральных.

Опять же — девушки с погонами лейтенантов и старших лейтенантов были вооружены, кроме пистолетов в кобурах, очень похожих на те, что носили советские офицеры в Отечественную войну, уже виденными автоматами типа «ППС».

Очень, очень интересно.

Но ещё интереснее выглядели патрульные со второго бронетранспортёра. У этих незнакомым было всё вообще — расцветка униформы, не камуфляжная, а однотонная, необычного зеленовато-песочного оттенка, эмблемы и нашивки, а главное — сапоги. Именно сапоги, а не шнурованные

¹ «Нахтигаль», «Бранденбург» — диверсионно-террористические подразделения вермахта (абвера), во время Второй мировой войны занимавшиеся, кроме прочего, уничтожением мирного населения, польского, еврейского и т.д. «Нахтигаль» был в основном укомплектован украинцами-бандеровцами. Сейчас, после 20 лет антироссийской дружбы, Польша вдруг вспомнила о нескольких сотнях тысяч уничтоженных западными украинцами собственных граждан. Видимо, тема Катыни уже приелась.

ботинки, принятые нынче в большинстве армий. И не кирзовые солдатские, что носили в советской армии и долго донашивали в Российской, а из натуральной хорошей тёмно-коричневой кожи, сшитые, скорее всего, по модельной колодке, такие не набьют ногу при сколь угодно длинном марш-броске; и по горам в них можно лазить, судя по стальным шипам и развитым грунтозацепам на подошвах.

Погоны такие же, как у девушек, но эмблемы и кокарды другие. Вместо черепов с костями на обоих рукавах белые металлические щитки заострённым краем вниз, окантованные чёрно-оранжевой лентой. В центре скрещенные старинные ружья, Георгиевский крест и стилизованные под полуустав¹ красные литеры «Ш» и «Г». А оружие — автоматы, напоминающие знаменитые «ППШ» прежде всего своими круглыми патронными дисками. Только покороче, изящнее, с воронёными рамочными прикладами, стволы — в цилиндрических дырчатых кожухах, как на английских «Стирлингах» или немецких «Рейнметаллах». Вообще ощущается стилистика двадцатых-тридцатых годов прошлого века.

Опять та же история — элитные, по всем показателям, неизвестного происхождения и назначения части, а оружие из музеев? Или — из каких-то спецлабораторий? Возможно, и не огнестрельное даже...

Вдобавок для полноты картины революционного города, во все времена поразительно схо-

¹ Полуустав — одна из графических разновидностей шрифта кириллица. На Руси употреблялся с XIV века.

жей, хоть Петрограда семнадцатого года, хоть Парижа тысяча семьсот восемьдесят девятого или восемьсот семьдесят первого¹, перед небольшой толпой, человек с полсотни, забравшись на высокий цоколь дома, витийствовал явный революционер. Тоже весь такой типичный, «юноша бледный со взором горящим». Очки, само собой, длинные каштановые волосы собраны в «конский хвост», под расстёгнутой джинсовой курткой грязноватая белая майка с плохо читаемым издали длинным, похоже, не на русском, лозунгом.

Простирая руку в сторону заставы, кричит срывающимся голосом. До Лютенса с Рысью доносятся только обрывки пламенной речи: «Кровавые сатрапы! Не допустим, не потерпим чужаков! Оккупация! Пусть лучше приходят войска ООН, даже НАТО! Свобода! Демократия! Люди вы или бараны?!»

Последние слова кого-то, наконец, задели, парня дёрнули за ногу, и он неуклюже свалился со своего постамента. Расшибиться, упав плашмя или вниз головой, ему всё же не дали, поддержали в несколько рук, и он продолжил свою филиппику на тротуаре, прижавшись спиной к стене и размахивая уже двумя руками.

Непонятные бойцы на броне смотрели в сторону происходящего с интересом, но никакого намерения вмешаться не демонстрировали. Словно бы даже не понимали языка, на котором парень кричит.

¹ В 1789-м началась т.н. Великая французская революция, в 1871-м образовалась Парижская коммуна. Ненадолго.

А Лютенсу сразу вспомнились слова «интеллигента» с Арбата. Насчёт «параллельной России». Если это так, то все вопросы снимаются, всё становится на свои места. И с формой понятно, и с оружием, даже с тем, как всё у Президента ловко получилось. На самом деле — имея в своём распоряжении подобный «Иностранный легион», ничего не стоит за сутки провести свою контроперацию. Только как в это поверить? В единый миг принять как данность, что мир изменился кардинально и навсегда, что теперь начнут действовать совсем другие законы и расклады. И не в Москве только, с Москвы лишь начинается. Всё, всё ложится в пазл — и разгром мятежа, и «Обращение» русского Президента, и эти красавицы на броне, каждая из которых без труда получит миллионный контракт в Голливуде. Только у них, наверное, есть свой «Голливуд», и какие же дивы снимаются там, если такие — в пехоте служат?

— Ты что-нибудь понимаешь, Рысь? — неожиданно для себя спросил Лютенс, как бы забыв, что этим вопросом почти что расшифровал себя. Какой это русский мужик его возраста, да ещё репортёр, спросит у молодой девушки такое в предложенных обстоятельствах?

— Понимаю, — так же неожиданно ответила та, смерив разведчика взглядом явного превосходства. Или — сочувствия. — Они все не отсюда. Сам ведь уже понял, ещё там, на Арбате. Нет?

— Что за ерунда? В каком смысле не отсюда? А откуда? С Марса?

— Долго в Абхазии был? — неожиданно спросила байкерша.

— Две недели, — машинально ответил Лютенс.

— Отстал, ясное дело. Ну, раз репортёр, можешь их самих спросить. Девочки такому симпатичному кавалеру не откажут... — Довольно двусмысленно прищурилась, чуть скривила уголок рта. Где-то разведчик именно такую мимическую формулу уже видел. Но где? Вспомнить это показалось вдруг очень важным.

— Напрямую ты их спросишь, или из-за угла — другой вопрос, — продолжала Рысь. — Ты ведь, *Володя*, имей в виду — я почти кандидат нейропсихологии. Зимой защищаться должна. А катаюсь — мозги проветрить, или женишка вроде тебя подхватить...

Последние слова Лерою вдруг резко не понравились.

— Для меня человеческая этология¹ — открытая книга. Да вот хоть на взгляды их пристально посмотреть. Ты наших туристов, впервые в Таиланд или Камбоджу попавших, видел? Вот и эти так же по сторонам смотрят. Не знаю, в «таёжном тупике» они до вчерашнего дня жили, или в Парагвае — но Москву и людей рассматривают, как храмы Ангкора... Неужели ты сам не видишь? В их годы, с их внешностью — так на вполне здурядный уголок Москвы не смотрят.

— Да чёрт его знает! Просто под таким углом, как ты — не задумывался. И словам того мужика значения не придал, пропустил мимо ушей и внимания. Я привык с другой точки всё рассматри-

¹ Этология — наука о поведении живых существ в естественных условиях.

тряватель. Любое происходящее событие — кому-то выгодно, кем-то организовано, стало результатом чьей-то глупости или халатности. «Что, где, когда?» — одним словом. А мистика у нас по разряду других изданий проходит. То, что сейчас в Москве — оно происходит безусловно и самоочевидно...

А сам подумал: «Вот тебе и институт паранормальных явлений!» Хотя при чём тут этот институт — по-прежнему не представлял.

Заодно он успел удивиться, что его новая знакомая, действительно по виду типичная байкерша, — почти кандидат, по-западному — «доктор философии». Там психология, как и многие другие «общественные» науки, скопом числится по разряду «философии». И пометка «доктор философии» на визитке или в личном деле котируется значительно выше, чем, скажем, «физики» или «биологии». Наверное потому, что у американцев с «общим интеллектом» на уровне нации как таковой — не очень, вот и кажется им самая заумная из наук (да и наука ли вообще?)¹ вершиной человеческого разумения. И «оклады жалованья» эти самые «философы», в отличие от России, научились себе выколачивать повыше, чем у медиков даже. В любой корпорации «Dr. ph.» с руками оторвут, на любую, считай, должность, кроме

¹ Сам автор считает, что философия вполне наука, с законами не менее точными и конкретными, чем, например, закон Ома или всемирного тяготения, но у персонажей может быть и другое мнение. Однако как тогда быть хотя бы с законом «перехода количества в качество»? Особенно когда он касается лично тебя.

юридической, конечно. Сам Лютенс, кстати, такую приставку к фамилии в визитке тоже имел.

Но вот Рысь — «доктор философии»?! Это уж никак не вязалось. Он снова подумал о разнице менталитетов. В Штатах женщина-пилот боевого истребителя или командир крейсера никого не удивляет, удивляло бы другое (и послужило поводом к долгому судебному разбирательству), если бы девицу не приняли в военно-морское училище и потом из-за «половой принадлежности» тормозили в продвижении по службе. Но при этом никому в голову не придёт повторить про американку (современную американку), что она «коня на скаку остановит, и т.д. Вот засудить за «харасмент» — любого засудит.

Потому и девицу-байкершу совместить с поченной дамой-философиней никак не получалось, разноплановые это явления. Но не для России.

— И как же «наука о наиболее общих законах бытия и мышления» нам данную гипотезу растолкует? — несколько ёрническим тоном, чтобы замаскировать свой прокол, спросил Лютенс.

— Никак, — спокойно ответила девушка, — слезай. На месте выяснить будем. Мне тоже интересно. Что за новые русские люди появились в моём привычном русском мире.

Эффектным движением гимнастки, пронеся правую ногу над баком и рулём (Лютенс такого никогда не видел, наверное, фирменный стиль в её банде или личное «ноу-хау»), соскочила на асфальт, пару раз полуприсела, разминая затёкшие мышцы.

— Подойдём да спросим, чего проще. Всегда надо идти навстречу проблеме, а не рабски следовать за ней, — назидательно сообщила Рысь, возможно, что и тезис из своей диссертации.

То есть фактически предложила то же, что сам Лерой мужикам на Арбате. Бумерангом эта идея к нему и вернулась. А чего бояться? Разведчик отлично представлял себе, что русские — не американцы, не англичане и не немцы. К ним можно подойти вот так, попросту, хотя они и при исполнении, взять да спросить, протягивая заодно раскрытую пачку сигарет, из каких мест прибыли, что за задачу выполняют, вообще какие настроения. Попробовал бы русский журналист таким образом пообщаться с военными патрулями в Ираке, Афганистане, даже каком-нибудь Париже в разгар уличных беспорядков. Послали бы, ох как послали, а то и пристрелили (случалось, и не раз), сославшись, что приняли репортёров за террористов. И никогда там за убийство «по недоразумению» или за «дружественный огонь» никого не судили.

И самые большие начальники, и судьи с прокурорами на Западе отлично понимают, что на войне человеку очень, очень страшно, и он, чтобы «прикрыть свою задницу», не задумываясь, пристрелит любого. Просто на всякий случай.

Зато если нечто подобное совершали русские солдаты даже в разгар самых ожесточённых боёв второй чеченской войны, всей западной прессе, вплоть до самых провинциальных «клозетных листков», чьи читатели не знают не только, где находится эта самая Россия с Чечнёй, но в столи-

це своего штата ни разу в жизни не были, материалов для самого остервенелого воя хватало на месяцы. А в каком-нибудь Брюсселе немедленно создавали очередной международный трибунал для расследования преступлений «кровавых русских варваров».

Лютенс всё это знал очень хорошо, сам в таких акциях участвовал, потому и шевелился у него в глубине души вполне естественный вопрос: «А что будет, если русские на самом деле станут такими, как о них пишут в «цивилизованном мире»? Вспомнят свой древний анекдот: «А хай клевещут», и — плонут на свою всесветную отзывчивость». Становилось страшновато, вспоминалась весна сорок пятого года в русской оккупационной зоне Германии (как её освещает не тогдашняя — нынешняя американо-европейская пресса и наиболее оголтелые из российских либералов).

В данной же ситуации всё, чего можно ждать от этих вполне мирно настроенных, хотя и держащихся настороженно людей — пошлют по популярным в России адресам, в худшем случае — проверят документы, чего Лютенс совершенно не боялся. Он ещё не встречался с ситуацией, чтобы русские офицеры, солдаты и иные должностные лица с журналистами, даже в разгар реальных боевых действий, как, скажем, на русско-румынской войне девятого года в Приднестровье, обходились без должного уважения. В крови у них это: «Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь — спуску не дадим».

— Ну, давай подойдём, — согласился он. — Я спрошу у девушек, откуда они прибыли и предложу сфотографироваться для первых полос самых популярных газет. А ты с мужиками пококетничай, спроси, что это за автоматы у них такие необычные. Ты, мол, сама КМС по стрельбе, а таких никогда не видела... И вообще, как им Москва показалась, ну, будто ты заведомо знаешь, что они здесь в командировке. В Чечню ведь и ОМОНЫ, и армейские группы со всех концов России гоняли, и никто из этого тайн не делал. Сам, помню...

— Ну, кокетничать у меня вряд ли получится, а спросить — спрошу. Только тогда я уже в качестве соавтора буду. Так и напишешь — репортаж такого-то и такой-то. Ву компрене?

— Же компран бъен. Пошли. Но только теперь я тебя на законном основании везде первыми планами снимать буду. Гонорар и за сессию пополам, — кивнул Лютенс, а сам подумал, до чего же меркантильная девка. По-русски подумал и тут же внутренне рассмеялся. Если бы он думал по-английски и на месте этой Рыси была американка — всё было бы правильно, за каждую сделанную или обещанную работу нужно запросить всё, что можно, и добиваться этого, «не жалея ни матери, ни отца». Вся разница, что в цитированной поговорке речь шла о «красном словце», а не о чёрно-зелёных долларах. И когда думаешь по-русски о русской девушке, красивой к тому же вельми, мысль о том, что она тоже хочет урвать свою долю, причём в валюте, а не в виде чего-то

возвышенно-эфемерного, кажется странной. Неправильной.

Лютенс с досады даже сплюнул незаметно. Чем больше с этими русскими общаяешься, тем большим идиотом себя чувствуешь. И когда их не понимаешь, и ещё большим — когда понимаешь правильно.

А Рысь ещё подбавила, в своём неизъяснимом байкерском стиле: «Только фотошопом меня не раздевай и, на фотку глядя, не онанируй...»

Лютенс натурально окончательно обалдел, но остатками своих «цэрэушных» сил сохранил видимость выдержки. У нас, у русских, мол, уверенная в себе баба и не то может сказать чуть ли не любому мужику.

Он показал «цветнику на броне» (а что, хороший мог бы быть заголовок для статьи, вздумай он её на самом деле писать) журналистскую карточку и тут же обратился к старшей по званию из присутствующих, изумительно красивой (даже рядом со своими однополчанками) девушке в сильно сдвинутом на правую бровь берете, с тремя звёздочками на погонах:

— Товарищ старший лейтенант, моим читательницам будет очень интересно узнать, каким образом такие восхитительные барышни оказываются в рядах наших защитниц. Даже я о «женских батальонах смерти»¹ со времён Керенского

¹ Так назывались сформированные Марией Бочкиной, дважды георгиевским кавалером, в 1917 г. женские подразделения, действующие своим героизмом и самоотверженностью устыдить мужчин, не желающих больше воевать.

не слышал. Вы могли бы украсить любой подиум, демонстрируя летящие наряды из прозрачного шёлка, а вместо этого стоите на броне в центре Москвы и, наверное, цитируете про себя Маяковского: «Сдайся, враг, замри и ляг...» Вы дадите мне хотя бы совсем кратенькое интервью? Совсем-совсем. В сопровождении броских фотографий оно завтра сделает вас и ваших подруг знаменитыми на всю страну и далее...

— Трепач, — сказала другая девица, с пышными, несмотря на короткую стрижку, золотистыми волосами и беретом, засунутым под погон с двумя звёздочками. Она сидела, опираясь о ствол КПВТ и свесив ноги вдоль наклонного броневого листа в зелёно-рыжих камуфляжных пятнах.

— Нехорошо так выражаться, — зацепился за первое же сказанное в ответ слово Лютенс. Не важно какое, главное, что диалог начался. Остальное — дело техники. Он тут же сделал два снимка — один первой девушки, второй — этой. Заодно и бортовой номер транспортёра прихватив. — Я значительно старше вас, нахожусь на работе и сказал только истинную правду. А вы, товарищ лейтенант — это уже непосредственно златовласке, — не согласны с тем, что ваш портрет способен украсить стену над любой солдатской койкой в казарме? Сам служил, знаю.

Ответом ему был дружный смех всего девичьего отделения. Очевидно, он невзначай затронул какую-то деликатную тему, имеющую непосредственное отношение к этой «товарищ лейтенанту».

— И о чём же вы нас собираетесь интервьюировать? — без запинки выговорила сложное слово «старшая лейтенант», явно здесь главная, тоже присаживаясь на край броневого свеса, чтобы было удобнее слушать и отвечать.

— Да о чём угодно, в пределах дозволенного военной тайной. Кто вы, как зовут, откуда... Ваши впечатления от происходящего... Не участвовали вы в интересных боевых эпизодах в горячих точках? То же самое касается любой из ваших подчинённых. Всем же интересно, что чувствуют такие прелестницы, как вы, если их посылают на неожиданное и весьма опасное задание. Читательницам будет очень интересна такая вот оппозиция¹ — пока они посещают фитнес-клубы и модные рестораны, вы — ничем им не уступающие, а во многом и превосходящие — с автоматами в руках патрулируете Москву, не боясь испортить свой маникюр. Кстати, а что у вас за автоматы? Я на своей службе таких не видел. И эмблемы у вас интересные... — и снова щёлкнул камерой, беря самым крупным планом девушку с лежащим поперёк коленей «ППС»...

— А это мы сейчас объясним, в деталях и с подробностями, — услышал за спиной неожиданно мужской голос Лютенс. Он как-то не ожидал, что с прикрытою Рысью направления к нему подойдут так бесшумно. И ведь на лицах девиц-офицерш, которые сверху всё видели, не дрогнула ни одна чёрточка. Специалистки, мать их...

¹ Оппозиция — в широком смысле — «противопоставление». В лингвистике — одних слов — другим, общего смыслового ряда. В логике — силлогизмов.

— Объясните? Я с удовольствием, — не теряя куража, обернулся разведчик. Перед ним стоял офицер в той же форме, что и у парней с соседнего БТР, с четырьмя зелеными звёздочками на погонах. Этот самый загадочный «ШГ». Пистолетная кобура, подвешенная у пояса по-немецки, слева, была расстёгнута, из неё виднелась довольно массивная рукоятка с желтоватыми костяными, а не пластиковыми щёчками.

— Большого удовольствия не гарантирую, — без улыбки или иной эмоции ответил капитан, в глазах которого, теперь Лютенс сам отчётил это видел, плескалось что-то настолько нездешнее... Это трудно объяснить, но так оно и было — офицер носил русские погоны, говорил по-русски без акцента, но был страшно далёк отсюда. В его взгляде словно бы отражалась совсем другая жизнь и другая история. Лютенс не мог объяснить, как он почувствовал это, но ему не раз и не десять приходилось видеть нечто подобное. Например, разговаривая с очень прилично владевшим английским вождём банды очередных сепаратистов на юге Африки. У того тоже был взгляд посетителя террариума, если смотреть на него с той стороны стекла. Так тот хоть был чёрным...

— Документы ваши предъявите...

Лютенс нашёл глазами Рысь. Байкерша стояла у второго БТРа и о чём-то оживлённо говорила с офицерами на броне. Обострённым чувством он отметил и ещё одну странность — этих двадцати пяти-тридцатилетних парней словно бы совсем не интересовали красотки с соседней машины, а вот мотоциклистка вызвала у них неприкрытую

тягу «распускать хвост». Объяснить это можно было только одним — лейтенантки на БТР номер 87 были «свои», а эта — нет. Чем всегда и везде интересна женщина чужого племени? Да тем, что соответствующие структуры подсознания сразу распознают в ней наличие «чужого генотипа», и все органы, для того предназначенные, пытаются выяснить — полезным или вредным он будет для продолжения рода? Есть какой-то механизм, почти безошибочно вызывающий к «чужачке» симпатию или антипатию вплоть до острой ксенофобии.

Рысь, похоже, оказалась этим непонятным солдатам вполне «комплементарна»¹.

— А в чём, собственно, проблема? — как можно спокойнее, чтобы не провоцировать скрытые комплексы и синдромы непонятного офицера, если они есть, спросил Лютенс, снова вытаскивая корреспондентскую карточку. Приходилось такое видеть — на вид вполне нормальный человек, но, услышав некие слова, имеющие для него значение «спускового крючка», превращается... Да бог его знает, во что он может превратиться...

— Я, кажется, ничего не нарушаю. Занимаюсь своей работой. Закон о свободе информации разрешает сотрудникам СМИ получать её любым законным способом. А у вас тут нигде не написано, что запрещается приближаться и задавать во-

¹Комплементарность — (от лат. *Complementum* — «дополнение») взаимное соответствие молекул, нитей ДНК, антигенов с антителом, которые подходят друг к другу, как ключ к замку. Данное явление, применённое к взаимоотношению человеческих популяций, имеет большое значение в теории этногенеза Л. Гумилёва.

просы. Напишите: «Стой! Запретная зона. Из-за нехватки патронов предупредительный выстрел не производится». А иначе — простите. И представьтесь, пожалуйста...

В подобных случаях чем увереннее держишься и сразу начинаешь «качать права», тем лучше. Неплохо ссылаться на всяческие нормативные документы и акты, с датами и номерами, независимо, существуют ли они на самом деле. Вроде того солдатика из армейской побасенки: «В Уставе, товарищ генерал, сказано — на мосту честь отдавать не положено».

Похоже — шутка с нехваткой патронов офицеру понравилась. Будто впервые услышанная. Он широко улыбнулся и тут же снова посерёёзел.

— Представлюсь — с удовольствием. Штабс-капитан Колосов, командир роты отдельного батальона штурмгвардии. А вы кем будете? — спросил офицер, не делая даже попытки заглянуть в удостоверение, которое держал в руке. Оно, похоже, его совсем не интересовало.

На стандартно-некультурный вопрос имеется в запасе безукоризненно-грамотный ответ: «Да тем, наверное, кем и до этого, таким-то и таким-то...»

Только ещё в уме, перед тем как соскочить на язык, фраза увяла.

Стоп-стоп, что этот офицер только что сказал? Штабс-капитан, штурмгвардия? С какого это края такое?..

— Ещё раз прошу прощения, товарищ... или — господин... штабс-капитан? Не поясните ли? Я, может, за последнее время от жизни отстал? В отпуске был, прозевал что-то? Министра оборо-

ны за подрыв боеготовности вроде бы даже расстреляли, это я вчера слышал, а чтобы тут же и воинские звания поменяли... И — штурмгвардия. Первый раз слышу. Не поясните?

— Только к этому и стремлюсь. Прошу вас...

Колосов показал рукой, и Лютенс увидел, что позади БТРа уже стоит синий мини-вэн с гостеприимно сдвинутой широкой боковой дверью. И Рысь делает приглашающий жест, и одна из девчонок на броне, сверкая голливудской улыбкой, машет раскрытой ладонью. «До скорого, мол...»

Недоумённо хмыкнув и демонстративно пожав плечами — роль играть нужно до конца, пока занавес не закрылся, Лютенс на прощанье щёлкнул красотку самым крупным планом (нет, снимки по-любому должны выйти отличные, только кто на них любоваться будет?).

Он сел на заднее широкое сиденье салона, отделённого от водительского отсека непрозрачной переборкой, Рысь, которой Колосов передал документ «журналиста», — в кресло рядом. Дверь автоматически задвинулась, штабс-капитан, оставшись снаружи, отдал честь, совершенно так же, как это делают здешние офицеры, может быть — несколько резче и чётче. У американских и европейских офицеров, кроме немцев, конечно, этот жест выглядит довольно карикатурно или просто неуклюже. Как и строевой шаг, впрочем.

«Интересно, — подумал Лютенс, — на арест не слишком похоже, ни конвоя, ни обязательного обыска. А если у меня пистолет или хотя бы нож в рукаве? Девчонка, хоть и крепенькая, мне ничего сделать не успеёт...»

— А толку-то тебя обыскивать? — немедленно ответила на непроизнесённый вопрос Рысь. Всё-таки паранормальные явления имеют место быть? — Не с дураком же имеем дело. Пока, обрати внимание, ситуация остаётся в статике. В реальности ничего не меняется, пока причина не получает зафиксированного следствия...

— Интересная формулировка. Броде того, что быстро поднятое считается неупавшим? — постарался попасть в тон Лютенс, а про себя подумал, что так оно и есть. Если, не выходя из машины, байкерша сумеет добиться от него желаемого, хотя бы подписки о сотрудничестве, в его повседневной жизни ничего не изменится. Вернее — уже изменилось так, что пора думать, как в новой жизни устраиваться. И очень может быть, что, напротив, ничего плохого ему не сделают, а положение Лютенса в своей служебной иерархии только упрочится. Уж наверное, раз местное МГБ или какая там организация обратили внимание на сотрудника ЦРУ и американского посольства, то не преминут посодействовать свежезавербованному агенту в продолжении карьеры. Есть у них наверняка «агенты влияния» в Вашингтоне на самом верху...

Но пока действительно не произошло ровным счётом ничего «необратимого». Нужно только слушать и соображать, как бы не просчитаться. Он ещё не решил, как себя выгоднее повести. Будет зависеть от того, что произойдёт между ним и этой суперзвездой в ближайшие полчаса. Но как же она так сумела его вычислить? И что на улицу

в этот самый момент выйдет, и что к блокпосту подойдёт, и к ней обратится?

— Именно так, — немедленно отозвалась девушка, будто действительно читала его мысли. — И в гораздо большей мере не является шуткой, чем ты способен это вообразить. Так что, согласен разговаривать по делу?

Разведчик неоднократно сталкивался с людьми, умевшими думать «за собеседника» и в нужный момент отвечать на непроизнесённые слова, да и сам таковыми способностями обладал на примитивном уровне. Но эта Рысь! Психолог высшего разряда, прямо тебе Капабланка или Моцарт, от рождения умевшие то, чему другие не могли обучиться за долгие годы...

Машина в это время вывернула не на Черногрязскую, как ожидал Лютенс, а свернула в проезд, ведущий в сторону Мясницкой, и начала крутить по бесконечной и непостижимой для постороннего человека паутине переулков самой что ни на есть исконной Москвы, где почти и не ощущались последствия пятнадцатилетней архитектурной шизофрении вереницы московских градоначальников и их подручных. Машин только многовато, сплошными рядами припаркованных почти впритык к стенам домов с обеих сторон. Ехать почти невозможно.

Рысь опять угадала его мысль, перехватив направление взгляда.

— Ничего, с этим мы скоро разберёмся. Город должен быть для людей, а не для машин...

— А куда денете людей, для которых смысл жизни в обладании машинами? — неожиданно

для себя спросил Лютенс, будто оставаясь в образе журналиста, пишущего на социальные темы, хотя ему следовало бы думать о совсем других вещах. — Многие ведь не для того всё это железо на последние гроши покупали, чтобы по-прежнему на метро ездить. Для них это единственный символ «успеха».

— Ты мне ещё расскажи о праве личности «на свободу и стремление к счастью». И о том, что никогда не бывал за границей. Там ведь принимается решение о запрещении парковок и даже вообще движения по тем или иным улицам, и никто не страдает по поводу ущемления прав тех, кто непременно желает ехать и стоять именно здесь, а не где-то в другом месте. Моя б воля, я внутри Садового кольца позволила бы ездить только общественному и технологическому транспорту. Но тебя правда это сейчас волнует? — На своём безупречно правильном и безоговорочно красивом без всякого макияжа лице Рысь изобразила искреннее удивление.

— Меня ещё вот что волнует — деньги-то ты с меня взяла, а условие, кажется, не в полном объёме выполнила. Это правильно?

— С чего ты взял, что не выполнила? — приподняла бровь Рысь.

— Ну как же? Я так понимаю, арест, или задержание, по какой там статье проводить будете, не знаю, автоматически ведёт к прекращению предыдущих правоотношений, поскольку статусы сторон коренным образом меняются...

— Беда с этими американцами, с рождения все контужены своей юриспруденцией. Проще

нужно на жизнь смотреть, как в этой стране принято. И кто тебе сказал вообще, что наши *правоотношения* изменились?

— Ну как же... — начал Лютенс и прикусил язык. Чуть не проболтался окончательно, впрочем, чего уж там, проболтался не проболтался, разве в этом дело. Просто он сразу начал себя вести с девушкой именно как задержанный американский разведчик, а не оскорблённый произволом отечественный журналист, да ещё и оппозиционных изданий, разговаривающий с обычной, никакого статуса не имеющей байкершой.

«Штабс-капитана» вполне можно оставить за скобками или начать разговор именно о нём... Толку в продолжении игры никакого, но политес должен соблюдаться... Пусть обыскивают, доказывают что-то, а он уже потом, если потребуется, начнёт качать свои дипломатические права.

— Да-да, я как раз об этом. Легко ты поплыл, Владимир, или как там тебя... Лерой, что ли? Оно, с одной стороны, всё верно, деваться тебе и так и так некуда, но всё ж таки... Если б меня насиловать собирались, я б сопротивлялась до последнего, и неизвестно, получил бы кто-то в конце концов «удовольствие» или лишился бы чего-нибудь важного навсегда... Но не будем о грустном. Пока что мы сели в мою машину... ну, перекурить, что ли. — Девушка достала из кармана удивительно шикарный и, наверное, жутко дорогой золотой портсигар, инкрустированный натурально драгоценными камнями под цвет глаз. Щёлкнула кнопкой, взяла даже на расстоянии ароматную

сигарету светло-шоколадного цвета с длинным фильтром, протянула портсигар Лютенсу.

— Хочешь выпить — бар в спинке переднего сиденья. Не стесняйся. Так вот, мы покатались, мне захотелось перекурить. Выпить тоже могу за компанию, у нас здесь сейчас чрезвычайное положение, промилле никто проверять не будет... Итак, я тебя больше часа катал, ты фотографировал, собирая информацию. Захочешь — ещё покатаемся, в Москве много осталось интересных для тебя мест. Все объехать — доплачивать придётся. Ну а не договоримся — полученную от тебя сумму приобщим к вещественным доказательствам. Себе не оставлю, у меня муж хорошо зарабатывает...

— Ты замужем? — непонятно чему удивился Лютенс. Как-то так странно Рысь всё обставила, что его мысли постоянно соскакивали на вещи, которые его должны были бы волновать в самую последнюю очередь.

— А чего удивительного? Возраст подходящий, собой недурна, что ж, в старых девах пропадать?

— Да, действительно, — согласился Лютенс. Просто ему подсознательно показалось, что несправедливо, если такая красавица принадлежит одному мужчине, как если бы снять известную картину со стены в музее и запереть в сейф неизвестного коллекционера. И интересным показалось, что за муж у неё должен быть и как выглядит её семейная жизнь. Неужели так же скучно и банально, как у всех?

— Ладно, с этим, допустим, выяснили. — Лютенс не стал чиниться, выпил стопочку настоящего армянского «Двина», явно не подделки. Хорошо живут господа российские контрразведчики. Едва ли специально для него бар загружали. Затянулся пару раз сигаретой, тоже весьма нерядового качества.

— Вводная первая — я официально заявляю, что являюсь секретарём посольства США и по неизвестной для меня причине незаконно задержан во время прогулки по городу. По-любому вы меня должны отпустить, просто так или пригласив для моего опознания и подписания необходимых документов официальное лицо, вплоть до посла, мистера Крейга...

— Допустим. Мы обычай знаем. Уж на что к гитлеровцам после двадцать второго июня негативно относились, а с полным комфортом их дипломатов из Москвы отправили. Как и они наших — Восточным экспрессом Берлин — Стамбул. Как у Агаты Кристи... Кстати, мы приехали...

Мини-вэн успел свернуть в глухой, но весьма обиженный дворик, со всех сторон окружённый стенами трёхэтажного строения, возведённого не позже середины девятнадцатого века.

— Выходите, господин секретарь. Я своё дело сделала, теперь с более компетентными товарищами говорить будете.

Лютенс, успевший окончательно восстановить душевное равновесие, сейчас пытался понять — в чём с профессиональной точки зрения был смысл участия Рыси во всей операции? Задержать его можно было прямо там, где он её

увидел, без всяких ухищрений, ничего из сказанного и сделанного им никаким образом не влияет на его дальнейшую судьбу. Ни поводов для шантажа, вообще ничего. И всё, о чём они с ней говорили, ни к какому делу не подошьешь. Информативно — ноль, психологический и деловой его портрет у них и так должен быть давно составлен. Непонятно. И зачем ему явно специально демонстрировали тех странных девиц, штурмгвардейского штабс-капитана... Ерунда какая-то. Правда, удовольствие от прогулки на мотоцикле с красивой девушкой-водителем он получил. Просто так, по-человечески.

— Скажи, как ты могла знать, что я предложу тебе покататься? Ты ведь меня там ждала?

— А ведь не ко мне вопрос, мистер Лютенс. Восстановите последовательность событий. Вы вышли из посольства, когда захотели. Пошли, куда ноги понесли. Стояли, с мужчинами разговаривали. Я в вашу сторону даже не смотрела. У вас это обычная манера — приставать на улицах к незнакомым девушкам? А если нет — подумайте, что вас подтолкнуло к нестандартному шагу? Кстати, там совсем неподалёку от меня тоже очень миленькая девушка стояла, в юбочке на ладонь ниже пояса. Чего к ней не обратились?

«Водка, — чуть не ответил Лютенс. — В ней всё дело. После четвертинки без закуски и не такие эскапады могут в голову прийти...»

А девчонку в короткой юбочке он, убей бог, не видел. А если б и да — зачем она ему?

ГЛАВА
СЕДЬМАЯ

Лютенс себя чувствовал, как бы это лучше выразиться — странно. По всем параметрам. И это никак не объяснялось тем, что случилось с ним и вокруг, начиная с момента, когда до него дошла первая информация о полном провале дела, стоявшего нескольких лет жизни и многих душевных терзаний. Да, звучит необычно, но и для человека, посвятившего себя игрищам «плаща и кинжала», есть такие константы, выход за пределы которых нарушает «постоянство внутренней среды личности».

Да, дело провалено, и даже при самом оптимальном для разведчика исходе ни на что приличное в смысле дальнейшей карьеры он может не рассчитывать. Слишком значительно дело и масштабна теперь цена поражения. Если начать перечислять по пунктам, прямо страшно становится.

Очень даже может быть, что уволят его «с позором», а это катастрофа для человека, жизнь посвятившего государственной службе. После такого увольнения и в солидную частную структуру не возьмут на хлебную и спокойную должность. Придётся пускаться «на вольные хлеба». В детективы податься, вроде Ниро Вульфа или Перри Мейсона. Судя по книжкам, и в этом качестве люди живут, а то и благоденствуют, не подчиняясь никому и не завися от гримас мировой политики. Ну, ещё можно попробовать себя на поприще «белого наёмника» при правителе какой-нибудь дикой страны. Ставки там приличные, но уж больно работа противная и опасная.

Варианты третий и четвёртый категорически неприемлемы. То, что посол намекнул на возможную выдачу Лютенса русским — полная, разумеется, ерунда. Любому понятно, что в отместку за такую подлость он молчать не будет и без всякого раскаяния сдаст русской разведке и контрразведке всё и всех, что и кого знает, а также и многое сверх того. Поэтому речь, скорее всего, пойдёт о несчастном случае или внезапном сердечном приступе, инсульте или о чём-то ещё в этом же роде.

Фантазия у парней из «конторы игрек» не то чтобы слишком богатая, но зато практики достаточно, и вся цепочка под контролем: ненужных вопросов не возникнет ни у коллег, ни у судмедэкспертов, ни даже у родственников. И никакая это не паранойя, чистый реализм, не более того. Если вдруг в Вашингтоне или в каком-то другом месте решат, что пора менять курс в отношениях с Россией, слишком много знающий специалист из «предыдущей исторической эпохи» никому не будет нужен. Скелеты рациональнее выбрасывать вместе со шкафами, а не ждать, что некто любопытный от нечего делать в старый шкаф заглянет.

Так что очень даже вовремя русские эмгэбэшники к нему свою сотрудницу подвели. Правда, если бы дождались момента, когда он сам к ним прибежит, могли бы побольше выгадать... Да и он тоже.

Из этих размышлений вытекает, что он, в полном соответствии с принципами его организации и вообще страны, в которой довелось жить и служить, уже решил, что в свете складывающихся обстоятельств предать следует первым,

не дожидаешься, пока предадут тебя. Он прекрасно представлял, какой материал может на него быстренько представить «куда следует» посол Крейг и те, кого он сочтёт нужным пригласить себе в помощники. И наверняка найдёт такой канал продвижения информации, что помочь не успеют, не смогут, а потом уже и не захотят те, на покровительство которых он до последнего момента так рассчитывал.

Потому что игра, как выясняется, идёт между совсем другими партнёрами, чем ему представлялась, и на стол тут бросают не «даймы» и «квотеры», а, пожалуй, полновесные гинеи¹.

Причём кто, кого, как и во что играет — понять пока не получается.

Штука с «параллельной Россией» вносит в и так не простую ситуацию такой дополнительный элемент непредсказуемости, что и вправду поверишь поэту Тютчеву: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить, у ней особенная стать — в Россию можно только верить».

Но подождите, если есть параллельная Россия, то и Штаты тоже есть, и в мировом раскладе

¹ «Дайм», «квотер» — жаргонное обозначение американских монет в 10 и 25 центов. Гинея — британская золотая монета, формально приравнивавшаяся к фунту стерлингов, но делилась на 21, а не 20 (как фунт) серебряных шиллингов. Уже в девятнадцатом веке приобрела несколько символическое, «эстетское» значение. В аристократических кругах в гинеях было принято оценивать породистых лошадей, драгоценности, предметы антиквариата и т.п. Никакому лорду не приходило в голову сказать: «Бэрримор, пошлите кого-нибудь в лавку, пусть возьмёт на две гинеи выпивки и провизии». Карточные долги тоже обычно исчислялись в гинеях.

в итоге ничего не меняется? Только вот как найти дорогу в те Штаты, если и про ту Россию ему пока ничего почти не известно. Значит, надо узнать, любой ценой, вот на ближайшее время цель и смысл жизни. А то вдруг окажется, что, если в России победили «белые» и сохранилось самодержавие, в Штатах могли победить южане, и, значит, «янки»¹ там делать нечего.

Рысь указала ему на неприметную (как водится, «приметные» в позапрошлом веке делались только на парадных подъездах, выходящих на улицу) дверь в левом углу двора «П-образного» здания. Тёмные окна всех трёх этажей смотрели неподвижными взглядами, и от этих взглядов, за которыми не ощущалось никакой жизни, на душе американца делалось ещё тревожнее. Хотя никакой это не «тюремный замок», вроде Бутырки или питерских «Крестов», а вот поди ж ты. Умевут русские даже своей архитектурой на психику давить. Или сам Лютенс успел себя так основательно накачать адреналином и иными кортикостероидами, или продолжалось действие того самого внезапного изменения структуры всей окружающей среды, что ему померещилось. Как кошке за некоторое время до землетрясения или наводнения.

По широкой и пологой чугунной лестнице, где чугунное литьё перил имитировало причудли-

¹ Пренебрежительное наименование южанами северян во время Гражданской войны. В настоящее время во многих странах мира обозначает североамериканцев вообще, в самих США по-прежнему относится больше к жителям Новой Англии (северо-восточные штаты).

вую кружевную резьбу по дереву, по рифлёным ступеням со следами логотипов фирмы-производителя, полустёртых миллионами прошедших по ним подошв, он в сопровождении девушки поднялся на третий этаж. Им не встретилось по пути ни одного человека, и даже не слышалось людских голосов и каких-либо иных звуков в расходящихся вправо и влево длиннейших сводчатых коридорах. Зато шаги отдавались вверх и вниз удивительно гулко. Прямо заколдованные царство какое-то, а не довольно обычный старый дом в центре города. При советской власти здесь наверняка размещалось учреждение министерского уровня — главк, совнархоз или что-то в этом роде. Сейчас могла бы поселиться сотня разнообразных офисов, или, опять же, департамент московского правительства, но выглядело так, будто здание законсервировано для некоей специальной функции. Отчётиво пахло старым деревом и как бы не архивной пылью.

На верхнем этаже Рысь предложила войти во вторую от пересечения пугающих коридоров дверь, справа. То есть расположенное за ней помещение должно быть обращено окнами во двор, а не на улицу.

За дверью Лютенс увидел приёмную с оборудованным по самым высшим стандартам рабочим местом секретарши (или секретаря, в зависимости от вкусов руководства). Расплодились последнее время кое-где при мужчинах-начальниках секретари-референты с внешностью персонажей порнографических открыток начала прошлого века. Ещё там было несколько массивных, тоже

старого фасона, стульев для ожидающих приёма лиц и уголок с журнальным столиком, удобными креслами и большим аквариумом, возле которого, любуясь рыбками, могла бы скоротать ожидание раньше назначенного времени явившаяся VIP-персона. Сейчас здесь никого не было, ни секретарей, ни посетителей, только лениво шевелящие хвостами и плавниками макрорусы, или как их там, тычущиеся глупыми мордами в толстое стекло.

Рысь нажала на столе кнопку селектора.

— Мы здесь, Вадим Петрович, — доложила она, как будто хозяин кабинета давным-давно не наблюдал за ними, с самого въезда во двор по расставленным небось через каждый метр видеокамерам. А то и раньше.

— Здесь — так вводите, — прозвучал из динамика молодой и, пожалуй, весёлый голос. А чего грустить человеку, дела у которого идут самым великолепным образом?

— Мне — тоже? — спросила Рысь.

— Зачем? Мы тут сами. Ты просто подежурь, отдохни, на связи побудь и чего-нито перекусить сообрази, я с утра на ногах и голодный.

Это демонстративное «чего-нито» якобы должно было обозначить в говорившем связь с «малой родиной», Владимирской, скорее всего, областью, но прозвучало резким диссонансом с остальным, явно петербургским произношением и, главное, манерой говорить.

Насчёт великорусских говоров Лютенс был большой специалист, а их изучение и знание требовало гораздо больше трудов и тщательно-

сти, чем у германиста или китаеведа. Там разница в диалектах разительная, отличить баварца от пруссака или кантона от синцзянца не сможет только с детства глухонемой, а вот костромича от тверяка и ростовчанина-на-Дону от ставропольца — тут нужно слухом Ойстрака обладать. И изучить массу трудов, начиная от сталинского «Введение в языкознание».

В не менее просторном, чем приёмная, кабинете, оформленном без всяких «хай-теков», строго в административном стиле «заката Российской империи» 1900 — 1913 годов, у полуоткрытой балконной двери, с которой задувал прохладный, без всякого кондиционера освежавший помещение ветерок, стоял с сигаретой в руках молодой сравнительно, едва за тридцать, мужчина, одетый в совершенно неконкретный штатский костюм так называемого «спортивного стиля».

Если не обращать внимание на некоторые специфические детали, вроде размера и покроя карманов, ширины брюк, качества и выделки ткани, её расцветки, он почти так же естественно, как сегодня, выглядел бы и в начале прошлого века. В любом случае — в подходящей обстановке в глаза бы не бросался.

Сшит из бледно-кофейной чесучи¹, да ещё и с золотистым отливом при изменении угла падения света, что говорило о крайней дороговиз-

¹ Чесучка — платяная ткань полотняного переплетения, вырабатываемая из особого сорта грубого щёлка. Отличается высокой прочностью и выдающимися терморегуляционными качествами. Во второй половине XX века отчего-то вышла из моды.

не этой ткани ручной выделки. В целом выглядел мужчина вполне аристократично — не чета Лютенсу с его нынешним обличьем. Впрочем, и в самом дорогом смокинге Лерой всё равно смотрелся коряво. Странное такое свойство, отчего ни смокингов, ни фраков и даже военных мундиров Лерой не носил. А у этого всё в порядке — и лицо, одновременно тщательно вылепленное, но и в меру грубоватое, без карамельной слашавости, присущей, например, оперным тенорам или «секс-символам эстрадной тусовки минувшего сезона». Ростом вровень с Лютенсом, то есть шесть футов с дюймом примерно¹, светлый шатен, коротко, по-армейски подстрижен, носит так называемые «английские» усы, бывшие в моде тоже в начале века, но в России и сейчас весьма популярные, в отличие от большинства «цивилизованных» стран, не считая южноевропейских и латиноамериканских, но там фасон другой.

Глаза тёмно-серые в голубизну, внимательные, но без злобы, фанатизма или стандартного англосаксонского безразличия ко всему на свете, кроме некоторых сугубо личных моментов. Человеческие глаза. У садистов или «палачей по должности» таких не бывает.

Губы очевидным образом готовы к дружелюбной улыбке, это чувствуется, даже когда они сжаты.

Одним словом — лучший из типичных образцов великорусской нации, фенотип, без особых изменений дошедший ещё с домонгольских времён. На Западе, и не только, сложилось пред-

¹ 185 — 186 см.

ставление, что «настоящий» русский — это светловолосый широколицый богатырь, зачастую — курносый, голубоглазый, очень сильный, но несколько неуклюжий. «Весело-придурковатый», по определению Петра Великого. Одним словом — слегка очеловеченный медведь. А ведь на самом деле всё названное — черты, привнесённые при смешении со всякого рода угро-финнами и иными ныне стопроцентно ассимилированными племенами, населявшими территорию восточнее Днепра и до самого Тихого океана, куда русские не спеша, то пешком, то по рекам, добрались уже в шестнадцатом веке, когда тех же «американцев» (что северных, что южных) ещё и в помине не было. Да и англичанам до покорения Индии две сотни лет подождать пришлось.

Вот и этот мужчина — стопроцентный великоросс явно хорошего происхождения, если и не природный Рюрикович, то близко к тому. Как его назвала байкерша Рысь — «Вадим Петрович»? Всё понятно — он самый, Вадим Петрович Ляхов, топ-менеджер всемирной, точнее — транснациональной «Комиссии по изучению и рационализации парапротивных явлений». Впервые о Ляхове Лютенс услышал с месяц назад от своего «агента влияния на жалованьи», звезды столичной журналистики и «протестного движения» Михаила Воловича, в связи с тем что этот самый Ляхов несколько раз подбрасывал репортёру интересные темы, не столько для публикации, как «к размышлению». Вот и осело в памяти, по профессиональной привычке. Но именно «парапротивной составляющей» этого человека он тогда

не заинтересовался. Мало ли что добровольные информаторы наболтают...

А вот Крейг, получается, отнёсся к информации более внимательно. Возможно, в тех кругах московской «несистемной оппозиции», где посол любил вращаться, регулярно устраивая приёмы (они же — кукиши в кармане действующей власти) в своей на весь свободолюбивый мир известной резиденции, об этой организации разговаривать было модно. Не всё же «кровавый режим» проклинать и будущие министерские посты делить, надо бы и о возвышенном. А то не собрания «истинно креативных» людей получатся, а неизящная смесь клуба «пикейных жилетов» с «Союзом меча и орала»¹.

Лютенсу не до того было, да и при чём тут какие-то придуры, любители столоверчения и уфологии, когда готовится государственный переворот в крупнейшей, причём ядерной, единственno способной уничтожить США одним ударом державе? Как говорил столь почитаемый в России интеллигентами О. Бендер: «К пожарной охране, которую я в настоящий момент представляю, это не относится».

Ляхов сделал несколько шагов вперёд, протянул руку и крепко пожал поданную в ответ Лютенсом. Отчего же не пожать? Коллега наверняка, а коллегам делить нечего. Застрелить при случае — это пожалуйста, а так чего же? Одно дело делаем, просто по разные стороны баррикады.

¹ См. романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок».

— Садитесь, Лерой. Бар вон там, внутри. — Он показал на громадный средневековый глобус в медной оправе и на тёмной дубовой подставке, стоявший в двух метрах левее кресла, на которое указал хозяин. — Но в принципе можете и не затрудняться, Герта сейчас всё подаст. Я очень голодный и выпью с удовольствием, ибо на сегодня рабочий день, считаем, закончен...

— Закончен? — не сдержал удивления Лютенс. — А как же?.. — Сам-то он считал, что с его задержанием всё только начинается.

— А, вы про это? Да ну, ерунда какая. Разве ж это работа? Мы просто посидим, пообщаемся, обсудим, как нам лучше всего оформить наши будущие, надеюсь, взаимоприятные отношения...

Ляхов сел напротив, закинул ногу за ногу. Он был обут в лёгкие мокасины под цвет костюма. В отличие от американца, который, как большинство его соотечественников, обожал крепкую, несносимую обувь, и даже к костюмам от «Хьюго Босса» надевал пусты и дорогие, но способные без потерь прошагать рядом с фургоном через всю Долину смерти туфли или, точнее, полуботинки. Сейчас костюм у Лютенса был попроще, очень попроще, но с туфлями он промазал. Любой русский контрразведчик с ходу сообразил бы, что этот парень как-то чересчур смахивает на богатого американца своими чрезмерно дорогими даже для очень хорошо зарабатывающего москвича «шузами», да и не по погоде они. Русские зимой носят надёжную и тёплую обувь, а летом предпочитают что полегче, вплоть до сандалет на босу ногу. Азиаты, что скажешь...

— Нет, господин Ляхов, давайте уж по правилам, — сказал Лерой, беря протянутую собеседником сигарету.

— Давайте, — легко согласился тот. — Только насчёт правил просветите. Что вы, собственно, имеете в виду?

— То есть как? Вот мой паспорт. — Он достал из внутреннего кармана свой дипломатический. — И давайте, предъявляйте мне, что там у вас есть. Убийства вы мне никак не пришёте, а всё остальное даже общественного порицания не заслуживает. Что ещё делать посольскому работнику, как не изучать обстановку в стране пребывания. Тем более — когда такое...

— Ну да, ну да, — согласился Ляхов. — «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Кто написал?

— Не помню. Кажется, Тютчев? Или Лермонтов, — машинально ответил разведчик, хотя совершенно не был обязан.

— Вот и мне кажется, что Тютчев, — кивнул Ляхов, пролистал паспорт и небрежно сунул в боковой карман пиджака. Будто гаишник — права нарушителя. — «Его позвали всеbagие, как собеседника на пир...»

— Эй, эй, подождите, вы что? — подскочил с места Лютенс.

— А что? — удивился хозяин кабинета. — Герта, ты где там? — крикнул он в сторону двери.

— Иду, иду уже... — вошла Рысь с солидно накрытым подносом, и американец вновь залюбовался прелестью этой девушки, хотя какая там прелесть у грубиянки-мотоциклистки, только

что заманившей его в ловушку и арестовавшей. А вот поди ж ты! Лерой, выходит, уже смирился, что прежней жизнь никогда больше не будет, и на происходящее реагировал без театрального трагизма. На подсознательном уровне. Знал, куда ехал и на что шёл.

Девушка ловко, словно официантка со стажем, расставила по столу холодные, не требующие специального приготовления, но весьма изысканные и питательные закуски, стопочки, графинчики с чем-то тёмно-рыжим и понятно чем прозрачным, бутылку незнакомой Лерою минеральной воды «Нагутская №2. Типа боржом»¹.

— Ну, давайте. Вы сегодня с водки начинали? Ну и продолжайте...

— А с чего вы так решили?

— По запаху, уважаемый, по запаху. Подумашь, бином Ньютона... А что касается паспорта — предлагаю поверить мне на слово (как и всем остальным, в случае чего придётся) — не было его никогда, это вам просто померещилось. Есть люди, что себя наполеонами воображают, ну а вы — американским дипломатом. Кстати — хотите загадку? Почему, если мужчина себя Наполеоном объявляет, его сразу в психушку везут, а если женщиной — то американский конгресс начинает принимать резолюции в защиту его прав?

¹ Добывается из скважин между с. Нагутским Ставропольского края и г. Минеральные Воды. На вкус даже лучше боржома, если не подделка. После войны «8-8-8» на Кавказе вернулись к дореволюционному написанию географических названий, отбросив грузинское «и» в конце слов. Сухум, Батум, Боржом, Гагра, Тифлис и т.п.

Не смешно? И я так думаю: вам тут не смеяться, а плакать надо — такая христианская нация была, американцы-протестанты, я хочу сказать, к еде не приступали, пока дедушка молитву не прочтёт, Библию наизусть почти все знали, а теперь словно не для них про Содом и Гоморру там написано... Хорошо, и это оставим...

Ляхов налил себе и Лютенсу, тут же выпил, не чокаясь, начал закусывать. Лютенс тоже взял бутерброд с холодным языком. Действительно, целый день не ел, но всё равно не преминул заметить, что любой из поданных Гертой бутербродов не в пример вкуснее и полезнее какого-нибудь гам- или чизбургера. А главное — проще, минималистичнее, можно сказать. Хлеб, причём хороший, настоящий — основной ингредиент, сливочное масло, прослойкой под икру или балык, например. Ну, веточка кинзы сверху. Копчёная колбаса, сыр, отварной язык тоже одобряются.

Хозяин дожевал небольшой валованчик, вытер губы салфеткой.

— Ладно, вижу, как вам не терпится. Верно всё же говорится — «кусок в горло не лезет». Так я вот о чём — представьте себе, что нет никакого Лероя Лютенса. Был ещё сегодня днём, потом пошёл в Москву, охваченную массовыми беспорядками, им же и инициированными (доказательства есть, кстати), и пропал. Без вести. Навсегда то есть. С концами. У нас вон сколько миллионов людей в войну без вести пропали... Когда-никогда энтузиасты-поисковики кости с медальоном или медалью с номером откопают. Тогда, значит, хоронят с почестями и имя на памятнике

пишут. А так... — Ляхов тяжело вздохнул и развёл руками. — Зато появился в нашем мире... — Он внимательно посмотрел на удостоверение журналиста. — Гражданин Шеховцов Владимир Иванович, задержанный при попытке вооружённого нападения на военный патруль. Свидетелей достаточно, вещественных тоже. Одного только телефон-фотоаппарат-ноутбука-не знаю-ещё-что со снимками воинских частей на позиции, номеров техники и прочего военно-полевому суду хватит для приговора скорого, но справедливого. Отпечатки пальцев на нём ваши, вот и достаточно. Пистолет опять же. Ваш, ваш, не сомневайтесь. У нас есть методики... Высшая мера, заменённая при конфирмации¹ комендантом Москвы двадцатью годами каторги. И вполне спокойно все двадцать лет кандалами и отзвените. На зонах таких «соловьёв», что утверждают, будто и они не они, и посадили их ни за что, вполне достаточно. Письма с жалобами дальше канцелярии лагеря не пойдут, а адвоката у вас нет и не предвидится. Поскольку суд всё-таки — военно-полевой. «Без участия сторон» и всё такое. Вернее — папка с вашим делом и приговором будет за лагерем числиться, а вам другое занятие найдётся. Мы тут решили, что идея сталинских «шарашек» совсем не плоха. Зачем заставлять высококвалифицированного специалиста рукавицы шить, если у него образования хватает Шекспира туда и обратно без словаря переводить? Это я к примеру говорю, насчёт Шекспира, — пояснил Ляхов, — можно и

¹ Конфирмация — утверждение судебного приговора старшим на данной территории воинским начальником.

более актуальное занятие найти. Ну а второй вариант тоже прост и понятен, я на него уже намекал — провинциальная психиатрическая больница для лиц с чрезмерно девиантным поведением. Никаких надежд на выздоровление и даже никаких свиданий и передач, ввиду отсутствия как близких, так и дальних родственников...

Лютенс передёрнул плечами. Суровая перспектива, но весьма вероятная, судя по безмятежному, но отнюдь не глупому выражению глаз визави.

— Вы выпивайте, Лерой, и закусывайте, пока есть возможность. В любом из названных мной заведений пища достаточно калорийная, с голоду никто не умирает, но о вкусовых качествах лучше не вспоминать. Хотя, если «Один день Ивана Денисовича» вспомнить, так там и каша из магары за деликатес шла. Даже во сне о ней мечтали, а не о столике в «Арагви»¹.

Лютенс выпил, сообразив — правильнее всего действительно сегодня напиться в стельку, а что там завтра случится...

— Неужели вы, после случившегося эксцесса, на самом деле готовы ввести у себя в стране

¹ В советское время — подвальный грузинский ресторан на одноимённой (т.е. Советской) площади, считавшийся у творческой интеллигенции одним из наиболее престижных, кухней и вообще. В среднем, без предварительного заказа столика или взятки швейцару (3–5 руб.), в очереди стоять приходилось не менее двух часов и ещё почти столько же ждать, когда подойдёт официант, чтобы принять заказ. Зато средний «чек» за хороший ужин с вином на двоих составлял 15–20 руб., что считалось крайне недорогого. Конечно, не для тех, кто получал зарплату 90–120 руб. и содержал на неё семью. А вот журналистские и писательские гонорары пропивались без ущерба для семейного бюджета.

такие правовые нормы, которыми меня пугаете? Это ведь самый натуральный сталинизм, уже без всяких деликатных оговорок. Цивилизованный мир не поймёт...

— Ах, ах! — картинно поднял глаза к потолку Ляхов. — Вот только не надо именно здесь «ля-ля» про цивилизованный мир. И бомбёжки Белграда он легко принял, и Гуантанамо, и тюрьму Абу-Грейб, и самые дикие законы, ваши или саудовские. Когда у вас приказывали «независимым журналистам» писать, что чеченские террористы убивают русских потому, что русские ничего другого не заслуживают, ваши «демократические граждане» охотно в это верили и сейчас верят. Согласен, едва ли «общественное мнение» готово принять российскую точку зрения, но нам на это наплевать. С высокой колокольни. Американским сепаратистам у вас высшую меру с реальным приведением в исполнение легко припаяют, если какие-то ребята пойдут с оружием в руках Техас и Калифорнию от «белых ублюдков» освобождать!

Поэтому наш Президент правильно сказал: «Отношение к России в США и в странах-сателлитах Америки никаким образом не зависит от реального поведения России на мировой арене, поэтому нам нет никакого смысла пытаться заслужить от «мировой общественности» похвалу или снисхождение».

Что эти слова на самом деле сказал не Президент, а он сам, легко сымитировав его голос, Вадим уточнять не стал. Смысл и правильность высказывания не зависят от того, кто его произнёс.

— Вы просто попробуйте, Лерой (пока я называю вас так), поставить себя на моё место. И меня — на своё. Если вам потребуется нарушить все божеские и человеческие законы по приказу начальства, ради «высокой идеи», «американской мечты» или собственных шкурных интересов — разве вы хоть на секунду испытаете дурацкие «гуманные» колебания?

— Наша служба, в отличие от вашей, всегда исполняла и исполняет американские законы, — несколько напыщенно заявил Лютенс. От третьей рюмки «на старые дрожжи» его опять понемногу начало развозить. — А если иногда что-то такое и случалось, виновные строго наказывались. Вы вот упомянули про Абу-Грейб...

— Достаточно, Лерой. Я даже не буду говорить, что история вашей организации сразу началась с самого обычного предательства. Это когда ваш Даллес и Донован начали за спиной русского союзника договариваться с гитлеровцами о сепаратном мире и дальнейшей совместной борьбе против коммунизма...

— А я-то при чём?

— Да, в сорок пятом вас ещё не было. Согласен. Даллес на том свете сам отвечает за себя. А что вы скажете на это?

Фёст бросил на стол целую пачку снабжённых всеми необходимыми грифами и реквизитами самых секретных документов, стопроцентно доказательно свидетельствующих о десятке операций ЦРУ, в которых лично Лютенс принимал участие. Причём назывался и своей подлинной фамилией, и действовавшими в каждом отдель-

ном случае оперативными псевдонимами. Любая из этих бумажек тянула на очень и очень солидный срок, если бы кому-то удалось привлечь цэрэушника и его подельников к *нормальной международной ответственности*. Не такой, как пресловутый Гаагский трибунал во главе с потрохами купленной теми же американцами бельгийской прокуроршей.

Американцы «своих сукиных сынов» даже за работу, аналогичную службе антиеврейских эйнзатцкомманд, к ответственности не привлекают. Пусть весь мир был свидетелем, как американские солдаты расстреливают мирных жителей в Ираке, и не только их, но и подвернувшихся под руку иностранных журналистов. Это никого внутри США не взволнует: «Права она или нет — это моя Родина». В Штатах сажают на пожизненное тех, кто подобную информацию передаёт независимой прессе.

Причём документы, хотя и являлись изготовленными с помощью аггрианского Шара копиями, выглядели абсолютными подлинниками, и любая экспертиза это подтвердила бы, включая идентификацию отпечатков пальцев тех, кто их на самом деле держал в руках в Лэнгли или где-то ещё.

— Читайте, читайте, Лерой. У меня и есть, — благодушно сказал Ляхов, глядя на отвалившуюся челюсть и остекленевшие глаза цэрэушника. Как бы его инсульт не хватил. Впрочем, он диспансеризацию регулярно проходит, с давлением и сосудами у него наверняка полный порядок.

— Неслабый скандалчик выйдет в случае публикации? И вы от своих получите «пожизненное» не за то, что совершили реально, а за то, что вольно или невольно подставили своих хозяев. Согласны? Заодно прошу принять во внимание, что ни я, ни моя ассистентка Герта к любым спецслужбам России или иной страны не имеем никакого отношения. Мы — классическая некоммерческая организация, причём не занимающаяся политической деятельностью на американские деньги...

— А как же?..

— А это наше хобби. Вас разве ещё в детстве не раздражали паранормальные, вдобавок — необъяснимые явления? Меня и моих друзей — ужасно. Вот мы и занялись их рационализацией и утилизацией. Ваш случай очень даже в круг наших интересов попадает. Представьте себе — взрослый, культурный, образованный человек зачем-то занимается прямо-таки непристойной подрывной деятельностью против суверенного государства, лично ему ничего плохого не сделавшего, хотя мог бы, например, изучать жизнь членистоногих на Большом Барьерном рифе или лечить обитателей Экваториальной Африки от лейшманиоза...¹

— Вы издеваетесь надо мной? — спросил Лютенс, не зная, что делать с бумагами, то ли бросить на стол, то ли порвать в знак протesta, то ли продолжить чтение.

¹ Лейшманиозы — паразитарные заболевания, вызываемые лейшманиями, передаются москитами. Различают лейшманиозы кожные и внутренние.

— Нет. Это вы со своей «землёй обетованной» — над нами. И уже давно. Последние лет сто — точно, — усмехнулся Ляхов. — Какие у вас могут быть претензии лично ко мне? В этих документах что-нибудь неправильно? Вы готовы оспорить их подлинность? Хотите призвать меня к суду за клевету и подделку? Я к вашим услугам. Кстати, способ, каким эти бумаги попали мне в руки — отдельная тема, тоже весьма интересная. Или вас беспокоит что-то другое? Тогда поделитесь. Я по первому образованию врач, и даже, как говорили, неплохой.

На это Лютенсу ответить было в буквальном смысле нечего. Опять Фёст сыграл по методике, которую он изучал в «иезуитской», если использовать распространённое в прошлом значение этого слова, школе Александра Ивановича Шульгина. Никогда не нужно пытаться загнать противника в тупик, если он в состоянии успешно сделать это сам.

Разведчик уронил руки на колени, листки рассыпались по паркету. Он ощущал глубокую опустошённость и страх. Не рациональный — мистический, потому что на самом деле ему бояться было нечего. Человек его профессии, даже пойманный в очень неприятную ловушку — психологическую, моральную, финансовую, — был приучен с первых служебных шагов сохранять невозмутимость и одновременно выкручиваться, искать выход и способ обратить временное преимущество противника в свою победу. Иначе зачем вообще оставаться в должности? Можно найти сколько угодно не менее заработных видов

деятельности, не требующих постоянного противопоставления человеческого естества некоей абстракции. Тут Ляхов правильно сказал насчёт «членистоногих». В широком смысле.

Другое дело, последние лет пятнадцать Лютенсу уже не приходилось хоть чем-то рисковать всерьёз. Работа под дипломатическим прикрытием грозила в самом худшем случае выговором от вышестоящего руководителя. Да если даже и с предложением добровольной отставки... Риск попасть под колёса автомобиля на московском или вашингтонском перекрёстках был гораздо выше того, что принято связывать с профессией «кинематографического шпиона».

Но сейчас он столкнулся с совершенно иной ситуацией. Образования, жизненного опыта и обычного здравомысления хватало, чтобы понять — происходит то, что на самом деле происходит не может. И последствия для него будут не «оговоренные контрактом», а вполне трагические. Что-то вроде пресловутого тазика с цементом, с которым гангстеры отправляли своих недругов «искупаться в Гудзоне». Для него, самой собой, приготовлены другие варианты. Некоторые из них этот русский уже назвал. Что придумают дома — узнать ещё предстоит.

Если не допустить, конечно, что он каким-то образом и без всякой внешней причины сошёл с ума. И всё происходящее — тягостный бред.

Нет, едва ли. Это слишком оптимистический вариант, а потому и нереальный. Генетической предрасположенности у него к душевным болезням не было. И до белой горячки, учитывая объ-

ёмы употребляемого алкоголя, тоже ещё очень и очень далеко. Кроме того, сумасшедшие в последнюю очередь испытывают сомнение в достоверности своих галлюцинаций.

Пора брать себя в руки, что Лютенс и сделал, дополнительно прикрыв своё смятение и процесс выхода из него ещё одной рюмкой и нервно прикуренной сигаретой.

— Судиться? — Издевательское предложение Ляхова он автоматически принял всерьёз, для американца упоминание о суде — как лампочка для лабораторной собаки Павлова. — Судиться, конечно, глупо, особенно учитывая, что только упоминание об этих документах само по себе повлечёт весьма суровые санкции, я даже не исключаю, что на определённом уровне может быть принято решение о физической ликвидации всех причастных...

— Вот видите. Оказывается, ваше положение даже хуже, чем показали мне звёзды. — Ляхов очевидным образом *куражился*, но глаза у него были серьёзные и даже немного печальные. — Эти прошлые дела плюс ваша теперешняя досадная неудача... Если присовокупить к имеющимся бумагам ваше собственноручное донесение резиденту ГРУ в Вашингтоне, «вашему куратору», о начале разработки такой-то операции, её участниках и вдохновителях, от... — Фёст секунду подумал и назвал дату «сообщения», переданного всего на две недели позже утверждения на Совете национальной безопасности «Предварительных соображений плана...». Лютенс хорошо её пом-

нил. Дату реального утверждения, а не вымышленной докладной.

— Мне отчего-то кажется, после этого ближайшую сотню лет вам в пределах досягаемости американской юрисдикции лучше не показываться. Нет?

Лютенс почти машинально кивнул головой, отвечая не столько собеседнику, сколько собственным мыслям, и Ляхов рассмеялся довольно.

— Видите, как я вас легко и изящно перевербовал? Вам даже ради приличия не получилось мне что-нибудь возразить...

— А что можно возразить, когда имеешь дело со стихийными бедствиями или мистическими явлениями? Наверное, против саранчи, что Бог напустил на Египет по просьбе евреев, никакие дезинсекционные службы не помогли бы. Даже современные.

— Что вы, Лерой, ну какая же здесь мистика? Это просто как фокус в цирке. Пока вам не раскроют секрет распилювания пополам красивой девушки, большинство зрителей так и будут пребывать в тягостном недоумении. Но я свои секреты пока раскрывать не собираюсь. Нам ещё работать и работать, и не только с вами...

Ляхов нагнулся, аккуратно собрал с пола бумаги, подровнял стопочку, даже постучал её ребром по краю стола. Положил. Тоже закурил, с интересом глядя на своего визави.

— Наша беседа, конечно, пишется? — спросил Лютенс, просто чтобы не молчать, а ничего более осмысленного сразу не пришло в голову.

— А это уж думайте в меру своей испорченности, — снова улыбнулся Ляхов. — Лично мне такая запись вроде и ни к чему. Начальства надо мной нет, отчитываться не перед кем. Разве — для семейного архива. А вас шантажировать — не вижу смысла. Отношения между серьёзными людьми должны строиться на более солидной основе, чем страх. Не важно чего — смерти, разоблачения, продажи в туземный бордель... Не удивляйтесь, человеческая извращённость не знает границ. Я знаю места, где и на такого видного мужчину, как вы, найдутся и любители, и любительницы. Не совсем в тех целях, что вы вообразили, гораздо худших. Но страх — контрпродуктивен. Лучше выбирать из положительных стимулов. Вам лично что больше нравится — чисто коммерческий подход, по Марксу — «товар-деньги-товар», или с примесью высоких идеалов? Ну, помните — Ким Филби, дело Розенбергов и тому подобное. Роман Меркадёр, кстати, Троцкого ведь не за деньги ледорубом приласкал... Честно отсидел двадцать лет от звонка до звонка, никого не выдал, и только в шестидесятом году в Москве Героя Советского Союза получил, пенсию в ваши тогдашние триста долларов и двухкомнатную квартируку, без всяких излишеств... Идеалист!

Времени, потраченного Ляховым на якобы пустую болтовню, хватило Лютенсу, чтобы начать соображать конструктивно. А что ему ещё оставалось? Не в окно же кидаться вниз головой? Этаж хоть и третий, но потолки в этом доме пятиметровые, да цоколь высокий, хватит, чтобы разбиться,

с гарантией. Да не факт, что массы тела хватит, чтобы стекла вышибить, очень может быть, они здесь армированные и пуленепробиваемые.

Кстати, что за дом такой интересный — время вроде как рабочее, а нигде ни одного человека, и тишина — совершенно как в склепе, а по самым скромным прикидкам в подобном строении человек пятьсот постоянных сотрудников помещаться должно. Это же не аббатство Мельк¹, к примеру, где в средневековых корпусах, едва ли сильно уступающих размерами Московскому Кремлю, спасают души всего тридцать два монаха. И снаружи совершенно никакой шум не доносится, будто вокруг не революционный мегаполис, а тайга в безветренный день.

Он так и спросил у Ляхова, отчего не слышно людей, не в связи ли с происходящими в городе событиями? И что здесь вообще размещается? Скрывать это бессмысленно, глаза ему не завязывали, если жив останется — и сам узнает, но интересно именно сейчас.

— Какие секреты? Здесь и находится моя организация, эта самая «Комиссия парапротивная». Особняк мой собственный, приобретён абсолютно законным образом, вопрос на уровне самого МЭРА согласовывался. — Ляхов изобразил на лице смесь почтения к названной персоне и собственной значительности. — И народу у меня работает достаточно. Достаточно для моих

¹ Мельк — католическое аббатство в одноимённом городе в Австрии, на берегу Дуная. Упоминается в романе У. Эко «Имя розы». Данные о числе обитающих в нём полноценных монахов — на 2010 г.

целей. А то, что вы никого не видите и не слышите — это тоже один из моментов «необъяснённости и, может быть, даже необъяснимости».

Очевидно, что он снова развлекался столь неподходящим к слухаю способом.

— Понимаете, каким-то странным образом в пределах подтверждённых кадастровым планом границ данного имения время течёт... ну, не совсем линейно, скажем так для простоты. Когда я не хочу, чтобы мне мешали или отвлекали, — я устраиваю себе персональную «временную нишу», этакий «двадцать пятый час суток». Для контактов с сотрудниками и посетителями я доступен в оговоренные правилами внутреннего распорядка приёмные часы. В остальное время... Вам приходилось видеть на дверях табличку: «Приходите завтра»? Бронзовую табличку, прикрученную двухдюймовыми винтами. Так что, уважаемый коллега, я да вы, да ещё Герта — сейчас единственные обитатели этого «дома с привидениями». И вокруг нас — почти абсолютное *ничто*. А то, что вы увидите, подойдя к окну, — это как бы материализованные воспоминания кого-то из нас о том, что наверняка будет присутствовать здесь и завтра и послезавтра. Дома вот, если их не взорвут, вон та старая «Волга» со спущенными шинами. Ну и вечерний свет. Романтично, правда?

Лерой чувствовал, что недавние предчувствия его не обманули, и граница между вменяемостью и безумием становится уж больно зыбкой. Как многократно стиранная кисея.

— Я одного только не понимаю, — сказал он, будто всё остальное уже понял, — зачем вам я вообще нужен, при таких-то возможностях? Всё, что вы проделали со мной, вы, наверное, можете проделать с кем угодно. С послом, с госсекретарём США, с самим президентом. Или я ошибаюсь? В любом случае — зачем вам Лерой Лютенс?

— Опасные вопросы задаёте. Вдруг да и я над тем же самым задумаюсь — а действительно, зачем? А если незачем... Ну, сами понимаете. На ваше счастье, раньше задумался, раньше и решение принял. И от вас его скрывать не буду — вы мне нужны даже не как агент влияния, а просто как канал связи. Мы ведь должны делать вид, что мир по-прежнему незыблемо-рационален. И, соответственно, соблюдать принятые в нём правила. Человек вы авторитетный, проверенный. Если я попрошу вас что-то кому-то передать в устной форме или в виде записочки — вам скорее всего поверят. Вот и будете продолжать делать свою обычную работу, докладывать домой то, что от вас служба требует, именно служба, если вы к ней всерьёз относитесь, а не конъюнктура. Плюс всё, что я сочту нужным впредь доводить до вашего руководства. Оттуда сюда мне информация не нужна, и так знаю всё, что требуется. А вот в ту сторону — как я собственные мысли и желания транслировать смогу?

Мне что же, как Бене Крику записочки клиенту писать: «Мосье Эйхбаум, положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софиевскую, 17, двадцать тысяч рублей»? Ну, и так далее — чи-

тайте «Одесские рассказы». Не получится: президент Соединённых Штатов и даже простой директор ЦРУ, или там АНБ, я знаю, никогда мне не ответит, как принято было в той же самой Одессе между порядочными людьми. «Так, мол, и так, Вадик, если б ты был идиот, я бы написал тебе, как идиоту! Но я тебя за такого не знаю, и упаси Боже тебя за такого знать...» Не ответят и совершают ту же ошибку, что многие до них совершали...

Лерой Лютенс много чего читал на русском языке, но вот как раз Бабель пролетел мимо него. Было слишком много книг поактуальнее, а понастоящему насладиться этим автором можно было только в конце 60-х годов прошлого века, когда он только-только стал доступен. Ну, или на второй волне, в конце восьмидесятых, когда Исаака Эммануиловича уже не столько читали, как дискутировали на страницах либеральных изданий о его печальной судьбе и дотошно выясняли, был он любовником жены Ежова, или интересовался ею исключительно как бытописатель. А сейчас нужно какое-то особое стечние обстоятельств, чтобы человек старше тридцати ни с того ни с сего решил вдруг обратиться к этому тонкому, но давно утратившему актуальность стилисту.

Поэтому Лютенс не понял всего смысла слов Ляхова и заложенных в его тираде сюжетных ходов, хотя общую идею уловил.

— То есть получается, что в случае чего мне и обвинения в предательстве предъявить не смогут?

— Совершенно в точку. Вы делаете свою работу, встречаетесь с людьми, собираете информа-

цию, как пчёлка нектар. И вдруг попадается среди навоза жемчужное зерно. Куда ж с ним? По принадлежности. Единственное, на чём вы сможете подзалететь, так только на нарушении субординации. Некоторые начальники не любят, когда подчинённые действуют через их голову. Но с этим вы уж как-нибудь разберётесь.

Было у нас на излёте сталинской эпохи такое «дело врачей», так оно началось именно с того, что рядовая врач-кардиолог Кремлёвской больницы, Лидия Тимашук¹, обратила внимание непосредственных начальников, известнейших профессоров и академиков, что они недооценивают роль такого достижения передовой науки, как кардиограммы, и ставят диагнозы по старинке, часто — неверно. Её, естественно, послали подальше. Она написала уже выше, прямо министру госбезопасности. Там тоже не обратили внимания. Но письмо не уничтожили, поддали, как положено. И тут вдруг умирает сам Жданов, Андрей, если не ошибаюсь, Александрович, ближайший друг и соратник Сталина. Умирает именно от инфаркта и именно потому, что лечащие врачи и руководство больницы не поверили кардиограмме, а поверили своей «интуиции и опыту». Stalin был очень расстроен. Вот тут кто-то ему и подсунул то самое письмешко Тимашук с резолюцией Абакумова — «В архив». Вождь рассвирепел, да ёшё на старости лет паранойя у него начала в острую форму переходить, ну, головы и полетели. Сам товарищ Абакумов по обвинению в заговоре

¹ История Л. Тимашук и «дела врачей» — подлинные (на данный момент).

в тюрьму сел, откуда живым больше не вышел, хотя уже и при следующей власти. Ну а за врачей взялись, разумеется. Хоть главным у них был профессор Виноградов, русский, обратите внимание, и вообще половина врачей была русскими, однако уже шестьдесят лет эту историю раскручивают исключительно в антисемитском плане. Правда, в отличие от Германии, Россия на провокации не поддаётся и reparations никому платить не собирается...

Ляхов излагал Лютенсу эту историю, вальяжно раскинувшись в кресле и с явным удовольствием, рисуясь своей эрудицией. Как молодой доцент на семинаре со студенточками и аспирантками. Хотя повод, по которому они здесь находились, очевидно, не располагал к такого рода *академичности*.

Так разведчик и спросил — при чём здесь эта, достаточно уже давняя история, и не тянет ли собеседник время в каких-то собственных целях, поскольку вопрос, если уж он поставлен, должен решаться конкретно и конструктивно.

— Вот сразу и видно, что никогда ничего толкового из американской разведки так и не получится, — с сожалением в голосе ответил Ляхов. — Прагматизм, причём весьма низкого, я бы сказал, пошиба, не позволяет вам, как у нас выражаются, *воспарять мыслью* и в результате находить решения яркие и нестандартные. Вот как я с вами сегодня. Выпьем ещё по чуток?

Лютенс молча кивнул, слова партнёра его одновременно задели и заинтересовали. Вдобавок он понимал, что лишь любезно предлагаемая хо-

зяином высококлассная выпивка позволяет ему сохранять некое подобие выдержки.

Первый срыв у него уже произошёл, сразу, как только стало известно, что план, которому он посвятил больше года напряжённой работы, провалился. Причём провалился без каких-либо объективных обоснований и оправданий вроде внезапно для Наполеона и Гитлера наступившей зимы или «странныго» нежелания Александра Первого подписывать (а с какой, собственно, радости?) мир на условиях Бонапарта, сидящего в Кремле, но не имеющего ни малейшей возможности столь же отчаянным рейдом взять ещё и Петербург. Кстати, за двести лет историки так и не разобрались, а отчего французы сразу не пошли на настоящую, а не «духовную» столицу вражеского государства.

Лютенсу и всем заинтересованным лицам ссыльаться было не на что, поскольку отсутствовали хоть какие-то видимые факты и факторы, принесшие русскому Президенту победу, а им — поражение. Просто сорвалось дело, «и только», как выражался Нестор Махно в кинофильме «Пархоменко»¹. Так срывается неизвестно почему со спиннинга рыба, уже схватившая блесну.

И всё, что разведчик делал последние чрезмерно затянувшиеся дни, было явно патологиче-

¹ «Александр Пархоменко» — х/ф, снят в 1942 г., новая режиссёрская редакция — 1962 г. Продолжал начатую Сталиным линию кинопропаганды второстепенных героев Гражданской войны (Чапаев, Пархоменко, Щорс, Лазо, О. Дундич и др.), для подмены памяти о «первостепенных» ре-прессырованных.

ским поведением, в какой-то мере копировавшимся почти инстинктивно принимаемым алкоголем. Так больная кошка, не зная фармакологии, находит нужную ей лечебную травку. То виски, то водка позволяли Лютенсю балансировать на достаточно тонкой грани, отделявшей просто тяжёлый стресс от чего-то вроде реактивного психоза со всеми вытекающими последствиями.

Это может показаться странным — всё же таки в разведке должны работать люди с гораздо более устойчивой психикой, позволяющей выносить вещи похуже — например, арест, пытки, суд, длительное тюремное заключение, иногда и в камере смертников, — примеров этому масса. Но натуры, как известно, у всех разные, некоторые люди разоряются не по одному разу, бывает, опускаются на самое дно жизни и всё же продолжают жить и находить в этой жизни какие-то радости. А другие кончают с собой из-за совершеннейшего пустяка вроде обвала курса акций на бирже или жены, пойманной с любовником в кульминационный момент в собственной супружеской постели...

Самое главное, он почти правильно понимал происходящее с ним и ухитрялся сохранять даже достаточно спокойные интонации, отчётливо при этом зная, что на самом деле самое бы лучшее — немедленно отправиться в отдалённый санаторий в заросших сосновым лесом горах, под присмотр минимум двух психоаналитиков и надёжной вооружённой охраны. И чтобы на сотню миль вокруг нельзя было достать ни капли спиртного.

— Да к тому я это рассказал, что это готовый для вас сценарий поведения на ближайшие несколько месяцев. Завтра или послезавтра вы сядете в самолёт и отправитесь в Вашингтон. Для посла — по вызову начальства, для начальства — для конфиденциальной встречи с ним же, заранее не согласованной по причине полного недоверия ко всему вашему окружению, включая посла и всю здешнюю агентуру всех разведок мира. Чем круче паранойя — тем достовернее. Они там в Лэнгли и вокруг давно все параноики, так что вы никого не удивите.

Заодно напишете письма — на имя президента, кого-то вам лично в конгрессе или сенате известного, можно и во всякоразные газеты, как запасной вариант, с изложением вашей истинно патриотической позиции во всей этой московской, крайне сомнительной истории. Но это, разумеется, лишь на тот случай, если что-то вдруг не так пойдёт, по законам Мэрфи и Паркинсона. Прикрыть от бессмысленного гнева недалёкого (в умственном смысле) начальства я и сам вас сумею, жалованье вам положу неслабое, а идейную сторону «смены флага» вы уж как-нибудь сами себе обоснуйте....

А знаете, Лерой, что-то плоховато вы выглядите, — вдруг с неприкрытой тревогой в голосе сказал Ляхов. — Внезапного головокружения, затрудинной боли, одышки, страха смерти не ощущаете? — Он резко поднялся со своего места, начал щупать пульс разведчика, заглядывать ему в зрачки. Лютенсу на самом деле захотелось погрузиться в мягкую пучину беспамятства.

— Я бы немедленно занялся вашим здоровьем, — словно через вату услышал Лерой. — Вы сможете перед своими замотивировать, если сегодня придётся ночевать не дома? А то я и здесь помогу...

— Не надо. Я за своё поведение не отчитываюсь, вообще могу неделю в посольстве не появляться...

— Неделя ни к чему, а вот до завтра вам стоило побывать под наблюдением. Знаете, есть такой диагноз — «Недоперепитие». Это когда выпил больше, чем мог, но меньше, чем хотел. С вами то же самое, на фоне сердечной недостаточности. Герта, бегом ко мне...

Это всё, что услышал Лютенс, перед тем как полноценно отключиться. Даже не успел подумать, не отравил ли его «вербовщик».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пришёл в себя Лютенс, как ему показалось, очень быстро. Вроде как короткий обморок с ним приключился, когда хотя и теряешь сознание, но представление о течении времени сохраняешь. Однако сразу же понял, что это не так. Он лежал раздетый на застеленном свежим бельём диване, под тонким одеялом, а небо в высоком окне напротив ощутимо розовело, обозначая, что ночь (хорошо, если первая) почти прошла.

Разведчик прислушался к себе, как водится, подвигал ногами и руками. Всё было в полном порядке, тело слушалось, самочувствие великолеп-

ное, даже никаких следов похмелья. А должны бы быть, тут он сомнений не испытывал. Хорошо помнил, чего и сколько (вчера?) выпил. Помнил даже то, что в какой-то момент его встревожило — спиртное пролетало стопка за стопкой, а изменения степени опьянения он не ощущал, только голова наливалась тяжестью и окружающий мир всё больше и больше становился каким-то картонным, как плохие декорации в прогорящем театрике.

Но сейчас ничего этого не было: яркость восприятия напоминала ту, что бывает, если снять, наконец, маску противогаза с запотевшими стёклами. И дышалось так же легко, совсем как в ранней молодости. Даже от нормальной утренней пробежки с выкладкой, на десять километров, как в военном училище, он бы не стал отказываться. Хорошая разминка всегда полезна.

— Стоп, — сказал он сам себе, — это значит, что я сейчас под каким-то наркотиком, вроде фенамина. В моём возрасте и с моим образом жизни не может быть такой бодрости и силы. Естественных, конечно. Значит, меня вчера вырубили водкой с какой-то дрянью, выпотрошили до донышка под парагексапентилом, к примеру, после чего организовали гемодиализ, промывание кишечника, и всё заполировали питательной смесью со стимулятором пролонгированного действия. Только перестарались. Я себя чувствую слишком хорошо. А я же не дурак...

Лютенс встал, осторожно ступая босиком по паркетному полу (домашних туфель и пижамы возле постели не оказалось), подошёл к окну.

Нормальному, без решёток, и даже датчиков систем безопасности на стёклах и рамках незаметно.

Внизу он увидел обычный асфальтированный двор с несколькими клумбами, вымощенными мозаичной плиткой дорожками между ними и заплетённой чём-то зелёно-вьющимся беседкой, без всяких изысков, с солдатской прямотой оснащённой большой урной для окурков посередине шестиугольника деревянных скамеек. Явно не элемент атриума венецианской виллы.

Почему-то Лерой подумал именно о венецианской, а не о другой, географически и исторически более близкой к центру Москвы.

Если он всё ещё в Москве, а не где-нибудь «далеко от неё»...¹

Да нет, похоже, двор это тот же самый, что и вчера, Лютенс тогда только мельком взглянул, но как раз беседку запомнил.

Во дворе было, как и вчера, совершенно пусто, за многочисленными окнами не просматривалось признаков жизнедеятельности. За дверью комнаты тоже тишина, прямо даже какая-то вызывающая...

Правду, значит, сказал Ляхов — здесь вечно не наступающий завтрашний день?

Страшно всё-таки внезапно осознать, что очутился в совершенно другом, по-новому устроенным мире, не в физическом даже, в эмоциональ-

¹ Аллюзия на роман В. Ажаева «Далеко от Москвы», посвящённый трудовым подвигам заключённых и ссыльнопоселенцев послевоенных, но ещё сталинских времён. В начале 50-х годов был чрезвычайно популярен. Почти как сейчас Пелевин.

но-экзистенциальном смысле. Особенно ему, pragmatичному американцу немецкого происхождения, привыкшему с детства, что он гражданин страны, для которой никакие законы не писаны, ни божеские, ни человеческие. А теперь, выходит, что не только русские против него, снова необъяснимым образом оказавшиеся «впереди планеты всей», но и само мироздание? Тут впору немедленно впасть в окончательную депрессию и осознать себя не всемогущим американцем, а жалким галутным¹ евреем, только и находящим утешение в своей, не признаваемой больше никем «богоизбранности».

Лютенс повернулся, ища глазами платяной шкаф или вешалку, где могла бы находиться его прежняя или какая угодно «вообще одежда».

В этот момент бесшумно открылась дверь и вошёл Ляхов, как и вчера подтянутый, бравый, уже в другом, светло-сером костюме, но точно так же сидящем на нём, словно парадная, сшитая на заказ военная форма.

— Утро доброе, Лерой, — радушно произнёс он, протягивая руку. Лютенс поёжился, неуверенно протягивая свою. Очень неприятно находиться почти голым в неподходящей обстановке, рядом с человеком, безукоризненно одетым. Совсем не

¹ Галут — особым, религиозным способом трактуемое существование еврейства за пределами «исторической родины» в период между разрушением храма Соломона и созданием государства Израиль. Не равнозначно термину «диаспора» или просто «рассеяние», т.к. «галут» несёт в себе особую функцию в процессе борьбы по-еврейски понимаемого Добра с таким же «мировым Злом».

то же самое, как разговаривать даже и с одетыми людьми на пляже, например.

Ляхов сразу понял причину его скованности и напряжённости.

— Извините, что я так, внезапно, без стука и доклада. Но вы же сейчас вроде бы пациент для меня как для врача или — военнопленный для офицера. Временно выведен за пределы этикета и политеса. Ваша одежда вон там, — он указал на малозаметную, в цвет обоев дверцу в правом углу комнаты.

— Надевайте, если хотите, а то я распоряжусь, принесут что-нибудь другое...

— В поперечную полоску? — попытался сорвать Лютенс.

— Если у вас такие вкусы. Лично я предпочитаю узкую продольную, но в принципе гладкая ткань симпатичнее, если нет нужды в камуфляже...

Говоря всё это, Вадим сел в низкое кресло у журнального столика напротив окна. Американец только сейчас рассмотрел, что комната обставлена не как больничная палата, а наподобие гостиничного «полулюкса». До этого был поглощён собственными ощущениями и видом из окна.

Ляхов закурил и старался смотреть в сторону, пока Лютенс облачался в весьма непрезентабельный, на фоне его собственного, костюм.

— Порядок? Чего-нибудь хотите перехватить или в городе позавтракаем?

— Вы меня и в город вывести собираетесь? — удивился разведчик.

— Если вы сами *соберётесь*...

— В каком смысле?

— В самом прямом. Мы совсем немного побеседуем, и всё станет на свои места. Тогда и в приличный кабачок можно закатиться.

— Или...

— Вы же не мальчик, Лерой, — укоризненно сказал Ляхов, подвигая американцу раскрытый портсигар, такой же раритетно-шикарный, как и у его сотрудницы, Рыси-Герты.

— Натощак?

— Ничего, одна не повредит на фоне всего прочего. Закутивайте, заодно и мозги прочистите. Наверное, чтобы не заниматься «китайским бильярдом» (это выражение было Лютенсу незнакомо¹), я сам вам сразу всё скажу, а вы тогда уже и будете соображать, «куды бечь».

— Буду вам обязан, а то и вправду, недоумений столько, что мысли разбегаются. Кстати, какое сегодня число?

— Завтрашнее, — усмехнувшись, ответил Ляхов. — Вы проспали, если можно так выразиться, примерно десять часов. Так что здесь всё нормально, никаких хроноклазмов...

— «Если можно так выразиться...» — Лютенс медленно повторил. — Насколько я знаю русский со всеми его нюансами, вы хотите мне намекнуть, что я вовсе не спал, а...

— Из вас выйдет хороший лингвист, если до пенсии доживёте, — похвалил Ляхов. — Всё верно. Спали вы весьма условно, за исключением

¹ Жаргонное выражение 50-х годов прошлого века, означающее не совсем приличное занятие, довольно близкое по смыслу к тому, что применяется к мающемуся бездельем коту.

трёх последних часов. До того находились в глубокой и в обычных обстоятельствах несовместимой с жизнью коме.

Он произнёс это спокойно, но у Лютенса внезапно задрожали пальцы, и он не с первого раза зажёг спичку, чтобы прикурить. Вместо зажигалки на столе зачем-то стояла старомодная спичечница со вставленным сине-красным коробком с надписью «Гигант». Таких спичек Лютенс в Москве в продаже не видел — раза в два толще обычных, с крупными головками зелёного, а не коричневого фосфора.

Удобно для курильщика-гурмана — горят долго, и запаха газа или бензина нет совершенно. Сигару или трубку особенно хорошо раскуривать.

— Не совсем понял, — сказал он, выдохнув первую порцию дыма. Голова сразу плавно закружилась.

— Да понимать особенно нечего. Траванули вас очень хитрым ядом, типа бинарного ОВ. Сам по себе он действует сравнительно долго, незаметно, приводит обычно к деменции или к инсульту. Но в сочетании с алкоголем превращается в нечто иное. Интоксикация становится ураганной. Судя по всему, травить вас начали дней пять назад, вчера вы резко усугубили и на выходе получили инсульт, очень качественный, — при этих словах Ляхов опять усмехнулся.

— Протянули бы вы, при вмешательстве самых квалифицированных врачей (а их ещё найти надо, а кому это нужно?), от силы пару дней, без всяких шансов на выздоровление. Случись это в посольстве — ваш врач констатировал бы

хрестоматийный диагноз и зафиксировал законо-мерный исход. Но — исход евреев не всегда ле-тальный, — неизвестно в каком смысле произнёс Вадим.

После с достаточно впечатляющими красочными подробностями рассказал, как именно пло-хо было этой ночью американцу и какие усилия пришлось предпринять Ляхову и его ассистент-ке, чтобы вытащить «исторического врага» с того света.

— Ну, это ведь не столько из врожденного гуманизма? — на середине рассказа перебил Вадима Лютенс. — Я для вас представляю, похоже по всему, значительную реальную ценность?

— Да это как раз как сказать, — потянулся за новой сигаретой Ляхов. — Скорее, инстинкты сработали: умирает на твоих глазах человек — надо спасать. Остальное — вторично. Понятно, что вам это странно, но тем не менее...

После этого Вадим сообщил, что никакая «тра-диционная медицина» американца бы не спасла. Во-первых, никто не догадался бы одновременно проводить реанимационные мероприятия и глубокий биохимический анализ, а значит, причина поражения организма осталась бы невыясненной и продолжающей действовать. Во-вторых — ан-тидотов против использованного яда нынешняя фармакопея не упоминает.

— То есть тянули бы вас на искусственном дыхании и поддерживающих средствах часиков так десять, после чего удручённо развели руками и пошли эпикриз писать. Вот как раз сейчас, на-верное, — посмотрел Ляхов на часы.

Лютенс почувствовал неприятный спазм в желудке. Да уж! Вместо того чтобы сидеть напротив окна, за которым разгорается утро нового дня, ехал бы он на морговской каталке, с головой, накрытой простынёй. По русскому обычаю — ногами вперёд.

Но, как сказано, самочувствие у него было просто великолепное, оттого мысль об ином варианте всерьёз его не зацепила. Ну, бывает же — покрышка на дороге лопнула. Однако кое-как машину удержал, в метре от обрыва, скажем. Вытер пот со лба, или как там ещё организм среагирует, закурил, представил, что могло бы случиться. Пережил, докурил да и дальше поехал. И профессиональные качества включились опять же. Это может показаться странным, но Ляхову он сразу поверил. Отчего, почему? Видимо, действительно есть вещи, которые нутром чуешь. Как, например, свою мимо пролетевшую смерть.

— Так каким же образом вы...

— Так мы же на самом деле специалисты. Если мы «покоряем пространство и время», сложно ли, увидев внезапно потерявшего сознание человека, просканировать его ауру, произвести бесконтактный анализ крови, слюны, мочи и прочих менее материальных субстанций и приступить к некоему аналогичному экзорцизму действу. А потом, если можно так выразиться (опять он повторил это не совсем обычное словосочетание), повторная рекомбинация. Сильно за полночь провозились, но и результат... Вы себя как чувствуете? — вдруг заботливо осведомился Ляхов, но даже попытки не изобразил потрогать пульс пациента, как принято

ритуально, тем более давление померить. Совсем как в известном анекдоте¹.

— Превосходно, — честно ответил Лютенс.

— Вот видите. Желание будет — сходите к своему лечащему врачу, пусть диспансеризацию проведёт и сравнит показания с прошлыми параметрами. Теперь к делу.

— Подождите вы со своим... делом. Тут, можно сказать, потрясение основ и веры в действительность разумного...

— Скорее — разумность действительного...

— Не важно. Не перебивайте, я и так волнуюсь. — Прозвучало это как-то слишком по-театральному. Но, похоже, как раз поэтому от души.

— Получается, что на текущий момент мы имеем парапсихолога, гения диагностики и медицины а также властителя над временем в вашем лице? Совершенно иначе устроенный мир, параллельные вселенные и дубликат России в имперском варианте, тоже служащей вам?

— Ну, это вы уж чересчур хватили. Давайте снизим планку. Я и мои ассистенты владеем некоторыми паранормальными способностями, мы умеем использовать свойства пространства и времени немного лучше, чем остальное человечество. И нам удалось найти путь на параллельную Землю, где обнаружилась вполне себе цивилизован-

¹ Христос ведёт прием пациентов. Доходит очередь до парализованного Абрамовича, его заносят на носилках. Обратно выходит на своих ногах, абсолютно здоровый. Очередные спрашивают: «Ну, как ОН?». «Да как все врачи. Даже давление не померил».

ная и дружественная к нам Россия. Да, другая, имперская, но стопроцентно аутентичная...

— А США, США там тоже есть? — не мог не спросить Лютенс.

— Куда б им деваться? Вполне себе нормальная страна, настолько же не похожая на вашу, как та Россия на эту. Только, в отличие от здешней, та Америка предпочитает дружить с Россией, не имея сил конфронттировать. И очень не любит Англию. Забавно? Мне тоже. Но ведь по большому счёту вполне естественно. Естественнее, думаю, чем странное партнёрство бывшей колонии с бывшей же метрополией...

— Интересно бы посмотреть своими глазами. Это ж, как вы понимаете, покруче открытия Америки Колумбом события...

— Понимаю. Сам был в достаточной мере шокирован, но пережил, как видите...

Ляхов нажал где-то незаметную кнопочку, или просто по времени было согласовано, и в комнату вошла Герта-Рысь, одетая в довольно-таки короткий медицинский халат с белой водолазкой под ним и, очевидно, ещё более короткой юбкой. Она и в джинсах с кожанкой была хороша, а сейчас у американца даже перехватило дыхание. Вообще-то он считал, что в свои сорок лет не следует придавать женским прелестям такое уж большое значение, и темперамент у него был так себе, но сейчас он почувствовал, что явно помолодел лет на двадцать. Сообразно, нужно отметить, общему самочувствию.

— Так вы ещё и доктор, Рысь, — спросил он с некоторой иронией, весьма, впрочем, заметной.

— Нет, я ассистент мэтра. По всем вопросам. А халат — это так положено. Чтобы пациент не стеснялся, когда в палату к нему заходит малознакомая женщина, и чтоб посторонние мысли не возникали.

— Тут вы не совсем правы, — пошутил Лютенс, — белый халатик, как у вас, иногда, наоборот, вызывает...

— До того момента, когда начинаются назначенные врачом процедуры. Клистир, например. Читали у Гашека? Судя по описаниям, после него не до мыслей, — совершенно спокойно, с нейтральным лицом ответила Герта.

— Ты нам кофейку сообрази, — прервал тему Фёст. — Мне с коньячком, а пациенту в эту сторону ближайшие дни думать не показано... Так на чём мы остановились? — снова обратился он к разведчику.

— На новом мире и возможности посмотреть.

— Беспроблемно. Но, как понимаете, при соблюдении некоторых условий...

— Подписка о сотрудничестве? — скривился Лютенс.

— Вы до какого момента вчерашний вечер помните? — вопросом на вопрос ответил Ляхов.

— Бумаги помню, что вы мне показывали, и вроде о смысле моей вербовки разговор пошёл. Но там уже всё плывёт, подробности не отложились.

— Хорошо, про бумаги запомнили, второй раз за ними в сейф бежать не придётся. Так вот, имея возможность копировать такие документы, мне вашу расписку изобразить — делать нечего.

— Тогда что? Монолог перед телекамерой?

— Ну как вы всё приземлённо мыслите, Лерой. Вокруг вас картина мироздания рушится, «Последний день Помпеи» кисти художника Брюллова, а вы о такой ерунде. Нужны мне ваши расписки и интервью. Я хочу того, что Костя Остен-Бакен хотел от польской красавицы Инги Зайонц. Просто с сегодняшнего дня, с сего самого момента, вы становитесь сотрудником моего института. Я и документик вам выправлю, и оклад жалованья положу. Не хуже цэрэушного. Плюс квартирные, столовые, полевые, прогонные и пошивочные¹. Взамен полная и нелицемерная лояльность. Корпоративный дух и так далее. Нынешней службе это мешать не будет. Согласны?

— А у меня есть выбор?

— Вот только не надо этой жалобной обречённости. Выбор всегда есть. Хотя бы как у Савинкова. — Фёст указал на окно². — Но спешить некуда, ваш «долг», ваша организация, как и сама страна, на мой взгляд, не заслуживают того, чтобы из-за них с собой кончать. Впереди ведь столько интересного...

¹ Ляхов перечисляет различные виды добавок к базовому окладу госслужащих в Российской империи. Так, «полевые» — нечто вроде наших «командировочных», «прогонные» — аналог оплаты проезда до места и обратно «по казённой надобности», «посшивочные» — деньги для оплаты «постройки» форменного обмундирования. И т.д. Зачастую эти доплаты значительно превышали собственно жалованье.

² Савинков Б. В. — один из руководителей боевого крыла партии эсеров, террорист, писатель (пс. — В. Ропшин). В 1925 г., будучи арестован ОГПУ, покончил с собой, выбросившись во время допроса из окна «дома на Лубянке».

Вадим выпил свой коньяк, глотнул кофе, снова закурил, давая возможность «пациенту» обдумать его слова.

— И вы поверите мне, просто так, без условий и доказательств? — через минуту примерно ответил Лютенс, проглотив достаточно оскорбительный пассаж Ляхова. Впрочем... Что ему действительно эта Америка? Есть на свете места и поинтереснее.

— Если скажу — «да», уже вы мне не поверите. Исходя из менталитета. И, между прочим, напрасно. Я в людях разбираюсь. Не только без медицинской спецаппаратуры, но и без «полиграфа Киллера». Согласитесь сотрудничать и вздумаете двойную игру вести, тоже узнаю, даже если мы будем друг от друга очень далеко. А вам нужны неприятности? Серьёзные, я имею в виду. Лучше прямо сейчас откажитесь, и расстанемся, как уважающие друг друга люди.

— Нет, Вадим... Петрович, кажется? Отказываться я не буду. И готов вам принести, как её... вассальную клятву верности.

— Принимается, — коротко кивнул Фёст, но никаким другим движением не обозначил это самое «принятие».

— А как быть с тем... с теми, кто пытался меня отравить? Они ведь сильно... удивятся, что я вдруг жив.

— Я же говорил, препарат в принципе сильно пролонгированного действия. Они же не знают, сколько и чего вы именно вчера выпили, и едва ли достоверно представляют степень резистентности вашего организма именно к нему. А когда

пройдёт контрольное время, я думаю, отправителям будет глубоко не до вас. Их, может, самих к тому времени... Бог накажет.

На этом имеющий судьбоносное значение диалог закончился, продолжился уже просто разговор двух понявших друг друга мужчин, которым больше незачем переливать из пустого в порожнее и размазывать белую кашу по чистому столу. Ни один из них, в конце концов, не был в молодости раввином¹.

Лютенс спросил Вадима, как можно объяснить странное сходство Герты-Рыси с военными девушками на блокпосту.

— И не сёстры, и типажи довольно разные, а вроде из одной семьи.

— При этом вы смотрели на *тех* девушек минут пять от силы...

— Зато нафотографировал я их вволю...

— Вот и чудесно. Сможете загнать в «Нью-Йоркер», допустим, баксов по тысяче...

— Куда как дороже, — теперь уже без напряжения улыбнулся американец.

— Значит, опять девушку обманули, Герту, я имею в виду...

— А как же? Если человек предлагает цент за вещь, что стоит доллар, кто же станет спорить?

— И я о том же...

Лютенс начал расспрашивать Вадима, как реально можно осуществить переход отсюда в другую Америку. Мол, интересно же до невоз-

¹ См.: И. Бабель. «Одесские рассказы».

можности, во что превратилась его страна в тех обстоятельствах, в которых Россия стала новой Империей.

— Реально не слишком сложно, но долго. Сначала отсюда поездом или самолётом до того места, где есть *терминал*, потом уже оттуда обратно в Москву или любой город, имеющий воздушное сообщение с вашими САСШ.

— Там САСШ, не США? Как раньше было?
Ляхов пожал плечами.

— Как хотят, так и называют. Но особо ярких впечатлений я вам там не обещаю. Разве что — Родина... По сравнению с Россией — унылая страна. Представьте затянувшиеся больше чем на полвека времена Великой депрессии. Там Второй мировой не случилось, и денег, соответственно, со всего мира срубить не вышло. Чтобы было понятнее — за полдоллара, если он у вас есть, там можно плотно пообедать в обжорке. Никаких гамбургеров, похлёбка, свинина с бобами и чай. Перечитайте Ильфа с Петровым, «Одноэтажная Америка». Вот примерно так.

Лютенс призадумался.

— А в той же Москве?

— За полтину гораздо лучше, у Тестова, например. С непременной рюмкой водки.

Лютенс ещё подумал и задал последний вопрос, вполне естественный:

— А курс?

— Золотом два доллара за рубль.

— Так у нас, выходит, дешевле?

— В Зимбабве ещё дешевле, — хмыкнул Ляхов без всякого уважения к национальным чув-

ствам собеседника. — Только у нас зарплата рабочего сто рублей в месяц, а там — 40 долларов.

Ещё некоторое время поговорили фактически ни о чём. Лютенс задавал разные вопросы, иногда с подтекстом, иногда без, Ляхов отвечал, и всё это походило на разговор давно друг друга знающих людей, одного круга, но не связанных дружескими узами. Да и странно было бы, чтоб два — по-любому суди — непримиримых врага вдруг в чисто библейском стиле обратились бы в агнцев, мирно щиплющих травку в саду Эдема.

Случилось по-другому. Лютенс, являясь гражданином государства, по факту составленного из в той или иной мере предателей, с самого основания Нового Амстердама: людей любых национальностей, отказавшихся от родины, какой бы она ни была, исключительно ради более толстого куска хлеба, тем более если с маслом, на генетическом уровне не имел механизма, категорически исключающего переход на сторону врага. Или хотя бы не исключающего совсем (человек слаб), но на уровне так называемой совести подобный переход осуждающего.

Для американца открылась перспектива гораздо более интересной и, скорее всего, выгодной жизни. Так отчего бы не перезаключить контракт?

Об этом вскоре и пошёл у них разговор: об условиях «трудового соглашения», о содержании предстоящей работы, о гарантиях личной безопасности нового «сотрудника» и, само собой, о жизненных перспективах.

— Знаете, я вам где-то даже завидую, Лерой. Получая массу бонусов, вы фактически ничем не рискуете, в отличие от банальных двойных и тройных агентов. Вам не придётся переходить границу, таща на себе контейнер с бациллами бубонной чумы, выкрадывать из сейфа начальника очередной «план Дропшот»¹, вообще снабжать меня какой-то секретной служебной информацией. Со всем этим я легко справляюсь без вас, оперативные возможности у меня неограниченные. Способности тоже, — после короткой паузы скромно добавил он. — А вы должны будете всего лишь продолжать честно исполнять свои служебные обязанности. Сейчас ведь в Москве сложилась очень странная для вас и для всех заинтересованных лиц ситуация. И в ней необходимо разобраться. Так и дождите своему начальству — случилось, мол, непредставимое и непредсказуемое, мы пали жертвой подлой измены и дьявольской дезинформации, но вы, именно вы, Лютенс, уже вышли на след и движетесь по нему со скоростью русской борзой. Никому другому это не под силу. Я думаю, Вашингтон эту наживку слогнёт. А материала я вам предоставлю достаточно. Да вы и сами много накопаете, уверен. Как только пойдёте по всем своим здешним контактам. От пресловутого и таинственного Директора, он же Владислав Борисович, и до трусливо сейчас сидящих по своим кухням «идейных

¹ «Дропшот» (короткий удар) — разработанный США в 1949 г. план превентивной ядерной войны против СССР и его союзников.

и креативных» борцов с «прогнившим режимом». Деньги вам нужны?

— На служебные надобности пока есть, если Лэнгли финансирование не обрежет, а аванс в счёт будущих гонораров возьму охотно...

Лютенс, что достаточно удивительно, почти бесконтрольно (нельзя же расписку агента на клочке бумаги считать финансовым отчётым документом) распоряжался солидными суммами, но ничего не брал себе. Даже счета из ресторанов, где обедал или ужинал с нужными людьми, прикладывал к отчётом. Немецкая натура, наверное, сказывалась. В Освенциме тоже золотые зубы и кольца тщательно приходовались и почти не расхищались. До сих пор, говорят, в ячейках швейцарских банков контейнеры с этим золотом лежат.

Но вот прибавка к легальной зарплате разведчика интересовала очень, и он с чувством глубокого удовлетворения принял из рук Фёста пачку долларов. Небрежно так протянутую.

— А сколько здесь? — недоумевая спросил Лютенс. — Посчитать же...

— Бросьте этих глупостей, Лерой. Знаете анекдот: сын просит у отца денег на ресторан. Возьми в тумбочке, отвечает тот. А сколько? Возьми столько, — Ляхов показал пальцами толщину примерно в сантиметр. — А если не хватит — спрашивает сын. — Тогда столько, — и раздвинул пальцы вдвое шире.

— Понятно, — ничего на самом деле не поняв, кивнул Лютенс. Вот это манера дела вести. Поэтому, наверное, русские всегда и во всем выигрывают, если, конечно, захотят. Разве это под-

ход цивилизованного человека: «Мы за ценой не постоим!»?

— Вот примерно так я с вами и буду рассчитываться, уважаемый... — Ляхов на секунду задумался, соображая, какой бы псевдоним новому агенту изобрести. — Канарис¹, — вдруг осенило его.

— Почему Канарис?

— Как же. Во-первых, немец, во-вторых — талантливый разведчик, в-третьих — тоже... разносторонняя личность, в-четвёртых, оперативный псевдоним должен иметь как можно меньше общего с личностью агента. Дать действительно горбатому уголовнику псевдоним Горбатый — это не принято. Ваш же настолько близок вашей натуре, что никто, безусловно, не догадается.

Лютенс подивился причудливому ходу мысли нового куратора, но возражать не стал. Уж больно ему понравилась манера «пара психолога» вести финансовые дела. Судя по толщине пачки, тысяч около двадцати пяти там есть. Неплохо для первого знакомства.

— Всякая ценная информация будет оплачиваться особо, — как бы понял ход его мысли Фёст. — Знаете, в царской России было принято таможенникам и пограничникам выдавать вознаграждение в размере шестидесяти процентов от

¹ Фёст не стал употреблять термин «предатель», но адмирал Канарис тоже попадал под это определение, поскольку, по имеющимся данным, за время службы начальником абвера ухитрялся сотрудничать с американской и английской разведками, сионистами (поднимался даже вопрос о присвоении ему звания «Праведник перед Богом») и антигитлеровским подпольем. Повешен ровно за месяц до конца войны.

цены конфиската. Тем самым полностью исключалась возможность мздоимства. Я вам тоже буду платить столько же от реальной ценности вашей информации или проделанной работы. Согласны?

Лютенс кивнул.

— Значит, на данный момент с делами покончено. Как я и обещал, можем в обществе Герты съездить в какое-нибудь заведение, отметить ваше чудесное спасение и обмыть адмиральские нашивки.

Разведчик сначала не понял, потом до него дошло — он же теперь «адмирал». Остаётся надеяться, что смерть в железном ошейнике ему не грозит¹.

К послу Крейгу Лютенс вошёл в прямо-таки прекрасном расположении духа. Он не мог сдержаться, ощущение молодости и телесной силы переполняло его. Тем более в украинской корчме «Тарас Бульба», куда свободно пускали только обладателей членских карточек, а прочую публику — по предварительной записи, Ляхов внимательно на него посмотрел и сказал, что спиртное ему, пожалуй, уже не противопоказано. И слава богу, потому что поедать все значащиеся в меню изыски малороссийской и сопредельных кухонь «всухую» было бы невмоготу.

¹ Канарис по приговору суда был повешен 9.04.45 не на обычной верёвке, а в металлическом ошейнике, от чего умирал долго и мучительно. До таких дикостей варварские россияне последние два века не опускались (на государственном уровне).

Вот разведчик и принял понемногу разных напитков, но в массе достаточно, чтобы посол не удивился. А то действительно, неделю пил не просыпая и вдруг даже без запашка пришел.

Своё хорошее настроение он тут же принял многословно объяснять послу тем, что нашёл устраивающее всех решение проблемы, которая Крейга тоже немало беспокоила. Как там посмотрят, а то ведь могут выпереть без всякой жалости, с «волчьим билетом». И ему что тогда, идти русский язык в захудалом провинциальном университете преподавать? В Госдепе это умеют — найти козла отпущения и гнобить его без пощады, отвлекая внимание от не менее виноватых, но *неприкасаемых* персон.

Посол слушал его с крайне кислым выражением лица. Разведчик его с самого начала раздражал просто как человек, безотносительно к роду занятий и личным отношениям, но сейчас его терпение подошло к пределу.

— Вы не думаете, что вам бы стоило бросать пить? Тем более в служебное время. Вы всё-таки секретарь посольства...

— Я служебное и личное время не разделяю. Я всегда на посту. А если вы желаете получить значащую информацию от русского, который пригласил вас в ресторан, то игнорировать... Я бы поостерёгся. Знаете, есть у них поговорка: «Кто с нами не пьёт, или больной или мерзавец» (правильное «подлюка» он употреблять не стал, как диалектное). Сами понимаете, на больного я

не похож, а с мерзавцами конфиденциальной информацией в этой стране делиться не любят.

— Смотрите, вам виднее. Хочу только поставить вас в известность — мне сообщили, что назначено сенатское расследование по поводу здешних событий. Секретное, разумеется. Официально Сенат к московским делам не имеет никакого отношения. И, насколько мне стало известно, ни АНБ, ни ряд других организаций в качестве объектов не рассматриваются. Всё замкнётся на ЦРУ и, пожалуй, на мне. Как вам эта новость?

— Новость как новость. Понятно, что Сенат в установлении истины не заинтересован, но отчего они решили спустить собак именно на нас?

— Оттого, что все другие ведомства успели прикрыть свою задницу раньше. Вам нужно разъяснить нынешний расклад сил в Вашингтоне?

— Спасибо, не надо.

Лютенс сел и, не спрашивая у посла разрешения, взял из восьмигранного серебряного стакана у него на столе тонкую зелёную сигару. Только прикурив, небрежно осведомился:

— Вы не против?

Крейг только махнул рукой, мол, чего уж теперь в деликатность и воспитанность играть.

— Те четыре сучки плотно обложили президента, и без их инструкций он шагу ступить боится. Хотя мог бы раздавить всех четверых одном пальцем.

— Мог бы — раздавил, — философически заметил Лютенс. — Но пока давить будут нас с вами. И не думайте, Алисон, что вам удастся меня

сдать, а самому выкрутиться, перебежав на любую из выигрывающих сторон. Не получится... — Он хитро улыбнулся и покачал перед носом послу дымящейся сигарой.

— Вы совсем пьяны, Лерой, и не понимаете, что несёте...

— Ещё как понимаю, и вы понимаете, что я понимаю, и я понимаю, что понимаете, а в чём ошибаетесь вы.

— Не слишком ли вы завинтили?

— А русские и говорят, что на всякую хитрую задницу есть что-то там с винтом. Они всегда выражаются очень расплывчато, зато поступают до отвращения конкретно. Я решил брать с них пример. Когда проигрываешь, вполне ведь естественно перейти на тактику и стратегию противника...

— Что-то я вас совсем не понимаю, Лерой. Может быть, вам налить ещё немножка, и вы пойдёте спать? А завтра на свежую голову мы подумаем...

— Да что там думать, всё давно известно. — Лютенс расстегнул застёжку папки, что принёс с собой, достал несколько листов принтерной бумаги.

— Посмотрите. Вот это, сверху — лично для вас, чтобы не думали, что Боливар не снесёт двоих. Ещё как снесёт. А ниже — это для Госдепа, АНБ и лично президента. Едва ли увольнение и разжалование какого-то никчёмного полковника и не менее никчёмного посла, даже не карьерного, стоит скандала, который непременно разразится в случае опубликования вот этого... И это

даже не вершина айсберга, это пыль на снегу, покрывающим его вершину...

Крейг сначала просто пошёл красными пятнами, возникавшими на его лбу и щеках крайне несимметрично, потом натуральным образом посерьел. Лютенсу даже стало интересно, не в родстве ли с хамелеонами его посол, уж больно у него кожа цветодинамична...

— Откуда у вас... это... — Голос Крейга звучал сейчас, как будто воспроизводилась на патефоне старинная бакелитовая пластинка, сипло и невнятно.

— Вы о первом или о втором? — добродушно осведомился Лютенс, вытягивая ноги почти до середины кабинета. — Я, как-никак, разведчик, и по должности и по призванию. Мне с самого начала было неприятно, **как** вы на меня смотрите, говорите со мной, **что** отписываете обо мне на верх. Коллеги, впряженные в один воз, так себя не ведут. Вот я и решил подстраховаться. Правда, интересные бумажки? Кто бы мог подумать, что старина Крейг занимается такими делами? Это ведь неувольнением пахнет, это крах всей вашей жизни вообще. Как достойного человека, я имею в виду. Физическое существование вы при желании продолжать сможете, конечно...

Посол, не говоря ни слова, просеменил (вот именно, даже походка у него изменилась, а что вы хотите?) к шкафу, достал бутылку коллекционного скотча с рукописной этикеткой от производителя, дрожащими руками набулькал себе полстакана.

— Эй, ваше превосходительство, а меня уже забыли? *Делиться надо*, как говорил бывший русский министр финансов...¹

Болтая в стакане виски с позванивающими ледяными кубиками, цэрэушник говорил увещевающе:

— Не нервничайте, Алисон, а то вас *kondraschka* хватит. — Наверное, вспомнив, как его самого чуть не хватила. — Я вас сдавать никому не собираюсь, просто подстраховываюсь слегка. Этот незначительный факт вашей биографии никак не может повлиять на нашу дружбу, настоящие друзья иногда знают друг о друге и не такое... Жизнь есть жизнь. Выпейте, выпейте, можно до дна. *Sposobstvuet*.

Крейг послушно выпил, как ребёнок прописанную доктором микстуру. Даже не поморщился, запил глотком содовой.

— А вот насчёт второго блока информации... Вы, конечно, удивитесь, что, располагая сведениями о номерах и паролях швейцарских банковских ячеек, где хранится переоформленное на новых, американских, владельцев нацистское золото, возможно — прямо из Освенцима, я не воспользовался этой информацией в личных целях? Чего уж проще — по-тихому уволиться, уехать, раствориться и потеряться, забрать *товар*, после чего *jít pojívat i dobrá najívat*... А повери-

¹ А. Лифшиц в середине 90-х годов, адресуясь к «большому бизнесу».

те — мне просто противно, да и это слишком мягкое слово. *Нашим хозяевам* едва ли противно, им, может быть, просто страшно прикасаться к этому золоту, но и отказаться от него — выше их сил. Не зря же, когда ребята Донована¹ нашли эти счета, их по одному убрали с консами, счета по приказу Трумэна переоформили и до сих пор чего-то ждут. Причём, как вы видели, о существовании этих счетов знают как раз те люди, от которых для нас с вами исходит максимальная угроза...

— Пять тонн золота... — словно в трансе произнёс посол.

— Пожалуй, намного больше, и большинство — в «необработанном виде». Шёл сорок пятый год, немцы просто не успевали. Там, наверное, ещё и клише для печатания долларов и фунтов, и «готовая продукция», что и сегодня представляет немалую ценность...² Вы как знаете, Крейг, а я вряд ли смог бы заставить себя прикоснуться к зубным коронкам, содранным... Ладно, не будем. Пусть они лежат там, где лежат. Исходя

¹ Донован Уильям, прозвище Дикий Билл — в годы ВМВ руководитель Управления стратегических служб, предшественника ЦРУ. Знаменит многими успешными операциями, после смерти Рузвельта «не нашёл общего языка» с Трумэном и отправлен в отставку, УСС в 1946 г. было расформировано.

² Поскольку в США денежных реформ не проводилось, там до сих пор имеют условное хождение доллары всех лет выпуска. При должном умении можно с определённой выгодой запустить в оборот энную сумму банкнот тридцатых-сороковых годов. Например, под видом клада, вроде как в фильме «Безумный (4 раза) мир».

из национальной принадлежности банкиров, это можно считать разновидностью ритуального захоронения... Понятное дело, опубликование всех этих материалов, да ещё и помещение в открытый доступ всех реквизитов вызовет массу интересных коллизий. Вы только представьте...

Посол представил.

— Вас же просто убьют, Лютенс. Даже не для того, чтобы скрыть тайну, просто в отместку. Чтобы другим неповадно было, отныне и до веку.

— Ну, это мы ещё посмотрим, кто кого распьёт¹, — непонятно сказал разведчик.

— Но как это всё к вам попало? — спросил Крейг (едва не добавив — «вы же всю неделю пили, не просыхая»), это же стоит миллиарды и миллиарды, по крайней мере вам заплатят миллиарды и с той, и с другой стороны, хотя и по разным причинам...

— Знаете, Алисон, — Лютенс набрал в рот виски, тщательно пополоскал и сплюнул прямо на ковёр, демонстрируя, как несложно изобразить «беспробудное пьянство», — я никогда не метил в политики, но всегда был разведчиком очень неплохого класса. По нашему внутреннему рейтингу — точно из «первой сотни». Сейчас, по Бисмарку, политика пришла за мной. Я отреагировал. Ведь вы, Крейг, даже не представляете, на каких уровнях и горизонтах российского истеблишмента мне приходилось эти годы вращать-

¹ См.: И. Ильф. «Записные книжки Ильфа».

ся... — Он хрипловато засмеялся и восполнил выплюнутый виски новой порцией, принятой уже правильно.

— Пресловутый «Директор» и всё его окружение на самом деле составляли высший по отношению к русскому Президенту круг власти. «Деньги и информация правят миром», не так ли? Это ведь ваши слова, Алисон. Вот пришёл момент, когда и деньги и информация превратились в тлен для некоторых лиц. Ну, не совсем в тлен, но в средство, чтобы купить себе жизнь и относительную свободу в обмен на миллиарды долларов и миллиарды гигабайт информации. Знаете, Алисон, — послу показалось, что разведчик всё-таки пьян если не от алкоголя, то от самой невероятности происходящего, — знаете, мне очень смешно было смотреть, как человек, куда могущественнее нашего президента, выкладывал мне всё, что имел, в обмен на возможность доехать на машине с посольскими номерами до моего личного самолёта в Шереметьево, у которого уже был подписан открытый полётный лист. Очень смешно, — повторил Лютенс и взял новую сигару.

— Мы бы с вами, Алисон, сегодня тоже могли бы стать богачами, я не жадный, я бы с вами поделился — но вы когда нибудь слышали такую максиму: «Честь дороже». Вы знаете — это правда. При любом повороте событий мы сохраним незапятнанной репутацию, а некое шестое или седьмое чувство мне подска-

зывает — она тоже очень скоро станет товаром первого спроса.

Этого Крейг вообще не понял, ну не в том он был состоянии, чтобы воспринимать высокие философские истины.

Часом спустя, проводив Лютенса, Крейг буквально кинулся в комнату спецсвязи посольства. Сначала он достаточно спокойно и подробно, в соответствии с протоколом доложил по всем трём адресам, перед которыми ему полагалось отчитываться, голую канву беседы со спецпредставителем ЦРУ, фигурой по любым раскладам из «тяжёлых». Где-то подробнее, где-то более сжато доложил о том, что Лютенс работу продолжает, несмотря на осложнение обстановки, и мешать ему нельзя ни в коем случае. Пары намёков, почему именно нельзя, хватило, чтобы сам посол получил очередной карт-бланш. В Вашингтоне по-любому ничего не понимали, и слова человека, утверждающего, что понимает, большинством воспринимались как повод просто перевести дух.

Четвёртый звонок Крейга был уже совсем другого содержания. Здесь он докладывал по сути, и суть заключалась не в каких-то там личных секретах или «неразгаданных тайнах» тонн нацистского золота. Посол (да и не посол в данном случае) сообщал о невероятной информированности резидента и запрашивал инструкции. Впервые за всё время своей службы. Раньше инструкции приходили сами и никак не зависели от сегодняшнего настроения посла.

Встречу Лютенса и Крейга «в прямом эфире» наблюдали Фёст, Герта и Мятлев. Вторая и третий — скорее для того, чтобы лучше понять настоящие возможности «Братства».

— Ну и как? — спросил Вадим, отключая систему.

— Впечатляет, — ответила Герта, Мятлев молча развёл руками.

— Означенную местную публику, включая посла и всё его «либерально-демократическое окружение», выдаю вам головой¹, это как сами решите. С ними мне делать нечего, говорить тем более. Цэрэушник за мной остаётся, ну и вот эта связь, что я так ждал, само собой. Сейчас всем разрешаю отдыхать. Согласно уставу, раздеввшись и при желании в постели².

Фёст неприкрытым образом издевался, то есть развлекался.

— А вот мне спать не придётся. По всем часовым поясам придётся ловить старшего партнёра господина Крейга, которого провал мятежа волнует меньше, чем семьдесят лет назад вырванные зубы. И я уже знаю почему. Потому что у его не успевших сбежать в Лиссабон³ родствен-

¹ Юридический термин примерно XVI—XVII веков, означающий, что «выдающий» дальнейшей судьбой «выдаваемых» не интересуется. Как у Лермонтова: «...твоей судьбой, //сказать по правде, очень //никто не озабочен».

² По Уставу старший дежурный по гарнизону имеет право отдыхать указанным образом, в то время как нижестоящие дежурные только «расстегнув пуговицы и сняв сапоги до половины голенища».

³ Фёст имеет в виду роман Э. Ремарка «Ночь в Лиссабоне», посвящённый судьбам спасающихся от нацистов евреев.

ников именно там и жизнь отобрали, и всё, включая зубы, если они на них коронки носили, разумеется. Иногда люди, имеющие власть сегодня, бывают удивительно недальновидны.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На сегодня у Воловича было намечено много дел. Он и так пребездельничал слишком долго, хотя едва ли можно назвать таким уж бездельем процесс излечения от достаточно тяжёлой (по его мнению) раны. Назови её лёгкой — и останется только неприятная топография, над которой каждый не преминет покуряжиться — тема уж больно благодатная. Особенно в его сомнительном, с точки зрения «человека чести», положении. Людям лагеря, к которому он сейчас примкнул, путь «нравственного возрождения» Михаила вообще не интересен, они мыслят другими категориями, а вот бывшие соратники оттянутся по полной хоть на его «филейной части». Сама собой вспомнилась фраза Ляхова, точнее, не его, а Достоевского, но Вадим употреблял её довольно часто, и многие думали, что сам и придумал: «Либеральный террор хуже жандармского (или — полицейского, по-разному говорилось)».

Кроме того, в своём полупостельном режиме журналист и работал тоже. Несколькоими написанными им текстами, жаль, что «редакционными», то есть без подписи, без всякой натяжки можно гордиться. Блестящая, можно сказать — пламенная публицистика. Впоследствии их, по-

жалуй, можно будет включить в какой-нибудь автобиографический труд. Или сборник статей и эссе. Название он уже придумал: «В дни поражений и побед». Воловичу казалось — это звучит красиво.

С утра он намеревался обсудить с Ляховым-Фёстом и одним из помощников Президента конспекты нескольких «установочных»¹ и контрпропагандистских статей для завтрашних номеров «Известий» и «Свободного слова». Именно «Слово», как газету достаточно авторитетную и «либерально-патриотическую», ранее в сотрудничестве с «режимом» не замеченную, решено было сделать официозом, рассчитанным на читателя из высшесреднего класса, одним и более высшим (причём — солидным) образованием, не летально инфицированного вирусами умеренного либерализма и просвещённого западничества. А сохранение прежнего названия — это так, эстетский штришок для посвящённых и подтверждение «направления», как в девятнадцатом веке выражались. Владелец и издатель ни в коем случае против «мягкой переориентации» не протестовали, наоборот — всемерно приветствовали.

Вообще Волович знал о стиле и методах работы журналистики «прежних времён» больше

¹ «Установочная статья» — термин советской эпохи, материал, обычно газетный, в котором определялась обязательная к исполнению нижестоящими организациями и рядовыми членами партии «политическая линия» ЦК ВКП(б) (КПСС) на текущий момент, обычно по какому-то конкретному вопросу внешней или внутренней политики. В данном контексте употребляется несколько иронично.

онаслышке и со студенческих лет привык зло издеваться над «агитпропом»¹. Но за последние несколько дней начал осознавать, что дело это весьма тонкое и интересное. В чём и заключалась основополагающая ошибка его и вообще всех прежних соратников и единомышленников — в отсутствии системности и, так сказать, целеполагания. Что толку писать и печатать криклиевые, внешне вроде бы неплохо сделанные статьи, эссе, стихи и прочие «эмманации громокипящего разума», бичующие нынешнюю власть, серость и никчёмность бытия, свинцовые мерзости режима, если отсутствует Основная идея, как бы сводящая в единый фокус внешне даже и не связанные материалы?

Каковы уж там были те пропагандисты XIX — начала XX века на самом деле — не нам судить, но своё дело они знали. Долбили в одну точку, опираясь на «единственно верное учение», чётко разъясняли, «кто виноват» и «что делать», почему «верхи не могут», а «низы — не хотят», и добились-таки своего. Причём, в отличие от нынешних

¹ «Агитпроп» — вначале официальное, а впоследствии просторечно-сниженное наименование системы партийно-государственной агитации и пропаганды, действовавшей в советское время. Эти два якобы близких термина следует различать. Агитация (побуждение к чему-либо (лат.) — распространение тех или иных идей для практического воздействия на сознание, настроение, общественную активность масс, стимулирование к желательным действиям. Пропаганда (подлежащее распространению (лат.) — доведение до сведения определённых групп, классов философских, научных и других идей с целью формирования нужных пропагандисту взглядов, настроений. Должна была носить т. н. «наступательный характер».

«борцов», предлагающих при малейшем намёке на опасность для своей, как американцы выражаются, «задницы», «валить из Рашки», реально рисковали и свободой, и, случалось, жизнью. Всего за двадцать лет, без телевидения, Интернета, скайпа, социальных сетей и прочих чудес науки и техники, только листовками и несколькими нелегальными и полулегальными газетами плюс устной агитацией сумели разрушить великую империю и не менее великую культуру. Построить свой, «новый мир». Пусть всего на семьдесят лет, но важен, как говорится, «креатив и месседж»! А что потом у народа наступит «когнитивный диссонанс» — это уже забота следующих поколений.

Беда Воловича и прочих пахарей на ниве отечественного либерализма в том и заключалась — они не могли (просто не понимали сами) предложить гражданам, населению, избирателю, наконец, никакой системно-позитивной программы, да ещё с простой и понятной инструкцией *по сборке*. Как, с помощью каких инструментов, в какой последовательности и, главное, для чего делать что-то, долженствующее преобразить жизнь прямо завтра. Для всех, даром, и чтобы никто не ушёл обиженным. Кроме тех, разумеется, кто подлежит люстрации¹, а то и физической ликвидации.

Теперь Михаил, вынуждаемый обстоятельствами и умело перевоспитываемый «старшими товарищами», почувствовал вкус именно к си-

¹ Люстрация — лишение определённых категорий населения (как правило, по политическим причинам) тех или иных гражданских прав, запрет занимать определённые должности и т.п.

стемной работе по продвижению в массы идей простых, понятных, а главное — естественных. Конечно, естественных — в рамках предложенной ему только что парадигмы¹. Новая парадигма представлялась простой, логичной и понятной, могла служить руководством к действию не хуже строк «Интернационала», при этом отнюдь не была оторвана «от земли» и на самом деле в перспективе обещала исполнение желаний и чаяний всем, кто готов был приложить к общему делу достаточно воли и сил. А как писал Некрасов, «воля и труд человека дивные дива творят».

В этом примерно направлении, хотя и немногого другими словами, он и размышлял сейчас, готовясь к первому после переворота самостоятельному выходу в город. Тот, когда он выскочил в Москву по звонку Вяземской, как бы не считался. Он по приказу прибежал, под неожиданно сильным нажимом Герты разом потерял весь свой кураж и сдал с потрохами советника Лютенса, о связи с которым молчал до последнего. Просто берёг, как ключ от двери запасного выхода.

Ляхов, которому девицы, несомненно, передали всю выкаченную из Воловича информацию, ни словом ни взглядом не намекнул, что сведения об американце как-то повлияли на их нынешние взаимоотношения. Глядя на невозмутимость Вадима Петровича, он даже подумал, что вся сцена

¹ Парадигма (греч.) — исходная концептуальная схема чего-то, напр. научной или политической теории, модель постановки проблем в её рамках и их решения. Смена парадигмы обычно представляет собой научную или политическую революцию.

была разыграна девицами для собственного развлечения. Сидели, сучки, мороженым с коньяком баловались и решили из себя контрразведчиц изобразить и перед ним, Михаилом, повы.... пендриваться. Эх, его бы воля, он бы с ними, с каждой по отдельности и с обоими сразу тоже... Такими мыслями Волович отгонял воспоминание об унизительном страхе, охватившем его при взгляде в пронзительные глаза Герты.

Ну и хрен с ними! Михаил чуть не обгадил штаны, сдал своего куратора и теперь предпочёл и об этом факте, и о самом человеке забыть. Как там с ним поступит улыбчивый, но беспощадный Фёст, Воловича больше не волновало.

«Переворот» журналист подразумевал не государственный, а свой личный, нравственный. И он требовал полной смены имиджа. Прежний облик и манера одеваться сегодня решительным образом не подходили. Зря, что ли, всякие помощники аптекарей, приказчики галантерейных магазинов и ученики скорняков (дочки царских генералов и губернаторов тоже), «идя в революцию», первым делом меняли партикулярное платье на красные галифе, кавалергардские шервовые сапоги с серебряными шпорами и кожаные куртки самокатчиков¹.

¹ Самокатчики — военнослужащие вначале велосипедных, а потом и мотоциклетных подразделений старой русской армии. Носили кожаные куртки высокого качества, ставшие после 1917 г. излюбленной одеждой по большей части комиссаров и иных привилегированных категорий совпартслужащих (см. фото Троцкого, Свердлова, Л. Рейснер и т.п.). Возможно, по причине близости к тогдашним системам распределения благ.

Сейчас преобразиться таким образом не представлялось возможным, если только не попросить зачислить себя по разряду военных журналистов. Волович представил себя, перетянутого ремнями и в скрипящих сапогах, поморщился. Явно отдаёт карикатурностью. Вроде той машинистки у Булгакова, в солдатских кальсонах¹. Времена нынче совсем не те, и столь радикальная трансформация наверняка вызовет как минимум злую иронию. У того же Фёста, человека со сложным, не совпадающим с имевшимся у Михаила чувством юмора.

Значит, нужно нечто среднее. И очень быстро Волович решил, что именно. Хорошо, что он постоянно подслушивал разговоры Людмилы и Герты между собой, сначала случайно, а потом намеренно-систематически. Уж очень много интересного девушки говорили, думая, что поблизости нет никого; в том числе и пикантности всякие, до которых Михаил был большой охотник. Друг с другом женщины часто такие вещи обсуждают, что мужикам и в голову не придёт подобным образом откровенничать. Попутно он узнал, что в *этой квартире* можно найти всё, что может потребоваться её непростым обитателям для служебных надобностей. Одежда, безусловно, к числу необходимых предметов относилась.

Закончив бриться, он запахнулся в безразмерный банный халат и направился во вторую половину квартиры, что использовалась «хозяевами» в качестве своей приватной территории и каким-

¹ См.: М. Булгаков. *Дьяволиада*.

то образом не являлась в полном смысле «частью этого мира». Оставаясь с ним нераздельно связанный. Заходить туда «посторонним» прямо не запрещалось, но негласным образом не приветствовалось.

Однако сейчас Воловичу нужно было обратиться к одной из девушек с просьбой, и он, сделав как можно более независимый вид, направился длинным полутёмным коридором в сторону кухни, ничем абсолютно — ни планировкой, ни меблировкой — не отличающейся от такой же в общедоступной части квартиры. И на полпути вдруг остановился, услышав голоса из-за неплотно прикрытой двери кабинета.

Если бы не остановился и не прислушался, жизнь его наверняка сложилась бы иначе. Как и многие персонажи этого повествования, Волович, ничуть об этом не подозревая, совсем малозначительным действием перевёл стрелку. И «поеzd его жизни» покатился, образно выражаясь, не в Сочи, а куда-то в сторону Воркуты.

Разговаривали Ляхов и Людмила. Подслушивать, как уже было сказано, Михаил любил. Приватные разговоры людей, думающих, что они общаются наедине, очень часто несут в себе массу не всегда конкретной, но достаточно полезной информации. А сейчас по нескольким случайно уловленным словам Волович понял, что речь идёт как раз о нём. И остановился, одновременно сопротивляясь, как себя поведёт, если его застанут за не совсем благовидным занятием.

— Знаешь, милый, — говорила Вяземская, — я совершенно не понимаю, что за фигура этот

ваш Миша (она так произнесла его имя, что журналист непроизвольно прикусил губу и сжал пальцы в кулак). Разве можно сменить ориентацию на сто восемьдесят градусов и при этом держаться как ни в чём не бывало? Ни следа душевных терзаний, хоть тени стыда или за прошлое, или за нынешнее поведение...

В ответ Ляхов коротко рассмеялся. Послышался щелчок зажигалки, и через секунду в щель потянуло дымком очень хорошего трубочного табака. Судя по звукам голосов, собеседники стояли или сидели в дальнем углу кабинета, скорее всего — в креслах возле окна. Значит, неожиданно к двери никто из них не подойдёт и Волович успеет переместиться к переходу с одной половины квартиры в другую. А если услышит шаги позади — метнётся в кухню. Якобы в поисках какой-нибудь выпивки, это будет выглядеть достаточно естественно. На другой кухне она тоже есть, но он сделает вид, что просто ошибся поворотом. Как у Грибоедова: «Шёл в комнату, попал в другую...» А заблудиться в этой «некорошой квартире» — пара пустяков.

— Не в том ты времени живёшь, Людок, — ответил Ляхов. — У вас там всякие отжившие понятия до сих пор в ходу. Ты ещё предположи, что наш приятель мог бы и застрелиться от невыносимых душевных терзаний. Увы, увы! Не то время и не те люди. Хотя и в твоём времени существует поговорка: «Плюй в глаза, всё божья роса». Не за того ты Мишу и ему подобных держишь.

— Ну как же? — В голосе валькирии прозвучало самое искреннее удивление пополам с недо-

умением. — Разве, совершая предательство, человек не понимает, что именно он делает? И как следует оценивать его поступок? В моем понимании любой предатель и ренегат — подлец, но не дурак же, не отдающий себе отчёта?

— В том и разница между ними и тобой. Они таких вещей действительно не понимают. Как слепые от рождения не представляют, что такое голубое небо и как на нём выглядит малиновый закат...

И дальше Ляхов начал растолковывать девушке тонкости психологии людей, подобных Воловичу, причём в столь точных и выверенных периодах¹, иногда не совсем приличного содержания, что Людмила, не служи она уже два года в российской армии, непременно должна была залиться краской и прервать жениха возмущённым вскриком.

Михаилу вдруг показалось, что Вадим знает о том, что их подслушивают, и адресуется не к подруге, а непосредственно к нему, чтобы уязвить побольнее и выразить всю степень своего презрения.

«Ах ты!.. — подумал Волович. — Я, значит, такое же дермо, как генерал Власов! А сам-то ты кто? Весь в белом? А услугами подобных мне с улыбочкой благодарности пользуюсь... Потому я вас всех ещё сто раз продам, снова куплю и посмотрю, как вы на МОЕЙ веревочке выплясывать будете!»

¹ Период — в риторике развёрнутое сложноподчинённое предложение с чёткой ритмизацией и интоационным своеобразием.

Пожалуй, он счёл бы себя гораздо меньше оскорблённым, будь подобные характеристики и умозаключения высказаны ему в лицо прилюдно. Там можно было бы сделать мину оскорблённого достоинства, страдающего от ненависти «бессмысленной черни», и найти подходящие слова, чтобы дезавуировать оппонента. Полемистом Волович был опытным и, пожалуй, в словесной дуэли имел шанс свести счёт хотя бы вничью. Но когда ты слышишь такое, не имея возможности ответить, а девушка, весьма тебе не безразличная, заливишь и явно одобрительно смеётся...

Тут, господа, даже вызов на дуэль не принёс бы удовлетворения. Не тот вариант. На дуэли и сам пулю схлопотать можешь. Иначе нужно — без спешки и наверняка. Вы обо мне такого мнения? Хорошо же. Вам придётся убедиться, что я гораздо хуже. Для вас. И пусть участь некоего Эдмона Дантеса покажется вам не более чем мелкой неприятностью, не заслуживающей внимания.

Как именно он будет мстить, тоже как Дантес, но из второго тома или иным образом, Волович ещё не решил, но то, что месть будет ужасна и неотвратима, он осознал мгновенно. Мало кто подозревал об этом, но с юных лет Михаил умел ненавидеть и уязвлять противника талантливо и изощрённо. Можно сказать — со вкусом. И не важно, кто имел несчастье навлечь на себя это чувство — демонстративно отказавшая ему на выпускном вечере одноклассница или целое, имевшее неосторожность в чём-то разочаровать и унизить Воловича государство.

— Только ты, Людок, пожалуйста, не демонстрируй ему свою неприязнь столь наглядно. Полюбезнее будь. Нам с этим кадром ещё работать и работать. Тем более возбуждаешь ты его. Пусть он лучше онанирует на твою фотографию, украдкой телефоном сделанную, глядя, чем злобу копит...

— Фу, какие гадости ты говоришь. — По тону Людмилы Волович представил, какое у ней стало выражение лица. — Это ж только вообразить — стошнит...

Продолжая свой внутренний монолог, по на-калу страсти не уступающий годуновскому, про «мальчиков кровавых», Михаил бесшумно вернулся к порогу своей комнаты и уже оттуда начал оглашать квартиру шутливыми стенаниями, призывая кого-нибудь из хозяек квартиры откликнуться.

Здесь последние дни постоянно находились Людмила Вяземская, в качестве выездоравливающей, Герта, совмещающая должности охранницы и сожительницы Мятлева, и исполняющая роль вроде как коменданта этого *погранпункта* между двумя мирами Галина Яланская.

Кто-нибудь непременно отзовётся на его призывы, вполне вписывающиеся в роль, которую он для себя придумал при общении с девушками «вне службы».

И хотелось ему, чтобы это была не Людмила. Он с самого начала их знакомства спокойно общаться с Вяземской не мог, хотя и не показывал вида. Прав, чёрт возьми, этот хам Ляхов. Слишком сильно она на него воздействовала и внешне-

стью, и гормональным фоном, да и психологически тоже. Испытывая одновременно сексуальное влечение и неконкретный, но отчётливый дискомфорт, Михаил предпочитал (особенно наедине) говорить с ней покороче и по делу, стараясь с независимым видом скользить взглядом мимо её глаз, да и всей фигуры в целом. Но по ночам нередко представлял «валькирию» (придумают же названьице) в самых соблазнительных для себя и унизительных для неё позах и положениях.

Однако именно Людмила немедленно появилась, будто и не общалась только что со своим дружком за тремя поворотами коридора, а за нею почти сразу и Герта, одетая по-походному, явно в город собралась, неизвестно только, в какой именно.

— Что случилось? — спросили обе почти в унисон и на самом деле выглядели как минимум встревоженными. Не знал бы Волович об их истинном отношении к нему — непременно бы в очередной раз купился.

— У тебя что, кровотечение открылось? — предположила Герта, изгибаясь, чтобы заглянуть за спину журналиста, на его задний фасад.

— При чём тут кровотечение? Я просто погромче позвал, стены у вас тут толстые и двери...

— А, ну и слава богу, — с видимым облегчением вздохнула Герта, а Людмила пренебрежительно скривила губы. Мол, понаехали тут, да ещё и выпендриваются.

— Тогда что, проголодался? — спросила она.

— Ну что вы всё о низменном? — шутливо, с широкой улыбкой удивился Волович. — Тут,

барышни, такое дело... Мне в город надо, с руководством право на свободу передвижения согласовано, — сам не понимая почему, будто оправдываясь, пояснил Волович, — а одеться как бы и не во что. Ну, в смысле, для нового содержания как бы и новая форма требуется, чтобы, значит, вполне соответствовать...

Михаил представил, как воспринимаются его слова со стороны, и ужасно сам себе не понравился. Беззубое вяканье какое-то, словно пацан, скваченный за ухо во время написания матерного слова на заборе, пытается объяснить, зачем он это делал. Всё-таки не получилось сразу взять себя в руки как следует. Надо срочно менять тональность, а то заподозрят что-то.

— Ну так а мы при чём? — спросила Вяземская весьма прохладным тоном. Ничего не могла поделать, несмотря на предупреждение Вадима. Да ещё и его последние слова. Девушку передёрнуло... Людмила знала о впечатлении, которое производит на Воловича, и при этом сильно его недолюбливала по целому ряду причин. Главная, ещё давнишняя, идущая со дня первого знакомства, когда неким подобием свойственного всем валькириям телепатического чувства она уловила адресованный ей эротический посыл, причём носивший самую что ни на есть грубую и примитивную форму.

Скорее всего, Михаил и сам тогда ничего как следует не понял, а она ощущала, почти что увидела возникшую в мозгу репортёра картинку. На её вкус то, что хотел бы немедленно совершить с ней Волович, было омерзительно. Вида она тогда,

конечно, не подала, в конце концов, человек, тем более мужчина, не может отвечать за неконтролируемые эмоции, вызываемые красивой женщиной. Когда на неё с понятным выражением смотрели другие, хотя бы офицеры из других рот, она ничего не имела против. Но представить себя в объятиях Воловича! Это уже не к *одиннадцати туз*, это гораздо хуже.

— Мне что, в ЦУМ сбегать, прикид вам подобрать?

— Нет, ну зачем вы так, более чем превратно толкуете мои слова? Я совсем другое имел в виду. Кто-то мне сказал, что у вас в квартире можно найти очень богатый выбор костюмов. Для оперативных целей... Может быть, и для меня...

Девушки быстро переглянулись. Словно спрашивая друг у друга, кто мог такое сказать. Потом Людмила весьма критично осмотрела его фигуру сверху вниз и обратно.

— Не знаю, не знаю... И с чего вы взяли вообще, что у нас здесь ателье готового платья?

— Я как бы не помню точно, но кто-то определённо говорил. Как бы и не сам Вадим Петрович...

— Всё может быть... — Вяземская пожала плечами с некоторым сомнением. Но если он знает, так непременно от кого-то из «своих». В конце концов, как к нему ни относись, сейчас Волович такой же член команды... Нет, не так — просто очередной солдат, которого следует воспринимать как боевую единицу, независимо от... «Каждый человек необходимо приносит пользу, будучи употреблён на своём месте» — эту заповедь Ва-

дим произносил очень часто и по самым разным поводам. Приелась уже, а к слуху ничего лучшего в голову не приходит.

— Что вас конкретно интересует? Посмотрим, что можно сделать... — Герта отнеслась к просьбе журналиста проще, она слов Фёста в его адрес не слышала, да и в бросаемых на неё взглядах он допустимой Гертой границы не переходил.

— Ну, не обычный штатский костюм, но и не камуфляж. Это было бы сейчас вызывающе. Мне кажется, такой, знаете, костюм вроде охотничьего... Цвета хаки, желательно с искрой, много накладных карманов, хлястики, погончики, свободный покрой... — Он с помощью пальцев попытался изобразить желаемое.

— Я поняла. — Герта опять хмыкнула. Задача с дизайнерской точки зрения непростая. «В талию» сделать костюмчик — карикатурно будет. Замаскировать формы свободным покроем — ещё опрятнее клиент станет выглядеть. «Как три слоновые задницы, накрытые брезентом» — вспомнила она от кого-то из знакомых слышанную присказку. Думать надо.

— Так, примерно пятьдесят восемь, рост три. — На службе Вяземская научилась мгновенно определять на глаз все необходимые параметры человеческих фигур, вплоть до размеров шапки, обуви и противогаза. Если нужно срочно обмундировать взвод, с портновским сантиметром возиться некогда.

Опыт общения с «гардеробной комнатой» квартиры у девушек уже был. Прошлый раз они заказывали себе здешнюю военную форму для

общения с пленным генералом. Сейчас, правда, было посложнее. Не для себя одежда требовалась, и Людмила немного сомневалась, в состоянии ли она представить нужное, чтобы не получилось, как в слышанной здесь песне про волшебника-недоучку. Ну, там, где он получил розовую козу с жёлтой полосой. Подошла к двери «гардеробной», сосредоточилась, пытаясь в стиле гиперреализма представить требуемое. И покрой, и размеры, и цвет, а также фактуру ткани. Ну и клиента — куда денешься.

Похоже, девушка неизвестно какими силами и каким способом была оценена, взвешена и признана фигурой, подходящей по массе¹. Или управляющая система сама умела переводить в жизнеспособную реальность даже самые приблизительные мыслеформы. Проще говоря — всё сработало как надо. Когда они вошла в гардеробную, требуемый костюм висел на плечиках прямо перед дверью. Осталось только пригласить Воловича и предложить ему примерить обновку перед зеркалом.

Людмила задержалась перед настоящим венецианским зеркалом, размером от пола до потолка, в причудливой резной раме. Вот ведь, семнадцатый век, а изображение в нём получше нынешних. Ярче, отчётилее, подлиннее, можно сказать. А что вы хотите — стекло ручной работы, из особого песка с секретными добавками, и амальгама чисто серебряная, не синтетика какая-нибудь.

¹ Ср. библейское: «Ты взвешен и признан слишком лёгким».

И валькирии снова показалось, что девушка, поправляющая волосы по ту сторону стекла, совсем немного, но отличается от оригинала, даже не понять, чем именно, но всё же... Ощущается так. Не зря Людмила давно думает, что в этом мире совсем не только чудеса техники присутствуют, но и что-то вроде магии имеет место. Квартира сама по себе — ярчайшее подтверждение. Какая-то немыслимая древняя магия или, наоборот, порождение настолько далеко ушедшой вперёд цивилизации, что и пытаться что-то понять бессмысленно. Как кроманьонцу сообразить, что совсем не обязательно гоняться по тундре за мамонтом, чтобы съесть вкусный бифштекс. Вполне можно надеть смокинг, положить в карман кредитную карточку и вальяжно войти в зал любого не вегетарианского ресторана.

Тот же уровень семантического несоответствия.

Волович вышел из гардеробной на самом деле преображенными. Некто или нечто, исполнявшее заказ, гораздо тщательнее отнеслось к работе, чем Людмила к создаваемой мыслеформе. Если бы «квартире» передалось её отношение к Воловичу, результат был бы соответственным. А так костюм вышел намного лучше того, что вообразил себе Михаил и кое-как протранслировала Вяземская. Речь даже не о материале и качестве исполнения; непонятным образом покрой соответствовал исходному замыслу — изменить сам имидж носителя. Сейчас журналист выглядел не пароди-

ей на подгулявшего Александра Дюма-отца, а скорее на Уинстона Черчилля, как он мог бы выглядеть, оставшись до соответствующего возраста на службе в колониях.

Глядя на него, Людмила вдруг вспомнила слова старого торговца кепками Зусмана из недавно прочитанной книги Паустовского «Время больших ожиданий» (Фёст старательно погружал будущую жену в литературно-исторический контекст новой для неё эпохи): «Ай-ай-ай! Что может сделать с человеком такая дешёвая кепка за сто тысяч рублей! Если она, конечно, сшита хорошим мастером! Она может сделать чудо!» А тут ведь не кепка, тут целый костюм из трёх предметов.

— Вы знаете, Михаил, что-то в этом есть. Теперь, по крайней мере, приличные люди станут воспринимать вас всерьёз.

Сомнительный комплимент, если вдуматься, но Волович, поглощённый самолюбованием, не обратил внимания.

Вначале он собирался навестить несколько достаточно близких друзей. Узнать, как в «тех кругах» реагируют на случившееся (прежде всего, конечно, на его телевизионное выступление), и прозондировать настроения насчёт совместной работы. Надёжные и знающее дело люди ему были нужны, особенно если Фёст выполнит своё обещание насчёт учреждения нового министерства пропаганды (как бы оно ни называлось на бумаге) взамен ничего не значащего нынешнего комитета по печати. С Воловичем, естественно, во

главе. Что пропагандировать — и ему, и большинству его друзей, было совершенно безразлично. Если за это будут платить больше, чем платили заокеанские и европейские кураторы, — лучше не придумаешь. Особенно в ситуации, когда шансов на смену формы правления и личностей, стоящих у власти, в ближайшие годы больше не просматривается. Тут главное — не опоздать и оказаться если не «впереди паровоза», то хотя бы на нём самом.

Но теперь, после того что он услышал, Михаил несколько изменил свои планы. Прежде всего необходимо повидаться с куратором и просто посоветоваться, следует ли и впредь рассчитывать на *специальную* благосклонность известных структур, или оставаться на уже обретённой «санни сайд оф лайф»¹ в её нынешнем варианте. Правда, в этом случае достойная месть откладывалась на неопределённое время, но тут уж ничего не поделаешь.

«Нет, — думал Михаил, у которого настроение могло меняться, как осенняя погода в Лондоне, — безусловно, прежняя моя жизнь почти штатного лидера организационно не существующей оппозиции и «властителя дум» креативного класса была, может, и забавнее, но слишком уж эфемерна. Здесь же, если всё сложится как надо — безбедная и беспечальная жизнь до конца дней наверняка обеспечена. А если что-то пойдёт не так — в любом варианте «дольше жизни жить не будешь, раньше смерти не помрёшь».

¹ Солнечной стороне жизни (англ.).

Под «не так» он подразумевал реакцию не кого-нибудь, а конкретно Фёста в случае, если тому станет известно о его намерениях начать собственную «вендетту».

«А на случайно услышанные слова наплевать и забыть? Последовать примеру Александра Третьего?¹ Мало ли кто что о ком думает. Я вот тоже о нём и о его девке...»

Но нет, такое вегетарианское решение Воловича не устраивало. Он жаждал крови, фигулярно выражаясь, легкомысленно игнорируя народную мудрость, что от добра добра не ищут, а брань, соответственно, на вороту не виснет.

Исходя из текущей обстановки, не исключающей вооружённых вражеских выпадов, Герта предложила Воловичу воспользоваться «Тигром» в штабном варианте, разумеется с водителем, пулемётчиком и двумя то ли охранниками, то ли вестовыми.

От машины он отказался, заявив, что желает «понаблюдать коловоротение жизни» лично, тем более все его цели находятся в пределах Бульварного кольца. И недалеко, и, скорее всего, безопасно. Но «девяносто вторую» «беретту» он всё же сунул в обширный накладной карман полуфренча, благо в его новом удостоверении было указано

¹ Существует легенда, что Александру Третьему доложили, что некий мещанин Петров в пьяном виде плюнул в трактире на царский портрет. Спрашивалось, каким образом следует оного мещанина наказать. Александр начертал на докладной: «Передать Петрову, что я тоже на него плюю. А царских портретов впредь в кабаках не вешать».

но, что предъявитель имеет право на ношение, хранение и применение любых видов оружия.

Мобильным телефоном Михаил благоразумно решил не пользоваться, а действовать по стариинке. В меру сил проверяясь, нет ли за ним слежки (да откуда бы ей и взяться, если он только что вышел из квартиры и никаких подозрительных личностей возле дома не околачивалось?), через Петровку и Кузнецкий мост дошёл до Камергерского переулка. Там из пустого кассового зала МХАТа позвонил по телефону-автомату по специальному, для личной связи, номеру.

Лютенс, по счастью, был на месте и отозвался после четвёртого звонка. Михаила он узнал сразу и достаточно холодно, невежливо осведомился, что ему теперь, собственно, нужно. Вроде как всё понятно, точки расставлены эт сетера.

Тому пришлось, подавляя вспыхнувшее теперь уже по адресу цэрэушника раздражение, объяснить необходимость встречи, прибегая к иносказаниям и примитивному географическому кодированию места желательной встречи.

В результате Лютенс согласился, и Михаил с облегчением направился в сторону метро «Охотный Ряд». По пути как бы по внезапному капризу задержался в летней кафешке на тротуаре и с удовольствием выщедил литровую кружку «Гессера», неторопливо закурил, сибаритствуя и привычно провожая взглядом каждую проходящую мимо даму и девушку от шестнадцати до сорока примерно лет. Независимо от экстерьера. Если встречал ответный взгляд — широко улыбался и подмигивал. Новый имидж его натуру не изменил.

Он просидел так около получаса, окончательно убедившись, что слежки за ним нет. Об этом говорили все почерпнутые из художественных и документальных произведений литературы и кино знания. Автомобильного движения в переулке не было, немногочисленные прохожие на журналиста внимания не обращали, по два и более раза мимо не проходили, наблюдение из окон окрестных домов исключалось обычной логикой: Волович сам не знал несколько минут назад, что устроится именно здесь, а не в любой другой точке густой сети центральных улиц, переулков и заведений на их перекрёстках.

Наконец в перспективе он увидел куратора. Лютенс, неся наперевес большой чёрный зонт-трость, прошёл мимо и направился в сторону Театральной площади. Отпустив его на два десятка метров, Волович раздавил в пепельнице почти докуренную сигарету и двинулся следом.

Мимо «Метрополя» американец вышел на площадь Революции и у подножия Китайгородской стены свернул к весьма дорогому и оттого вечно пустому ресторанчику на полтора десятка столиков. Сел так, чтобы через сплошное остекление стены любоваться видом хорошо отреставрированного «сердца старой Москвы». И наблюдать за подходами к заведению со всех четырёх направлений.

Через пять минут к нему присоединился Михаил, вежливо осведомившись, не помешает ли, и пояснив, что имеет привычку обедать исключительно в компании. С незнакомыми людьми даже предпочтительнее.

— Да, иногда это бывает действительно интересно, особенно когда собеседник — иностранец, — согласился Лютенс.

Выпили по рюмке, споро принесённой официантом по заведенному здесь обычаю, ещё до основного заказа, водки с хреном и мёдом, закутили маленькими чёрными гренками с красной икрой. Кухня в этом заведении была действительно незаурядная, что, впрочём, при такой наполненности не могло обеспечить хоть минимальной рентабельности. Очевидно, деньги владельцы зарабатывали каким-то другим способом. Или — в другом месте.

— Что вынудило вас искать встречи после всего прошедшего? — далёким от дружеской теплоты голосом спросил разведчик.

Михаил тут же начал излагать почти стопроцентно правдивую легенду, сконструированную им за кружкой пива. В ней, по его мнению, совершенно не к чему было придраться. Волович только умолчал о том, что перешёл на сторону победителей абсолютно искренне, а отыграть на зад его заставило всего лишь оскорблённое самолюбие. Сейчас он вначале заверил куратора, что ни словом, ни намёком нигде не упомянул об их деловых взаимоотношениях, а уже потом заявил, что, оказавшись совершенно случайно в крайне выигрышной ситуации, решил немедленно ею воспользоваться и внедриться в столь высокие сферы, что ещё недавно о том помыслить нельзя было даже в алкогольном бреду.

Лютенс слушал с крайним вниманием, именно так, как история агента того заслуживала. И стре-

мительно просчитывал варианты — сообщить ли Фёсту (теперь это имя было для него оперативным псевдонимом уже собственного куратора) о демарше Воловича, или придержать информацию для себя, обеспечив тем самым хоть какое-то пространство маневра на ближайшее будущее. Принципиального выигрыша это не сулило, ибо партия была сдана, что называется, на третьем ходу, однако по мелочи кое-что выгадать всё-таки можно. Конечно, не джокер в рукаве, но... «Крот», а возможно, и «агент влияния» в высших эшелонах власти потенциального противника — это совсем немало.

— И что, как вы думаете, мне с вашей информацией делать? Стратегического выигрыша она явно не несёт, а затевать с вашей помощью новую игру с многолетней перспективой... Какой смысл? Я, кстати, улетаю из Москвы уже завтра, начальство вызывает, для личного доклада, то ли вернусь недели через две-три, то ли — никогда. А как на всё происходящее взглянет мой сменщик, вернее — высшее руководство, нам не дано предугадать...

— Как слово наше отзовётся, — подхватил Волович, может быть, совершенно случайно получившееся у американца словосочетание.

— Вот именно. Так зачем вы мне сейчас?

Лютенс отвернулся от Воловича и начал диктовать официанту заказ. Михаил сначала сцепил зубы, а потом мстительно выпил «хреновку» в одиночку.

— Мне кажется, что польза от меня кое-какая возможна, — с усмешкой сказал он и отмахнулся

от вопросительного взгляда «гражданина усажу щего», как называли официантов в первые годы советской власти.

— Ещё графинчик того же самого...

— И польза вот в чём, — продолжил он, когда официант отошёл, — я располагаю сведениями, которые стоят очень дорого. Не одну сотню тысяч сами знаете чего. Но сейчас меня устроит аванс. Десять тысяч немедленно, и я вам такое скажу...

Американец презрительно усмехнулся, совершенно как в одном из старых советских фильмов «про шпионов» и в полностью аналогичной ситуации.

— А если вы сначала говорите, а я уже в процессе оценю, стоит оно того или нет?

— Нет, Лерой, так не пойдёт. — Выпитое уже начало действовать, и Михаил ощущал весёлую раскованность и кураж. — Мои информации всегда того стоили, не отпирайтесь. Когда я скажу всё, вы заплатите очень много, хоть казёнными, хоть своими личными. Бесценная информация. Особенно сейчас, когда мы оба с вами оказались... Сами знаете где. А десять штук — это так, скорее для приличия. Или — для завязки разговора...

— Ну, будь по-вашему. Меня ещё не лишили права распоряжаться «рептильным фондом»¹. Что будет дальше — поручиться не могу. Код загрузки вашей карточки прежний?

¹ В дореволюционной России иноскказательное обозначение специальных фондов жандармерии и полиции, пред назначенных для оплаты услуг агентов и провокаторов. Как правило, списывался без предоставления подтверждающих документов.

Через две минуты сумма была переведена; Волович получил на мобильник подтверждение и совсем расслабился.

— Это дело надо отметить, и я приступаю...

Всё, что Михаил изложил относительно «параллельной Империи», Лютенс выслушал с интересом, но без радостного визга. Сам «факт» был ему уже известен, а детали... Безусловно, информация ценная, но как её использовать практически? Смысл для разведчика был только в одном случае — если бы он получил надёжный способ доступа в этот мир и смог сообщить о столь фантастическом повороте лично и непосредственно своему президенту. Тогда вознаграждение было бы адекватное. Президент смог бы правильно воспользоваться информацией, и это было бы их «личным секретом». А вот в случае передачи материала по инстанциям самому не светило почти ничего.

— Ну и что? — почти равнодушно спросил он у Воловича. — Если это даже и не сказка, и не ваша галлюцинация, как такое можно использовать в наших интересах? «Общечеловеческий» смысл сего феномена меня в данный момент не слишком занимает. Как я могу отыграть хотя бы свои десять тысяч, не говоря о прочем?

— Как же?! — почти задохнулся Волович. — Это же... Я даже не знаю, как сказать! Это в корне меняет всю геополитику и экономику Земли. Имеющий выход в новый мир получает... Получает...

— Да ничего он особенного не получает, судя по вашим же словам. Ну, ещё один такой же по

территории и природным условиям мир. Вдобавок населённый практически нашими аналогами, на том же культурно-экономическом уровне. Нам-то что с того? Если бы это была вторая Земля доисторических времён или хоть новая доколумбовская Америка, и мы с вами в виде очередных Кортесов заполучили в своё распоряжение всё золото ацтеков или инков, не помню, кого именно... А так... Не вижу для себя интереса в вашем сообщении. И жалею, что заплатил вам гонорар... Дутая сенсация.

— Подождите! Как же вы не понимаете?! Всё совсем не так, как вы думаете! Это же... Я просто поражаюсь вами! Имея выход в параллельную Россию, нынешняя утраивает свой экономический и военный потенциал, вдобавок приобретает абсолютно неуязвимый тыл. Они теперь смогут угрожать Америке, оставаясь в полной безопасности, вывезя *туда* все свои ценности и какое угодно количество нужных им людей. А оттуда — миллионы обученных солдат. В той России под полмиллиарда населения. Считайте, что Штаты уже проиграли геополитическую партию!

— А мне-то что? — с прежним равнодушием спросил Лютенс. — Проиграли так проиграли. Похоже, *в отличие от вас*, — а это уже было сказано с язвительной иронией, — я не стремлюсь, чтобы моя страна стала полем ядерного Армагеддона. Пусть она живёт, как полтора столетия назад, у себя и для себя, не рвёт больше жилы в стремлении к мировому господству. Я, если угодно, изоляционист, а заодно и немец бисмарковского толка.

— Вам? Что с этого вам? — Волович опустил голос до шёпота. — Если вы уже не патриот своей страны и вам безразлична её историческая судьба, то, может быть, ваша личная что-нибудь значит?

— Ну-ка, теперь попробуйте поподробнее. — Разведчик отодвинул тарелку и потянул из пачки сигарету.

— А вот подробности — потом, — победительно усмехнулся Волович. — Дело в том, что я знаю, где находится дверь в этот мир и как её открыть. Вообразите, какую пользу сможете извлечь из такого знания лично вы! Вам наплевать на свою страну — ваше дело. А если вы сам сможете через другую Россию оказаться в другой Америке, представьте, какие возможности перед вами откроются! Мы станем миллиардерами... А то и что-нибудь покруче придумаем!

— Уточните, пожалуйста, так я или мы? Вы уже без меня организовали акционерное общество на паях и полном обоюдном доверии?

— А как же ещё? Я знаю, как туда пройти, вы знаете и умеете то, чего мне не дано. Загрузим ноутбуки и флешки всей существующей научно-технической и технологической информацией...

— И откроем инновационную компанию. Кое-какой смысл в этом есть, — кивнул Лютенс. — Но где гарантии, что нас очень скоро не покидают с целью получения даром того, за что мы собираемся получить миллиарды? Нас ведь будет всего двое против всего мира, наверняка не более гуманного, чем этот. И вообще, вдруг нам там не понравится? Чужой мир всё-таки...

— Да бросьте. Что значит — не понравится? Там везде уровень жизни примерно как в здешние пятидесятые в Штатах, причём без «холодной войны» и атомного оружия...

— Вот это уже интереснее, — задумался Лутенс. — И вы действительно имеете доступ к «проходу»? Тогда зачем вам я? И сами бы устроились.

— Хотите честно? — Волович опрокинул пустой графинчик над своей рюмкой и замахал официанту, требуя следующий. Американец поморщился. После недавнего тяжёлого отравления он решил, что два-три «дринка» — достаточная дозировка, и дал себе зарок из этих пределов не выходить. Но сейчас просто чертовски хотелось поддержать Воловича в его увлекательном занятии. И он решил, что повод имеется более чем подходящий.

— Валяйте, — сказал он, имея в виду оба смысла сразу.

— Так вот, Лерой, доступ к проходу я имею. Прямо-таки ночью в двух шагах от двери. Сам пока выйти не пробовал, но в окно смотрел. Точно — совсем другая Москва.

— Дальше...

— Одному мне туда идти просто страшно, чего уж скрывать. А вы человек опытный, тренированный, американец опять же. В той России мне задерживаться не резон, сразу схватят, жандармы у них крутые, имел удовольствие познакомиться...

Действительно, самого поверхностного знакомства с Чекменёвым Воловичу хватило, чтобы оценить, да ведь и сам Фёст, и его валькирии проходили по тому же ведомству.

— Значит, нужно выбраться туда, сразу же на поезд, ещё лучше — автомобиль, самолёт ни в коем случае, и в ближайшую европейскую страну. Что там от Москвы ближайшее? Швеция, кажется. А оттуда уже куда угодно...

— А я вам нужен на роль Остапа Бендера при Кисе? — усмехнулся Лютенс, повеселевший после прекращения насилия над собственной личностью.

— Не только. Вы знаете американские реалии, пусть и не совсем здешние, но едва ли они сильно отличаются. Может быть, даже знакомых там найдёте. У вас есть настоящая хватка, а я в бизнесе не силён. Директором по персоналу и связям со СМИ могу, но не больше...

— А главное? Не лукавьте, Миша, всё, что вы говорите — вторично. В чём, как у вас говорят, прикол?

Волович тяжело вздохнул. Именно об этом он сейчас говорить не очень хотел, но деваться, похоже, некуда.

— Проход расположен в их штаб-квартире. Недалеко. Можно войти в обычную дверь здесь и через коридор пройти к другой, открывающейся уже *туда*. Минутное дело. В этой же квартире есть достаточно денег, чтобы не чувствовать себя там бедняками. На обзаведение, так сказать.

«А мне Ляхов говорил, что проход находится довольно далеко, самолётом лететь нужно. Кто врёт — он или этот?»

Но спросил другое:

— Здешних денег? Зачем они *там*?

— В том и хитрость, что тамошних тоже на-валом. Сам видел. Одних долларов и фунтов миллионов на двадцать. И золотые монеты тоже есть. Я же говорю — очень хитро всё устроено. В одной и той же квартире выходы на две стороны, зеркальное отражение. И на том же месте в сейкетере лежат деньги. В одном здешние, в другом тамошние. Вот, смотрите...

Михаил хотел отложить демонстрацию на другой раз, но раз куратор упорно не желает заглатывать голый крючок, нужно на него червячка прицепить. При удивительной безалаберности, иначе не скажешь, хозяев квартиры заглянуть в сейкетер и вытащить из пачек по одной всего бумажке американских, английских, французских, немецких и русских денег не составило труда. Золота он брать не стал — это уже как бы воровство, а чужие бумажки — не более чем коллекционерство. Как в старом анекдоте: «Я не нумизмат, я сифилитик, но мне тоже интересно».

Лютенс долго, со всех сторон, только что не обнюхивая и не облизывая, изучал образцы. Особенно родную двадцатидолларовую. Размером почти в полтора раза больше, непривычной черно-серо-бордовой гаммы, разрисованная маской завитушек и розеток в стиле «модерн» начала XX века, образующих почти непосильные для

воспроизведения фальшивомонетчиком узоры. С очень крупным, незнакомого дизайна шрифтом и портретом генерала Шермана, героя Гражданской войны. Но самое главное — ФРС¹ в этом мире, очевидно, нет. На банкноте сверху написано — «Государственное казначейство». И внизу, мелко, указано, как и на российских банкнотах, что эти бумажки свободно размениваются на золото по цене 100 долларов за тройскую унцию.

«Да, там наверняка совсем другая жизнь», — подумал Лютенс, сразу прикинув, что эти доллары почти в двадцать раз дороже настоящих. Впрочем, Ляхов так и говорил.

— Забавно. Понятно, что для банального разыгрыша слишком тщательная работа, на те бумажки, что в подземных переходах продают, не похоже. Остальные деньги тоже явно не фальшивка. Продолжайте...

— Проблема в том, что там постоянно находятся люди. Минимум двое. Две женщины, — уточнил он, — но с подготовкой боевиков запредельно высокого класса...

Лютенс вспомнил девушку по имени Рысь и слегка поморщился. Если там тоже такие...

— В одиночку мне не справиться. Кроме того, я не умею стрелять в спину, тем более женщинам, которые ко мне хорошо относились. Гораздо лучше будет так: в подходящий момент я открою

¹ ФРС (Федеральная Резервная Система) — частная корпорация, имеющая подряд на выпуск долларов США, независимая от президента, исполнительной и законодательной власти страны.

вам дверь, вы войдёте, без пролития кровинейтрализуете её или их, и мы тут же исчезаем, прихватив с собой столько денег, сколько унесём...

— Интересная схема, — произнёс Лютенс. — Примерно как в вашем фильме «Операция «Ы». Бабушка с мелкашкой сторожит склад, и мы её... Того. А если не выйдет? Как-то вы не так сработаете, и пулю от ваших дам мне получать?

— Нет, что вы, Лерой. Уж это я обеспечу...

В этот момент Волович искренне считал, что как-нибудь он внимание Герты с Людмилой отвлечь сможет, да хотя бы из двух баллончиков перечным газом сразу обеим и прямо в глаза. А там уж пусть профессионал работает.

— Хорошо, Михаил, — сказал Лютенс. — Мы этим непременно займёмся, когда я вернусь. В прежнем качестве или как частное лицо. Так что спокойно готовьтесь и ждите.

— А может — прямо сегодня сделаем и с плеч долой? — каким-то плаксивым тоном, словно Моргунов вдруг преобразился в Вицина, спросил Волович. Ждать ещё несколько недель ему вдруг показалось невмоготу.

— Нет, как ваши «урки», «на рывок» я не работаю. Любое дело должно быть как следует обмозговано и подготовлено. Так что не нервничайте, Миша, тратьте деньги, раз здешние нам больше не понадобятся... Выглядите вы каким-то замученным. Может, вам к девочкам стоит съездить развлечься? У меня есть адресок приличного дома свиданий, могу поделиться.

— Спасибо, обойдусь, — раздражённо ответил Волович. — Лучше вы возвращайтесь поскорее.

— Как только, так сразу, — усмехнулся Лютенс, употребив плебейский, его самого крайне раздражавший оборот. — Главное — вы тут глупостей не наделайте...

**ГЛАВА
ДЕСЯТАЯ**

В это же самое время, с поправкой на пояснное, естественно, на обширную площадку перед изящным, в стиле архитектора Фрэнка Л. Райта, строением, почти точной копией знаменитого «Дома над водопадом»¹, вышел весьма пожилой господин. Точнее было бы назвать его просто старым, но что-то мешало. Возможно то, что за исключением морщинистого лица и выражения глаз всё остальное могло бы принадлежать человеку между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами. Даже волосы у него были не седые по-настоящему, а так, сероватые, цвета окисленного алюминия, или махорочного пепла, если угодно.

Мужчина, одетый только в подобие купального халата из букинированной ткани апельсинового оттенка, подошёл к высокому, по грудь, деревянному ограждению. В руке он держал массивную телефонную трубку с коротким штырём выдвижной антенны и внимательно слушал своего собеседника.

Сам собеседник столь же отчётиво был виден, тоже в натуральную величину на левой по-

¹ «Дом над водопадом» — признанная «шедевром американской архитектуры» вилла некоего Кауфмана, построенная в 1936 году выдающимся архитектором Ф.Л. Райтом в штате Пенсильвания, в местечке «Медвежий ручей».

ловине окна-экрана, окружённого чуть пульсирующей фиолетово-сиреневой рамкой в ладонь шириной. Цвет рамки указывал, что канал сейчас работает в режиме «одностороннего окна»¹.

— То, что вы говорите, Дональд, достаточно интересно. И вы совершенно уверены, что «самурай» заранее и специально к вашей встрече не готовился?

Фёст смотрел на джентльмена (а это был явно джентльмен, хотя и не совсем англосаксонского экстерьера, было в нём нечто левантийское, пожалуй) и на всю вообще картинку не просто с интересом. Он был попросту поражён, как легко и просто решилась загадка, над которой в своё время безуспешно бились не только они с Секондом, но и Новиков с Шульгиным. Кто, каким образом, зачем и для чего организовал в этой России позапрошлогодний «Хлопок одной ладонью»²? То, что к безобразиям и в реальной РФ, и в новосозданной Империи приложили руку Лихарев и Даяна, сомнений не было, они сами в этом признались, но что касалось земных исполнителей, похвастаться было нечем. На каком-то, очень высоком, кстати, уровне структур Гиперсети (как бы не са-

¹ Установка СПВ могла работать в четырёх режимах — одностороннее и двустороннее «окно» и такая же «дверь». В отличие от «окна», позволявшего только видеть и слышать происходящее по одну или обе стороны, пользование «дверью», то есть пространственный, межвременной переходы или то и другое в различных сочетаниях, было сопряжено с рядом ограничений физического и даже некоторым образом этического характера, только «этика» здесь подразумевается не человеческая.

² См. одноименный роман.

мими Игроками) был поставлен очень мощный, непробиваемый никакими имеющимися в распоряжении «Братства» средствами блок. Для аналогии можно представить, что самым опытным средневековым специалистам по штурму крепостей предложено было бы взять линию Маннергейма. Причём её защитники использовали бы лишь пассивные средства обороны. И всё равно — ни таран, ни кирки, ни пороховые мины не помогут против «восьмисотого» бетона. Против проволочных заграждений всех видов, усиленных минными полями, во всём тогдашнем цивилизованном мире тоже ни средств, ни методик не имелось.

Кому-то, всё тем же пресловутым Игрокам, или некоей «третьей силе», возможно и неразумной даже, как Природа у Стругацких в «Миллиарде лет», потребовалось сделать так, что даже почти всемогущие, по людским меркам, аггры уровня Лихарева и тем более Даяны, не сумели разобраться, кто, в конце концов, явился непосредственным исполнителем замысла по перехвату управления сразу двумя странным образом соштыкованными реальностями.

Была в общем-то проведена элементарная, примитивная даже операция прикрытия. Вроде как стрелки на железнодорожных путях перевели, и поехал поезд вместо Москвы в Саратов, и никто из пассажиров по ночному времени этого не заметил, а когда заметили — уже поздно было.

Вот и «Братство» спохватилось, начало разбираться, что, как и почему. Дошли тогда до «предпоследнего», как им показалось, уровня вселенского, иначе не скажешь, заговора, а даль-

ше — тупик. Или — «стратегическая пустота», если угодно. Весьма и весьма высокопоставленным фигурам поступали команды, ставились задачи, выделялось финансирование — и вроде бы ниоткуда. Сами исполнители, даже подвергнутые самим изощрённым методикам воздействия на подсознание, в один голос утверждали, что всё, что было, — просто череда «озарений». Вдруг «пришло в голову» — и всё. И ведь не поспоришь по большому счёту. Поди узнай, каким именно образом пришло в голову Гитлеру стать поначалу руководителем вполне маргинальной партии, потом канцлером и, наконец, Фюрером своего народа и Рейха. Однако удалось, но он, если б его получилось взять живым, ничего сверх того, что написал вместе с Гессом в «Моей борьбе», всё равно бы не сказал.

Когда такая же практически история начала повторяться уже в Империи Олега — появление на арене вместо Даяны с Лихаревым Арчибальда, поставившего перед собой те же цели, что и они, и задействовавшие аналогичные общественные структуры, от «Хантер-клуба» до «Чёрного интернационала» и самого обычного криминалиста, Фёст задумался.

До этого ему не было особого стимула заниматься этой проблемой. Они с Секондом так и числились в «младших братьях» или просто в «рыцарях», если считать «Братство» именно Орденом, оттого и не считали возможным брать на себя разгадывание очередной «загадки Сфинкса». А вот сейчас этот стимул появился. С момента, когда ушли в свой рейд на «вторую Землю», в

логово дуттуров, «старшие» и он, Фёст, скорее от нечего делать, чем по действительной необходимости, решил выяснить, как известный персонаж, «тварь ли он дрожащая», или тоже право имеет».

Не в том смысле, как понимал это Родион Раскольников (или сам Достоевский). Скорее им двигало чувство, подобное тому, что присуще многим актёрам «второго плана». А что, если вдруг, как это бывает в книгах и фильмах, ему предложат главную роль на самой главной сцене в знаменитейшем спектакле? И о роли этой он давно мечтал, и знает её назубок, и всё же... Согласиться выйти к рампе и начать сотни раз произнесённый уже величайшими из великих монолог, рискуя в случае провала до конца дней остаться в чужих и собственных глазах жалким, вообразившим о себе ничтожеством? Можно ведь и не согласиться, найдя внешне убедительную причину, тогда и дальше можно будет блистать на привычном уровне, продолжая подавать надежды и намекать (или говорить впрямую), что уже вот-вот и...

Это самое «вот-вот» только что и случилось. Взяв на себя смелость не только фактически возглавить «Мальтийский крест», да заодно и вмешавшись в тщательно подготовленный и обречённый на успех план по свержению здешнего Президента, Фёст произнёс роковые (в любом смысле) слова. Как и сам Гамлет — не вслуш.

— Быть или не быть, вот в чем вопрос.

Достойно ль смиряться под ударами судьбы,

Иль надо оказать сопротивление

И в смертной схватке с целым морем бед

Покончить с ними?..

Вот и начал он это сопротивление оказывать. Вовремя сообразил, сумел в самый последний момент пресечь очередной, вроде как тщательнейше, а на самом деле из рук вон плохо подготовленный антироссийский заговор. Чем и спровоцировал абсолютную, спонтанную, когнитивным гиссонансом вызванную, прямо-таки аллергическую реакцию до последнего никак себя не проявлявших Сил. Затем ещё усилил эффект, фактически заставив своего Президента сделать резкое, почти грубое заявление об изменении Россией всей внутренней и внешней политики. В целом не представлявшее собой ничего особенного, «чего бы ещё не было на свете», выражаясь в стилистике Экклезиаста, но по форме да с учётом мировой общеполитической обстановки, выглядевшее как жест опытного бретёра¹, вынуждающего противника ответить вызовом, причём на самых невыгодных для него условиях.

Фёст точно просчитал, что после прозвучавшего на весь мир «Заявления» господин Ойама попадает в глухой цугцванг. Не драться нельзя, позор, потеря лица. Драться — безнадёжно, выиграть невозможно в принципе. Если, конечно, по старому принципу инициаторов и идеологов «холодной войны» не заявить: «Лучше быть мёртвым, чем красным». И пойти на заведомое самоуничтожение. Любому чуть-чуть понимающему аналитику, да и просто здравомыслящему человеку ясно — после обмена ядерными ударами Россия как-нибудь да выживет (если уцелеет

¹ Бретёр — профессиональный дуэлянт, задира, скандалист (фр.).

сама планета Земля), а вот американская цивилизация (именно цивилизация, Pax americana) — точно нет. Решится ли на такой шаг хитроумный (это Фёст тоже выяснил) и весьма расчётливый потомок самураев ради «неосязаемого чувствами звука», именуемого в данном случае «Честью Америки» или «Великим демократическим проектом». По результатам анализа, проведённого с помощью Шара и весьма усовершенствованного за минувшие годы «стратегического тренажёра» Берестина — не должен. Особенно если ему совсем немного помочь. По-дружески, в память о былом русско-американском боевом союзе.

Да и вообще просто интересно будет наблюдать за процессом — как себя поведёт «сверхдержава», поставленная перед тем самым, по Арнольду Тойнби, историческим вызовом. Тут ведь не сработает старая блатная хохмочка: «Держите меня крепче, братва, а то я не знаю, что с ним сделаю». Обращаться не к кому, и держать тоже некому, вот в чём главная фишка!

Но вот чего Фёст не смог предугадать, так того, что его провокация (в медицинском смысле) приведёт к совсем неожиданным последствиям. Наблюдая за совещанием импровизированного «кризисного штаба» — импровизированного потому, что в настоящий должны были входить, напрочь с ранее названными, совсем другие люди: меньшего внешнего политического веса, возможно, но гораздо большей информированности и просто интеллекта. Вадим решил внимательно отследить дальнейшие телодвижения лиц официальных, которые они обязательно предпримут после

того, как Ойяма не поддался на лобовое, грубое давление. Он всё же был японцем в гораздо большей степени, чем это могли предположить достаточно заурядные людишки, волею обстоятельств оказавшиеся на совсем не для них предназначенных постах.

Сами ли начнут предпринимать сообразные их уровню мышления меры или обратятся в инстанции, как говорилось при Советской власти¹.

Они и начали обсуждать свои последующие действия сразу, как только покинули кризисный кабинет. Прямо в машинах, не успев отъехать от ворот Белого дома. И продолжили обсуждение на вилле вице-президента, в одном из самых тихих и со сравнительно хорошим микроклиматом районов столицы. Сейчас Келли ловёл партию. Ведь именно ему в случае чего предстояло занять президентский пост, как Трумэну после Рузвельта. С тем же примерно, неприятным для русских эффектом.

А Фёст всё это записывал на видео и тут же распечатывал избранные места на бумаге. Полный текст с видеорядом можно будет предъявить и позже, по обстоятельствам.

Минут через десять после начала «тайной вечери» Келли, извинившись, оставил своих подельников продолжать дискуссию за круглым столом, а сам поднялся по винтовой лестнице на третий этаж, а с него — выше, в восьмигранную башенку, надстроенную над крышей. Там у него помещалось нечто вроде поста дальней связи. Весь-

¹ В служебных документах той поры (уровня ДСП) «инстанцией» именовался ЦК КПСС.

ма архаичное понятие во времена сотовой связи и разных видов Интернета. Но тем не менее смысл в этом был понятный если не самому вице-президенту, то людям, этот пост оборудовавшим. У самого президента, к примеру, такого не было, что могло означать только одно — на Дональда Келли возлагались особые надежды, то есть Ойяма в чьих-то глазах заранее не соответствовал.

На момент избрания и в процессе всего первого срока — соответствовал некоторым критериям, но другим, возможно и гипотетическим — нет. Как известно, обстановка на поле боя и в политике тоже может меняться быстрее, чем способны реагировать вроде бы признанные полководцы и государственные мужи. Тогда прежних смещают или ликвидируют иным способом, а на их место ставят других.

Как в тридцать шестом году (тысяча девятьсот, естественно) в Советском Союзе нарком внутренних дел Г. Ягода «оказался явно не на высоте положения и не на уровне задач»¹ и был нечувствительно заменён на Н. Ежова, а когда и тот «не оправдал», а точнее — выполнил свою миссию, нашёлся словно для этого именно момента и «сидевший на скамейке запасных» Л. Берия.

На примерно такой же случай в США имелся мистер Келли. Сам по себе, при живом президенте, практически никто, и одновременно — проходная пешка на предпоследней горизонтали. Один шаг — и сразу ферзь!

¹ Цитата из личного письма Сталина членам Политбюро.

Сэр Дональд, как его было принято называть, хотя ни англичанином, ни тем более рыцарем он не был, откинулся переднюю панель старинного, пятидесятых ещё годов прошлого века «всеволнового» радиоприёмника фирмы «Телефункен». Приёмник был оснащён вдобавок проигрывателем для виниловых пластинок, и сами они имелись тут же, в большом количестве расставленные по врачающимся этажеркам. Такой себе уютный уголок меломана-ретрограда, маскировка — лучше не придумаешь.

За панелью приёмника скрывался пульт, довольно похожий на вертикально поставленную клавиатуру компьютера, и в зажиме — тёмно-красная трубка, напоминавшая первые образцы сотовых телефонов, по дизайну и эргономике никак не соответствующая двадцать первому веку.

Фёст, увидев эти манипуляции, почувствовал примерно то, что рыбак, ощущивший внезапную и мощную поклёвку на своей удочке, до того приносившей только малопочтеннную рыбную мелочь. Прежде всего его заинтересовала сама коллизия, а также и антураж мизансцены, остро напомнившей всевозможные книжки «про шпионов» из серии «Библиотечка военных приключений», с косой полосой для иллюстрации по диагонали обложки.

Отец Фёста ещё в свои молодые годы собрал абсолютно полную коллекцию этих книг, и начиная с семилетнего возраста Вадим прочёл их все. Не прав будет тот, кто скажет, будто эти творения ныне почти забытых авторов вроде Шпанова, Томана, Авдеенко, Матвеева и прочих — му-

сор и «тоталитарная пропаганда». Совсем даже нет. Если к ним отнестись правильно, то есть не упрекать за то, чего там нет, а внимательно присмотреться к тому, что имеется, можно сделать множество по отдельности мелких, но в сумме (синергетически) весьма полезных открытий и почерпнуть массу полезной информации. Если, повторяю, не искать там стилистических изысков Пруста и гражданского пафоса сборников «Иного не дано» времён «поздней перестройки».

Вот и сейчас вице-президент, как какой-нибудь инженер Горелов¹, скрывшись от своих «товарищей», по ужасно секретном прибору передаёт очередную шифровку во вражеский штаб.

И с кем же это он решил так срочно пообщаться, не дотерпев даже до окончания конференции?

Шар — очень полезный прибор, если уметь им правильно пользоваться. Предоставляет массу возможностей, о каких и понятия не имеют рядовые пользователи. Фёст в лаборатории Лихарева, изучая его записи и рукописные инструкции для будущих помощников, а также и популярным «методом тыка» (благо это чисто информационное устройство опасным не было по определению), с Шаром научился работать весьма профессионально. Само собой — лишь в пределах своего интеллектуально-психологического потенциала. Есть вещи, до которых разум сегодняшнего человека просто не дорос. Как Эвклид или Пифагор — до дифференциального исчисления или

¹ Японский шпион, персонаж романа Г. Адамова «Тайна двух океанов».

какой-нибудь, прости господи, алгебры Буля и геометрии Лобачевского.

Представим себе всем известного и любимого инженера Сайреса Смита, идеального героя раннеиндустриальной эпохи. До сих пор читать интересно, как с помощью двух стёкол от часов и собачьего ошейника можно воссоздать на необытаемом острове практически аутентичную «большой» технологическую цивилизацию. И вот вместо сундука капитана Немо в его распоряжении оказывается какой-нибудь склад хранения современной военной техники. Укомплектованный по всей линейке — от «АКМ» до приборов навигации, связи, тепло- и ноктовизоров и тому подобного. Вот и представьте, что из всего этого добра сможет использовать гениальный инженер? Думаю, очень многое, причём иногда — неожиданным даже для нас способом. И в то же время едва ли он сообразит, что если отвинтить крышку на торце круглого пластмассового футляра с застеклённым рефлектором на другом конце и вложить туда два или три ярких цилиндра с бесмысленной надписью вроде «Philips powerlife» из лежащей в совсем другом ящике коробки, то можно получить великолепный и почти вечный (если коробка большая) источник яркого и дальнобойного (в сравнении с керосиновым фонарём) света.

В том же положении с самого начала своей эпопеи оказались и рыцари «Братства». В их распоряжение попала масса, условно говоря, вещей, материальных и не очень, ничуть не менее фантастических, чем сотовый телефон (со всей обе-

спечивающей его работу инфраструктурой), или всё тот же ноутбук для Сайреса Смита. И пользоваться ими (без подсказки со стороны) они могли ровно в той же мере, что означенный инженер.

Фёст в данный момент умел использовать Шар как раз в пределах, обеспечивающих успех его плана, в любом другом случае — совершенно умозрительного, чтобы не сказать — дурацкого. Ну как же — тридцатилетний бывший врач без военного, дипломатического и всякого другого практического опыта вступает в борьбу с мирового масштаба структурами. То есть изображает из себя нечто вроде инженера Гарина (или негодяя из романа Беляева «Властелин мира», Штирнера, что ли) и, в общем, пока побеждает.

Кстати, это тоже очень распространённое, особенно в последнее время, заблуждение — что для того, чтобы руководить государствами, корпорациями, сложными производствами и чем угодно ещё требуется специальное образование и «трудовой стаж по избранной специальности». Нельзя, мол, вчерашнего мастера цеха ставить губернатором, а младшего научного сотрудника заштатного НИИ «Овцеводства и козоводства»¹ — министром обороны, к примеру. На самом деле — можно. Вообще всё можно, лишь бы личность была подходящая, хотя бы и с двумя классами сельской школы.

И ещё кем-то сказано: «Кто владеет информацией — владеет миром». Следовательно, к свойствам характера и способу мышления Фёсту тре-

¹ Действительно существует в г. Ставрополе.

бовалось добавить только это. Информацию то есть. Опять же — понимаемую в широком смысле.

Всё, что проделал Фёст, давным-давно могли бы сделать и Новиков, и Шульгин, и Сильвия, а тем более Антон. Но, как уже было сказано — человек всегда остаётся всего лишь человеком, со всеми его недостатками, с какой бы фантастической наукой он ни был знаком и какой фантастической техникой ни управлял. О некоторых вещах он просто так догадаться не может, если нет для догадки какого-нибудь, подчас совсем незначительного повода. Не смог же Антон вообразить, что его арест спецслужбами Союза Стати миров и страх перед демонтажом (или разноплещением) побудит Замок к созданию Арчибальда, если ни о чём подобном не слышал никогда и ни от кого.

А с загадкой неуловимых организаторов всех творившихся последние годы на Земле безобразий ещё проще — никому из «Братства» ни разу не удавалось застать попавших в круг их внимания личностей в момент связи со своим «руководством». А Ляхов сейчас совершенно случайно застал, да ещё при нужном стечении обстоятельств.

Установка СПВ в нынешнем режиме обеспечивала прямой односторонний контакт с вражеским «переговорным пунктом» связи в реальном времени. Находящийся рядом с ней Шар был включён, и Фёсту достаточно было протянуть руку, чтобы ввести команду и сразу же «сесть на чужую волну». И всё. Теперь нужные параметры зафиксированы в памяти прибора и деваться клиенту некуда. Можно вводить любые новые кодировки и защиты, применять хаотично меняемые

частоты и амплитуды, использовать новейшие методики сжатия информации — это будет столь же бессмысленно, как попытки существа, обитающего на двухмерной плоскости, скрыться от взгляда из третьего измерения за нарисованными на листе преградами¹. Отныне ничего не стоит не только прослушивать все разговоры вице-президента, но и открыть канал прямого перехода в место нахождения адресата.

А место эта было крайне интересным. Не переставая слушать и записывать отчётливо подобострастный доклад (иначе не назовёшь) американского вице-президента человеку, по всем административно-бюрократическим канонам его начальником не являющимся, Фёст подкручивал ручки настройки, позволявшей приближать и удалять объект, а также и ракурсы обзора, как бы парить вокруг него и над ним, подобно буревестнику, в отличие от, скажем, вертолёта, без шума и тряски.

Его всегда немного удивляла архаика дизайна установки СПВ и вся идеология интерфейса, если этот термин здесь вообще уместен. Что значит психология конструктора, оставшегося в плену технической эстетики середины прошлого века! Вполне ведь можно было всё управление переде-

¹ Это пришедшее в голову Фёста сравнение вызывает у автора некоторое сомнение. Да, на листе топографической карты спрятаться за холмом или рощей от взгляда сверху нельзя, но как быть, если тот же участок местности изображён в перспективе? Формально картинка всё равно двухмерная, но зрительно и трёхмерная тоже... Правда, холм придётся рисовать поверх и позже, чем «спрятавшегося» за него человечка.

лать на сенсорное или хотя бы джойстик поставить вместо всех этих верньеров, движков и тумблеров. Но — хозяин — барин. Не Ляхову учить Левашова, как оформлять свои изделия. Что-то, кстати, в этой архаике есть завораживающее. Как и в «радиоприёмнике» вице-президента, кстати. Его, похоже, изготавлял человек тоже не нашего времени.

Но мы опять отвлекаемся.

Интересным местом была точка, где располагался собеседник мистера Келли. Прямо для обложки журнала «Вокруг света». Собственно, это была не «точка», а целый остров, каких несчётное множество разбросано по просторам Тихого океана косой многотысячамильной полосой, от Филиппин и почти до Антарктиды. Словно Творцу надоело старательно прорисовывать на глубине причудливые контуры континентов, и над ста восьмьюдесятью миллионами квадратных километров океана он просто махнул наотмашь кистью, покрыв всё это пространство брызгами краски разных форм и размеров.

Остров по сравнению с тысячами других, имевших собственные имена и население, был исчезающее мал — его плоскую вершину усечённого конуса, сложенного из древних вулканических пород, можно было обойти по периметру меньше чем за час, но изумительно красив. Он возвышался над кружевной пеной бивших в подножие волн метров на восемьсот абсолютно недоступной человеку твердыней. Альпинист-скало-

лаз мог бы подняться с немалыми трудами на его вершину, но для этого сначала пришлось бы добраться с моря до его подножия, что было тоже практически невозможно из-за массы торчащих из-под воды рифов и подошвой, заваленной жутким хаосом лавовых обломков от килограмма до тонны. А главное — затея эта была бы совершенно бессмысленной. От ближайшего, хоть как-то населенного острова нужно плыть сюда несколько сот миль, потом ложиться в дрейф, поскольку при здешних глубинах на якорь не станешь, организовывать целую операцию десантирования и ради чего?

Зато самая вершина островка, скорее даже — просто чуть наклонного каменного клыка была покрыта густой шапкой тропической растительности, постоянно пополняемой морскими ветрами, несущими с незапамятных времен неведомо откуда семена всевозможных растений. В кронах пальм и прочих деревьев и древовидных кустарников водились даже какие-то совершенно эндемические породы насекомых, иначе чем бы питались вполне сухопутные птицы, жившие в этом изоляте, может быть, миллион лет? Чайки и прочие альбатросы, кормящиеся морской живностью, гнездились гораздо ниже.

И вот на этой плоской, словно ножом срезанной вершине устроил свою обитель человек, говорящий сейчас по какому-то хитрому, наверняка спутниковому телефону с Вашингтоном.

Фёст довольно подробно успел рассмотреть его виллу и прилегающую территорию. Сады Семирамиды, иначе и не скажешь. Сам трёх-

этажный, составленный из нескольких объёмно-конструктивных элементов дом, примерно гектар ухоженного парка вокруг, довольно большой бассейн, выложенный голубым кафелем или фаянсом. Всё обнесено, несмотря на полную неприступность места, ещё и довольно высоким металлическим забором. Хорошо оборудованная вертолётная площадка, с ангаром и всячими служебными постройками.

Трудно даже вообразить, сколько трудов, а главное — денег вложено в это «Орлиное гнездо». Плюс — что стоило обеспечение секретности тайного убежища сейчас, когда сохранение каких угодно тайн — дело весьма проблематичное!

Впрочем, выяснение этих, как и многих других вопросов можно оставить на потом. Разговор хозяина с вице-президентом ещё не закончился.

Келли очень и очень подробно пересказывал чуть ли не в лицах всё, что происходило в «ситуационном кабинете», а собеседник часто переспрашивал, уточняя детали, иногда самые вроде бы несущественные. Это само по себе выдавало в нём специалиста, скорее всего опытного разведчика-аналитика с хорошей общепсихологической подготовкой.

Спасибо школе Шульгина, после неё и двух лет практической работы Фёст моментами сам себе напоминал Штирлица, то есть Максима Исаева с момента, как им стал вполне обычный юноша Всеволод Владимиров. В данном случае он имел в виду появление (или внезапное раскрытие) таланта, никакими предшествующими событиями в жизни не обусловленного. Что он сам,

что аналог Секон до «Перевала» как раз никакого интереса к разведывательной, контрразведывательной, вообще политической деятельности не проявляли. Либо в результате срабатывания «гнева Аллаха» в мозгах у них что-то круто перевернулось, да настолько, что и у Секонда в его Академии дела более чем успешно пошли, и в нём самом Александр Иванович увидел такой же благодатный материал, как аббат Фария в Эдмоне Данте.

Хозяин «Орлиного гнезда», выслушав всё, после короткой паузы дал вице-президенту несколько конкретных разёрнутых указаний. Общая их суть сводилась к тому, что Ойаме на самом деле можно отпустить на размышления и осознание реального положения дел два-три дня, но не более. В это же время организовать во всех подконтрольных средствах массовой информации, и не только американских, предельного накала антироссийскую по форме, но и антипрезидентскую по существу кампанию. То есть давление должно исходить со стороны, не из президентского окружения. Может быть, в ближайшем разговоре следует дезавуировать некоторые слишком резкие выражения и «прелестных дам» (при этих словах на губах джентльмена мелькнула саркастическая улыбка), и самого Келли.

— Впредь, подталкивая его к решительным действиям, ссылаясь нужно только на мнение народа, выраженное печатным и иными способами. Конгресс и Сенат от этого вопроса лучше пока вообще отстранить, с ними возможны осложнения. Вспомните Рузельта и сорок первый

год¹. И совсем незачем спешить. Вы явно перестарались. Конфликт, тем более вооружённый, прямо завтра нам не нужен. Пусть нарыв созревает. Какой-то лишний мирный месяц особого значения не имеет. Надо обставить дело так, чтобы большинство стран, имеющих хоть какой-нибудь вес на мировой арене, предъявили России свои претензии или хотя бы отказали в моральной поддержке. А мы, со своей стороны, постараемся, чтобы русский лидер сам сделал ещё несколько весьма неосторожных шагов, обостряющих ситуацию. Несмотря на последнюю неудачу, ничего ещё не потеряно. Ну, проиграли одну лунку, на следующей отыграемся. Вопросы есть?

— Никаких, господин Сарториус. Будем выполнять ваши рекомендации. Следующий сеанс по графику?

— Нет. Будете докладывать каждый вечер — мой вечер, естественно, в девять часов. До свидания.

И после слов прощания Сарториус произнёс довольно длинную фразу, слов примерно из десяти. Точнее сказать невозможно, ибо язык был Фёсту совершенно незнаком. Даже и близко ни с чем не ассоциируется. Его он, разумеется, тоже записал. Воронцов с помощью Замка непременно расшифрует. Наверняка ведь что-то важное.

¹ Существует мнение, что президент Ф.Д. Рузвельт очень хотел вступить во Вторую мировую войну, но «народные избранники», придерживающиеся теории изоляционизма, ему своего согласия не давали. Тогда он, располагая информацией о подготовке Японии к внезапному нападению, позволил случиться Пёрл-Харбору, после чего темы для дискуссий уже не существовало. Это же позволило ему беспротивно баллотироваться на четвёртый срок, и если бы не внезапная смерть — пятый и т.д.

Джентльмен выключил свой аппарат и положил его на столик.

Сарториус, значит. Лема, что ли, читал, или действительно такая фамилия (или имя) существует? Надо будет выяснить.

А пока вернёмся к нашим баранам, сиречь американским неоястребам.

Келли спустился вниз, где дискуссия продолжалась с нарастающим накалом. Теперь шло уже соревнование в степени собственной крутизны. Слуги подали виски, джин и калифорнийское вино, что ещё больше подогрело страсти. Всё же у президента приходилось сдерживаться, хотя и через силу. А высказаться *о наболевшем* хотелось всем. Даже суровый воин Паттерсон, с честью прошедший через все военные провалы и конфузии США, начиная с позорно проигранной вьетнамской, слушая истерические пассажи высокопоставленных дам, зябко поводил плечами под четырёхзвездными погонами.

Это что же, представляя он себе, будет, если весь этот кагал дорвётся до настоящей власти? Не подать ли, пока не поздно, в отставку и отправиться, от греха, в Патагонию, где у него давно было приобретено ранчо в пять квадратных миль пампы с несколькими тысячами голов коров и лошадей. Аргентина уж точно в русско-американский конфликт вмешиваться не станет. А дамы соревновались в жёсткости условий и тяжести санкций, которые следует включить в ультиматум, чтобы русский президент его точно отклонил. А если бы вдруг принял — чтобы эта страна

перестала существовать де-факто в своём нынешнем качестве.

А тут мисс Блэкентон пришла в голову ещё одна светлая идея. Надо бы взять да немедленно и вынести на обсуждение Генеральной ассамблеи ООН вопрос об исключении России из Совета Безопасности с передачей её места Германии и Японии.

Это предложение услышал уже и Келли, от чего ему сделалось не по себе. Сама-то идея возражений не вызывала, России с её правом вето в Совете действительно делать нечего. Но человек, пусть он является по факту истеричной дамой, поставленный на такой пост, должен же ориентироваться в реалполитике хоть немного лучше уличного мусорщика-мексиканца. Как-никак, Совет Безопасности — это клуб победителей в мировой войне и основателей ООН, и так уж просто поменять местам палачей и жертв не выйдет, хотя кое-кто семьдесят лет старается.

Если бы вице-президент ориентировался в русской литературе, он наверняка бы вспомнил о «пикейных жилетах».

Келли довольно быстро вернул компанию в берега здравого смысла, хотя бы относительно-го. При этом, что отметил Фёст, он не ссылался на слова (или распоряжения) господина Сарториуса, однако излагал их своими словами, в доступном собеседникам стиле с такой уверенностью, как будто Моисей, только что пообщавшийся с Господом, вещавшим из горящего тернового ку-

ста на горе Хорив. И, похоже, определённую роль сыграла в этом последняя фраза, сказанная Сарториусом на неизвестном языке. Очень может быть, что она имела отношение к какой-то системе НЛП или даже обычной магии.

Фёст до глубокой ночи наблюдал воочию и писал на памятные кристаллы, что в гибриде земных, форзелианских и агрианских компьютеров заменяли прежние дискеты, а потом — флеш-карты, всё, что говорилось в этом тайном собрании. Он основательно устал слушать такую массу бредятины и человеконенавистнической ерунды. Сначала он было подумал, что будь такая запись опубликована, она произведёт в мире *тот* самый пресловутый эффект. Хотя чего уж особо эффектного во взрыве обычной, хоть чугунной гладкоствольной пушки, хоть даже авиационной бомбы? Миллионы людей их видели, ну и что? Подавляющее большинство из выживших особо сильно своих представлений о мире не изменило.

Так и сейчас. Ну, посмотрят люди запись, послушают, пообсуждают, повозмущаются и постепенно вернутся к своим делам. Мир точно не рухнет, и США, в свою очередь, из того же Совбеза не исключат. Кто-то из весьма авторитетных мыслителей середины прошлого века, как бы не философ Адорно, заявил в своё время: «Нельзя писать стихов после Освенцима!» И — попал пальцем в небо. Был Освенцим или не был, а пишут, пишут, даже нобелевскими лауреатами за это дело становятся, в том числе и сами евреи, а хлёсткий афоризм так и остался личным мнением человека, вдруг вообразившего, будто ему откры-

лась какая-то новая нравственность. Аналогичная мысль была высказана несколько раньше, но с противоположным знаком: «Гвоздь в моём сапоге кошмарнее Голгофы».

Зато одному из шести миллиардов, простому человеку с фамилией Ойяма вдумчиво ознакомиться с таким материалом будет весьма полезно. Глядишь, пересмотрит кое-какие свои взгляды на окружающую действительность, данную нам в ощущениях.

Фёст соответствующим образом скомпоновал, оформил и добавил в папку, предназначенную президенту, и эту информацию. Пусть изучает, думает, морально зреет. Времени, отпущенного ему сначала самим Фёстом, а потом, не сговариваясь, Сарториусом, действительно хватит, чтобы принять осмысленное решение. Не всякий простой человек (простец в терминологии некоторых весьма продвинутых авторов) в состоянии даже представить, сколько мыслящая личность способна перекрутить в голове фактологического фарша и сколько выдвинуть, проработать и отринуть гипотез и идей, чтобы на следующем витке рефлексии вернуться к ним вновь.

Пусть забавляется мистер Ойяма, лишь бы только не перенапрягся и не решил искать выход из своего непростого положения традиционным для части его предков способом. Конечно, написанное им предсмертное хокку¹ прочитать было

¹ Истинный самурай, перед тем как совершить «сеппуху», должен был написать трёхстишье, в котором объяснял свой поступок или сообщал открывшуюся ему на пороге смерти истину.

бы познавательно и полезно, но живым президент представляет куда больший интерес.

Кто-то, возможно, в очередной раз захочет предъявить претензию Вадиму Ляхову (Фёсту) за то, что серьёзнейшие мировые проблемы он воспринимает только через призму игрового интереса. Тут, как говорится, цивилизации собираются рушиться, а он озабочен проблемой — пить ему чай или не пить.

А разве все остальные вошедшие во всемирную историю личности руководствовались чем-нибудь другим? За исключением явных гипоманьяков и пааноиков, которые рвались «переустраивать жизнь» бескорыстно, просто потому, что вообразили — по их распорядку, скорее всего, жить людям будет гораздо лучше, чем по прежнему, заведённому отцами и дедами.

Зато множество людей (а также многократно высших по сравнению с ними существ) воспринимают возможность вершить чужие судьбы, создавать, а также и разрушать империи именно как Игру. Главное — придумать для неё сколько-нибудь убедительные обоснования. Но можно и без них — как древнегреческие боги, например.

Фёст чем и отличался от Секонда, при их стопроцентной идентичности в момент сработки «гнева Аллаха», что за прошедшее время, пройдя «спецшколу», весьма отличную от Военно-дипломатической Академии, стал совсем другим человеком. Если Секонд когда сознательно, когда на уровне подкорки считал примерами для подражания самого Олега и его верного паладина Чекменёва, то Фёст, человек совсем другого време-

ни и опыта, признавал в качестве единственного авторитета лишь Шульгина. В его отсутствие — Воронцова, но, само собой — несколько иначе. С Дмитрием Сергеевичем контактные точки находились совсем в других областях (или на других уровнях) общения.

И ничего в своей текущей деятельности он по-настоящему не принимал всерьёз. Так, чтобы на костёр пойти, вроде Джордано Бруно. Совершенно не понятно, кстати, из-за чего он был осуждён на самом деле. Уж никак не за пропаганду множественности миров. Точно так же не понимал Вадим и тех, кто резал себе вены по причине якобы измены, якобы — любимой девушки. Подожди с недельку — или то, или другое утверждение окажется ложным.

Сверхцель и сверхзадача, тоже выражаясь известным языком, у него, конечно, были. Только не афишируемые, не метаемые перед свиньями, «дабы они не втолпали этот жемчуг в грязь и, обратившись, не растерзали бы вас». Кому здесь и сейчас стоит вслух говорить об офицерской чести, о величии России, о собственном презрении к таким, как Волович и, главное — его многочисленная паства. Скрываясь, засмеются, отойдут в сторону, как от заразного. Так лучше пусть всё наоборот.

Арбенин, Печорин, поручик Карабанов¹, этот, как его, Сильвио из пушкинского «Выстрела», ещё некоторые почитаемые Шульгиным подлинные и литературные персонажи, переданные Фё-

¹ Герой романа В. Пикуля «Баязет».

сту в качестве образцов для примера (и не подражания даже, а использования их психоматриц в подходящих обстоятельствах), скорее всего поняли бы Фёста.

Ещё Николай Ливитин из «Капитального ремонта» — это уже сам Ляхов выбрал себе в качестве примера. Плохо кончил тот старший лейтенант, обаятельный циник, мастер изящных афоризмов и безусловный патриот — так ошибку совершил: надо было раньше *галс сменить*¹. Пощёл бы к белым — лет сорок бы ещё прожил в гармонии с собственной совестью.

Фёст позволил себе тоже немного расслабиться, оставив на экране картинку острова с птичьего полёта. Налил, наконец, а то всё не до того было, чашку очень крепкого и действительно «геджасского» кофе, из одноименной Йеменской провинции. К нему, безусловно, потребовалась и трубка, неторопливо набитая ароматным и длинноволокнистым табаком «Капитанский», которого сейчас и не достанешь у нас. Отчего-то перестали выпускать, хотя он был, пожалуй, гораздо лучше, чем любые нынешние импортные. Да и те далеко не в каждом магазине купишь, так что проще и удобнее запасаться табаком и новыми трубками тоже в Москве императорской. Там в лавоч-

¹ Здесь подразумевается персонаж романа Л. Соболева «Капитальный ремонт» и одновременно реально существовавший старший брат писателя, после семнадцатого года оказавшийся на советской службе, командовавший артиллерией броненосца «Андрей Первозванный» во время подавления большевиками «мятежа» на форту «Красная горка» в 1919 г., после окончания операции застрелившийся от утрызений совести.

ке на Сретенке, существующей с позапрошлого века, выбор громаднейший, а если серьёзный покупатель чего не найдёт — сделают специальный заказ, из любой точки мира товар доставят в неделю, только плати.

Итак, как вы там назвали, мистер Келли, своего таинственного кукловода — Сарториус?

Будем разбираться.

Звучит красиво, по-древнеримски, у Лема в «Солярисе» есть такой персонаж, но является всего лишь переводом на латынь фамилии Шнейдер, то есть «портной», не больше и не меньше. С Ляжовым в одном классе учился Димка Шнейдерман, но чем Шнейдер отличается от Шнейдермана, Фёст не знал. Разве что национальностью, потому как среди Шнейдеров-Сарториусов попадалось много «фонов» и даже один барон, Георг Сарториус фон Вельтерхаузен, известный историк позапрошлого века.

Всего Шар выдал информацию на несколько десятков хоть чем-то знаменитых Сарториусов, не упустив и лемовского персонажа, который первым делом пришёл Фёсту на память. Но господина с острова среди них не было, что и неудивительно. Если этот псевдоним нигде документально не зафиксирован и ни по каким делам, ранее попавшим в сферу внимания владельцев прибора, тут Шар пасует, каким бы «умным» он ни казался. Ему обязательно нужна конкретная привязка, а иначе он столь же бесполезен, как приёмник «Глонас» или «GPS» при отсутствии в небе спутников. Ну и ещё ряд условий должен наличествовать. Лихарев же не сумел с помощью этого

же самого Шара найти в Москве наркома Шестакова, личность весьма известную, поскольку его собственные излучения полностью перекрывались матрицей Шульгина, параметры которой в памяти аппарата зафиксированы не были, как лица ещё не родившегося и в этом мире *информационного следа* не оставившего.

Вот что-то такое и с господином Сарториусом. Многослойно он, значит, зазкранирован от всяких коллекторов рассеянной информации и селекторов стабильной, человеческих и инопланетных. Но теперь-то он всё же попал в сферу действия прибора «о натюрель», и тот, выражаясь словами персонажа «Момента истины», будет его «качать на косвенных».

Пройдётся по всем упоминаниям этого имени в официальных документах, частной переписке, личных заметках всех без исключения жителей Земли за последние десять лет для начала, с учётом всех возможных искажений при транскрибировании на нелатинские шрифты. Само собой, будут созданы контекстные фильтры, отсекающие все неподходящие варианты.

Одновременно и параллельно Шар сравнит зафиксированную во всех ракурсах и с максимальной детализацией внешность «объекта» с фотографиями сотен миллионов людей, совпадающих по инвариантным, то есть не зависящим от нации, возраста, усилий пластических хирургов параметрам. Прямо с этого момента начнёт отслеживать весьма интересную систему связи его острова с окружающим миром, а там крошечные кусочки мозаики сами начнут цепляться одна за

другую, выстраивая картинку во всей её яркости, объёме и наглядности.

Иногда в очередной раз сталкиваясь с чудесами агрианской науки и техники, Фёст удивлялся, как даже поодиночке производящие очень серьёзное впечатление «пришельцы» (он подразумевал лично ему известных Сильвию, Ирину и Лихарева) всей своей цивилизацией всё же ухитрились потерпеть поражение от весьма отсталых землян, причём якобы известных им психологически и анатомически вдоль и поперёк. Так называемые «этические ограничения» казались ему наскоро придуманной отговоркой. Какая там «этика», если речь идёт о судьбах миллиардов живых существ, не только людей вида «хомо сапиенс» и грандиозного проекта с многовековой историей и безграничными перспективами.

Поэтому он предпочитал думать, что аггров выбили из игры совсем не «братья-первопоходники», при всей их доблести и выдающихся способностях, а совсем другие силы и обстоятельства.

Вот и он сейчас предполагает фактически в одиночку переиграть для начала мировую сверхдержаву со всей её военно-технической и интеллектуальной мощью, и это не кажется ему бредом маньяка вроде инженера Гарина. Он просто имеет перед собой конкретный пример и образец в деяниях старших товарищей, а главное — непоколебимо уверен, что ничуть не хуже Шульгина или даже Новикова сумеет создать нужную мыслеформу для обеспечения предполагаемых действий. Совсем не всеобъемлющую, способную подменить целый реальный мир, а весьма и весь-

ма локальную — чтобы в её пределах какой-нибудь условный «демон Максвелла» послушно и верно распределял вероятности: все благоприятные — тебе, весь негатив — партнёру. Причём с кумулятивным эффектом.

По крайней мере — до сего момента у Фёста, как ему казалось, всё получалось. Он не ставил (до поры) перед собой грандиозных задач, скорее, как хладнокровный и скупой преферансист, играл только по своим картам, не полагаясь на прикуп, и вистовал лишь при четырёх гарантированных взятках. Иногда выходило слишком медленно и немного нудно, зато — верняк.

Может быть, именно поэтому Шульгин перед своим «крайним» уходом дал ему фактически карт-бланш, поручив Воронцову издалека присматривать за «молодым», без крайней нужды не вмешиваясь.

Но мы опять несколько отклонились.

Сарториус, кем бы он ни был и кто бы ему ни покровительствовал, совершил типичнейшую для подавляющего большинства разведчиков ошибку. И не совершить её не мог.

Правильно было сказано каким-то специалистом контрразведывательного дела — «Наши клиенты всегда горят на связи. Либо — на попытках её установить». А как без связи? Хоть ты даже личную, только на тебя и в специальном режиме спутниковую группировку запустил — всё равно радиоволны надолго не спрячешь. Чего-то же другого вроде гравитации или телепатии в распоряжении господина Сарториуса с компанией пока не имелось. Не повезло ему ещё и в том, что Фёст

случайно оказался свидетелем его «радиосеанса», причём оказался во всеоружии. Но не попался бы Сарториус сейчас — спалился бы завтра, потому что Фёст уже настроил Шар на фиксацию всей входящей к президенту и его окружению информации по любым каналам, и исходящей тоже. Так что вопрос был только во времени.

А вот и первые результаты поиска появились на экране прибора. Вадим с радостным удивлением хмыкнул, переключил Шар на принтер — он любил работать с печатными документами — и решил, что первую на сегодня рюмочку коньяка он точно заслужил. Благо и кофе в чашке ещё совсем горячий.

И как раз в этот момент зазвучал гудок вызова, и на соседнем экране (всего в мастерской, где работал Вадим, их было шесть, для разных нужд) появилось изображение Воронцова.

— Приветствую, ваше высокопревосходительство, — изъявил почтительность Фёст. — Вы откуда, проездом из Костромы в Вологду?

— С чего это ты такой радостный? — подозрительно сощурился Дмитрий.

— Да так. День хороший. Вчера Лютенса завербовал, завтра отправлю в Вашингтон с подборочкой интересных документов и предложением, от которого Ойяма-сан едва ли сможет отказаться.

— Это хорошо: А у меня тоже интересные новости. Ну, во-первых, операция с Катранджи завершена, и он с девушками домой возвращается. Тут кое-что случилось, теперь наш друг железно на войну с англами замотивирован, личные

у него причины появились. Представь, когда они его виллу захватывали, вазочку разбили. Вроде ничего особенного, но она, оказывается, прямо из гробницы очередной египетской Нефертити к нему попала. Ценность обозначить — нулей не хватит. И второе...

Фёст видел, что Воронцов тоже весело возбуждён, и едва ли только слuchаем с Ибрагимом. Здесь что-то посерьёзнее.

— Слушаю со всем вниманием.

— Видишь ли, я тут в Замке кое с кем пообщался и, мне кажется, решил загадки и нынешнюю и дней минувших...

— Насчёт чего? — В сердце у Фёста что-то екнуло. Вроде как предчувствие какое-то.

— Насчёт того, кто все подлянки устраивал и без нашего разрешения собственный канал между мирами наладил. Помнишь, как вы с Секондом Затевахина поймали?

Вот он, момент истины, с ликованием подумал Фёст. Теперь он покажет старшему брату, кто есть кто. Как там у Стругацких? «Младший был дурак, естественно, но вот кто был первый?»¹.

— Удивительно, Дмитрий Сергеевич! Просто слов нет! — расплылся в льстивой улыбке Вадим и показал Воронцову только что распечатанную фотографию старца с острова. — Его, случайно, не Сарториус зовут? А то попался мне тут один...

¹ П. Ершов. Конёк-Горбунок: «Было у отца три сына, старший умный был детина, средний был и так и сяк, младший вовсе был дурак».

ГЛАВА
ОДИННАДЦАТАЯ

Воронцов, как он ни умел владеть собой, только что рот не раскрыл от изумления. А Фёст, наоборот, преисполнился хорошо замаскированного самодовольства. Ну как же, самого Дмитрия Сергеевича уел, да как!

— Жаль, что не могу сказать, как Павел Первый прадедушке нашего Владимира: «Ну, Белли, ты меня удивил, так и я тебя удивлю»¹. Но галочку против твоего имени в формулярном списке поставлю. Что ещё успел выяснить?

— Да всё, считайте, и выяснил. Теперь как скажете — можно живьём брать, можно на блесне поводить, если нужно. Меня что больше всего удивляет — он ведь и там и там одновременно живёт. Как думаете, по какой причине?

— А что думать. Пока ты свой сыск вёл, я напрямую с Замком поговорил, молодость вспомнил. Как он меня в сорок первом на фронт провожал... — Глаза Воронцова подёрнулись грустновато-мечтательной дымкой. И не столько отъезд на фронт на броневичке он вспомнил, как первую встречу с Натальей через толстое стекло экрана. — Он мне Сарториуса и разъяснил. Не представляя, что ты до того же докопаешься... Понятное дело, ты лицо заинтересованное...

¹ В 1799 г. русский десантный отряд в 500 чел. штурмом взял Неаполь, обороняемый 10 тыс. французов. За этот подвиг Павел Первый наградил капитан-лейтенанта Белли орденом Анны 1 степени (по другим данным — орденом Андрея Первозванного) и пожизненным пенсионом в 300 руб. годовых. В любом случае — награда адмиральского уровня.

— Ещё бы. — Фёст скривился, вспомнив, как пришлось тогда по Москве под пулями побегать.

— Однако талант не отнимешь, не отнимешь... Может, тебя вместо Мятлева в министры ГБ двинуть?

— Увольте, Дмитрий Сергеевич. Я лучше по-прежнему, в частном порядке. Да, кстати, Сарториус же подождёт. В ближайшие сутки точно никуда не денется. Кроме того, с ним «с лёгким сердцем» разговаривать желательно, так думаю. А мне другую проблему решить не терпится, и с сердцем по-любому тяжёлым... Поприсутствуете?

Воронцов посмотрел на Вадима понимательнее. Да, кажется, парень нешуточно вздёрнут. Только что весел и искромётен был, а сейчас вдруг — помрачнел не по-хорошему. Что же такое могло случиться? Не с Людмилой ли что? Нет, в этом случае он бы сразу сказал, да и не начал удачливого частного детектива изображать, демонстративно переигрывая. Из другой оперы что-то, но доставшее его до печёнок, что называется.

Дмитрий сделал понимающее лицо.

— Отчего же нет, если обещаешь, что интересно будет. Мне перейти?

— Переходите, конечно, чего уж... У нас после разговора с Сарториусом другие возможности появятся, не такие рисковые...

— Да они и сейчас есть, — продолжил Воронцов, и, не включая привычной рамочки вокруг превращаемого из «окна» в «дверь» экрана, просто шагнул вперёд, словно через полосу разделяющего их тумана. Фёст мельком успел увидеть

за спиной адмирала обстановку его кабинета и вот — нет ничего. Воронцов стоит рядом с ним, а позади — полки с аппаратурой и бессмысленно мерцающее бельмо экрана.

— Видишь, и так можно, если Замок разрешает. Твой Сарториус этой же схемой пользуется. Так как — здесь говорить будешь, или в комнаты пойдём?

— Лучше бы в комнаты. В кабинет Шульгина...

. В кабинете Фёст указал Воронцову на кресло за письменным столом.

— Сюда садитесь. Я — рядом. Трибунал у нас будет. Выездное заседание...

— Во как! А третий? Без третьего члена нельзя, — вспомнил Дмитрий петровское ещё «Уложение».

— Будут.

— А судить кого? — Воронцов насторожился. Уж не поехала ли крыша у «кандидата». Гражданских с улицы он вряд ли хватать станет, а из тех, кто в его окружении... Кроме как на валькирий у него власти не хватит.

— Так, волонтёра одного, — неприятно дёрнул щекой Вадим, и Воронцов узнал ещё одну характерную примету Шульгина. Да, многому Сашка успел за три года парня научить. Про аналога-Секонда всё время речь, а аналог вот где — поколением позже появился, шульгинский, естественно. Не получилось у него сына родить и воспитать, на Ляхова всё неотреагированные эмоции перебросил.

Фёст закурил, потом позвонил в настольный серебряный колокольчик, как в девятнадцатом веке принято было.

Почти сразу же появилась Людмила в легко-мысленном домашнем. Увидев Воронцова, ойкнула и словно бы засмущалась.

— Волович в квартире? — непривычно жёстким голосом спросил Вадим.

— У себя был. А что?

— Второе — лишнее. Переоденься в форму, Герта пусть тоже. Будете готовы — *введите!* — сказано было едва ли не с лязганьем камерного засова.

Вяземская сделала большие глаза.

— Что-то не так? — Она подумала, что поведение Вадима связано с проведённым ею с Гертой допросом.

— Выполняйте, капитан!

Воронцов видел, что Ляхов сам себя *накручивает*, приводит в *должное* состояние, и подумал, что кое-кому сейчас станет очень не по себе. Он и сам так умел, но за Ляховым таких склонностей не замечал. Опять Сашкины замашки.

Людмила исчезла, тоже весьма озадаченная.

Фёст достал с барной полки книжного шкафа бутылку французского коньяка. Дмитрий подумал, что он сейчас нальёт, но Вадим не сделал нужного движения. Просто пояснил:

— У французов перед гильотиной рюмку наливают и закурить дают.

В подтверждение раскрыл настольную коробку на сотню папирос, развернул её «от себя».

— Что-то серьёзное ты затеваешь, — демон-стрируя непричастность, заметил Воронцов.

— Сообразно обстоятельствам...

Через три минуты дверь без стука распахнулась и Людмила с Гертой, в строевой форме офицеров здешней армии, вошли, деликатно подталкивая перед собой Воловича. Несколько заспанного.

— О, Вадим, привет! — деланно-радостно взорвал тот, увидев на столе бутылку, но испытывая в то же время смутную тревогу. Пока ничего конкретного, но при наличии совести, грязной, как недельная портянка, подсознательно всего остерегаешься. Даже и предложения разделить дружеское застолье.

— И вам здравствуйте, — кивнул он Воронцову, которого видел впервые в жизни.

— Садитесь там и там, — указал Фёст валькириям. — А ты — сюда!

— В чём, собственно, дело? — с напором, как нередко говорят люди, уже понявшие, что попались, но неизвестно почему продолжающие надеяться, что самоуверенность и наглость могут выручить.

— Да ни в чём, собственно. — Фёст почувствовал, что долго играть избранную роль не сможет. Или пристрелит этого подонка прямо здесь, или... Что «или» — он и сам не знал.

Посмотрел на сидящих девушек — одна возле окна, другая ближе к двери. Представил их с разбитыми насмерть головами или с пулями в

сердце, и без гомеостатов, конечно: эта сволочь их первым делом сняла бы, чтобы обеспечить не только себе вечную жизнь, но и вечную торговлю ею же.

— Твой начальник и куратор Лютенс оказался более честным человеком, чем ты. Подписав договор о сотрудничестве, он немедленно доложил о твоём «проекте», даже не задумавшись, что теряет очень многое, в твоей трактовке, естественно. Что ты дешёвка и продажный писака, я с самого начала знал. Когда мы с тобой познакомились — в две тысячи пятом, кажется?

На Воловича тяжело было смотреть даже Воронцову, видевшему всякое. Полуспущенный надувной слон плюс портрет Дориана Грея в одном лице. Его била дрожь, по лицу струился пот, он пытался что-то сказать, но голосовые связки не повиновались.

Фёст кивнул Герте, и она силой, запрокинув ему голову за волосы, влила между жирными губами стопку «благородного напитка». Половина пролилась на грудь батистовой рубашки, но кое-что попало по назначению.

— Видео вашего сговора у меня есть, но крутить не буду, ты мне на слово поверишь, ведь правда? И насчёт оправданий — заранее заткнись. В таких делах оправданий не бывает. «Законники» таких, как ты, в землю закапывают живьём, турецкие султаны любили на тонкие колья сажать. Понимаешь, почему на тонкие? Сицилийские ребята вообще изобретательны до отвращения. Я, как русский человек, скорее всего тебя бы просто пристрелил. Но ведь смерть — мгновение,

согласен? Аврелий считал, что он со смертью вообще не встретится. Пока он есть, её нет и так далее... Помнишь?

Волович непонятно почему, точнее — зачем, кивнул. Лучше бы возражал, отрицал, провозглашал лозунги, вроде как народовольцы на судах.

— Именно поэтому я тебя кончать не буду. Хоть я и не гуманист. Есть варианты поинтереснее. Ты Лютенса бежать из «этой» страны уговаривал. Беги, никто не помешает. Только не совсем в ту страну.

• У нас, если ты слышал, а не слышал — всё равно, есть и другие параллели, кроме императорской России и «другой Америки». Вот я тебя и пошлю, знаешь куда — в РСФСР товарища Троцкого. В тысяча девятьсот двадцать седьмой год. Там все свои — Лёва Троцкий, Лёва Мехлис¹, Яша Агранов. А куратором над ними — наша Лариса. Мы её попросим, чтоб тебя в советскую печать пристроила. Рабселькором². На соответствующий паёк. Когда к дистрофии приближаться начнёшь, ниже трёх пудов похудеешь — лишние пять фунтов селёдки и пуд картошки подкинут. Проявишь

¹ Л.З. Мехлис (1889 — 1953) — советский партийный и государственный деятель, в начале 20-х — личный помощник Сталина, затем редактор «Правды», нач. политуправления РККА, министр Госконтроля. В описываемой реальности 1927 г. — зав. отделом пропаганды ЦК ВКП(б). В романе Симонова «Последнее лето» изображён под фамилией Львов.

² Рабочий и сельский корреспондент — категория доморощенных журналистов, писавших всякие «актуальные» заметки в партийную прессу без отрыва от основной специальности. Некоторые выбивались в профессионалы на «твёрдой ставке».

себя — попрошу в «Гудок» перевести¹. Там как раз Ильф, Петров, Олеша, Булгаков, ещё интересные люди работать будут. Чудная компания. Про каждого книжку в «ЖЗЛ» напишешь. Только они там народ злой и проницательный — если раскусят — долго не протянешь...

Фёст несколько раз затянулся сигаретой.

— Ту американскую бумажку, что Лютенсу показывал, — себе оставь. Совсем херово будет — в Торгсине² сменяешь на американские «свинобобы»³.

Пока что Волович тупо, именно что половыи, слушал слова судьи. В голове шумело, мысли путались, ничего, кроме «Простите, больше не буду», на ум не приходило. Но соображения хватало понять, что как раз это стопроцентно не поможет.

¹ «Гудок» — орган Наркомата путей сообщения и профсоюза желдорработников.

² Торгсин (торговля с иностранцами) — существовавшая в СССР система магазинов, продающий дефицитные товары за валюту и драгоценности. В отличие от советских «Берёзок», главная задача была не улучшение снабжения отдельных категорий граждан, а именно изъятие иным путём недоступных ценностей. Все магазины находились под контролем ГПУ. Нередко покупатели арестовывались сразу после обмена ветчины, допустим, на золотую десятку, после чего «специалисты» выясняли, есть ли у клиента ещё и где он их прячет. Главу о «Торгсине» см. в «Мастере и Маргарите».

³ Американские консервы «свинина тушёная с бобами». В массовом порядке поставлялись в СССР в виде «гуманитарной помощи» из запасов, сделанных в Первую мировую войну. А. Аверченко в одном из своих фельетонов сообщил, что в них не свинина, а «мясо австралийской человекообразной обезьяны».

Он смотрел поверх головы Фёста, на окно. Там синело небо и мелькали какие-то птички. Ему невероятно захотелось туда, к ним. Показалось — замахай руками, и взлетишь, и растворишься в смальтовой лазури. Это означало, что безумие совсем уже на пороге.

Но тут до него всё-таки дошло, что убивать его не собираются, просто вышлют куда-то. К какому-то Троцкому... Но того ведь, кажется, как раз убили? И это просто эвфемизм — отправить в штаб Духонина, отправить к Троцкому...

И наконец-то вегетативная нервная система от непосильной эмоциональной перегрузки ему отказалась. То есть все сфинктеры¹ расслабились разом. С понятными последствиями.

Даже Фёст, несмотря на медицинское образование, брезгливо поморщился. Людмила, девушка тонко организованная, отвернулась, подавляя отвращение. Только Герта сохранила полную безмятежность. Просто посмотрела на Вадима и чуть приподняла вопросительно бровь.

— Немедленно вышвырни его на ту сторону. Пока на ковры не протекло. В любое пустынное место на окраинах Москвы. Сентябрь двадцать седьмого. Потом займёtesь подробностями. Я всё сказал...

— Ну, ты и садист, — с усмешкой произнёс Воронцов, когда воняющего (в буквальном смысле) журналиста уволокли валькирии. Почти как в

¹ Сфинктер — круговая мышца, запирающая выходные или промежуточные отверстия биологического организма.

скандинавских сагах. Только не павшего, не героя и не к пиршественным столам...

— Да чего садист, Дмитрий Сергеевич, — вроде бы даже обиделся Фёст. — Другой бы убил без разговоров, сапогами запинал! Нет, ну какая сука?! Уж меня бы собрался убить или даже президента — ладно. Издержки классовой борьбы. Но девчонок, что его выходили, кормили-поили — так спокойно приговорить! Ты, мол, их мочи, дядя, а я подстрахую. Нет, от собственного гуманизма меня прямо выворачивает. Его, курву, в сортире бы утопить, а я ему — высылку. И не в Верхоянск, в Москву. НЭП там всё же, «Двенадцать стульев» перечитайте. Освоится, коллективизацию пропагандировать станет, потом, как Ляпис-Трубецкой, стишкы про Гаврилу продавать начнёт. А там вздумает через румынскую границу дёрнуть...

— Не бойся, ОГПУ всегда начеку, не зря ты Агранова вспомнил. Я о другом подумал — это ж такая пройда, что он там сам вместо Ильфа с Петровым романы напишет и прославится немыслимо. Наказали, получается... Первый круг ада, — с подначкой сказал Воронцов, имея в виду известный роман Солженицына..

— Или — рая, — широко улыбнулся Ляхов. — Но я уж постараюсь, чтобы ад раем не показался. Хрен он у меня там что напишет, кроме заметок на четвёртую полосу и заявлений о вспомоществовании в ячейку Дорпрофсожа¹.

¹ Аббревиатура «дорожного отделения профсоюза работников железнодорожного транспорта».

С крайне неприятной проблемой он справился, и ему сразу полегчало на душе. Разбираясь с Сарториусом и Ойямой будет куда проще.

Господин, назвавшийся Сарториусом, отключил свой, условно говоря, «телефон», одновременно включая систему дополнительной страховки от несанкционированных контактов. Ему незачем было вникать в тонкости современных компьютерных технологий, он просто знал, что любой адресованный ему вызов даже при наличии всех хаотически меняющихся паролей и кодов доступа *прямым путём* на его аппарат прийти не сможет. Так же, как не может быть запеленгован и перехвачен, поскольку для любого непосвящённого он вообще как бы не существует, как не существует вообще вся используемая их организацией система связи. В привычном для нашего времени и технического уровня понимании. Не нужно забывать, что сигнал из одной реальности, даже тщательно отслеживаемый, непременно на границе с другой просто исчезнет. А в другой возникнет ни откуда и тоже запеленгован быть не сможет, как не имеющий локализованного источника.

Фёст перехватил разговор Сарториуса с Келли только потому, что «сел на волну» межпространственного передатчика, работающего почти по той же схеме, что левашовская СПВ.

Если есть желание и очень много денег, сегодня можно не только придумать, но и воплотить в жизнь самые, казалось бы, фантастические идеи, лишь бы они не нарушали основных принципов и законов природы. Тоже известных в настоящее время.

Как в известном фантастическом рассказе — нескольким изолированным друг от друга группам учёных показали документальный фильм об испытании антигравитационного летательного аппарата, сообщили, что его создатель погиб, не оставив технической документации, и предложили, ни в чём себя не ограничивая, попытаться воспроизвести это изобретение.

В итоге у одной из групп получилось, а остальные, хоть и не достигли цели, по ходу дела сделали несколько грандиозных прорывных открытий в разных областях науки и техники.

Сарториус (будем считать его если не официальным единоличным главой своей организации, или, точнее — «Клуба искателей странного», то генератором идей и одновременно, выражаясь кинематографическим языком — «директором картины») по этому же примерно принципу искал и находил во всех концах света талантливых людей из разрядов «сумасшедших изобретателей» и «непризнанных гениев». Если бы тридцать лет назад ему подвернулся Олег Левашов и они нашли общий язык — трудно даже представить, как выглядел бы сегодня наш мир. Одно дело — собирать первую СПВ-установку в домашней мастерской, в свободное время и на личные, довольно-таки скучные средства (благо с работы тогда можно было таскать радиодетали и прочие расходные материалы в почти не ограниченных количествах, попутно придумывая, чем их можно заменить там, куда они первоначально предназначались), и совсем другое — делать её же на базе той же «Интернэшнл телефон энд телеграф

компани» с неограниченным финансированием и технической поддержкой всех её КБ и экспериментальных цехов.

Так что, пожалуй, человечеству очень повезло, что Левашов не имел привычки писать статьи в научные и научно-популярные журналы, даже в рубрики типа «Маленькие хитрости» и «Домашнему мастеру на заметку». А то мир и сам изобретатель со своими друзьями пошли бы совсем в другую, чем в нынешнем варианте, сторону.

Зато Сарториусу повезло в другом — ему вовремя встретился господин Боулнайз, за сравнительно незначительные ответные услуги посутивший власть над миром и снабдивший чертежами и схемами немыслимых до того устройств.

В результате уже больше трёх лет Сарториус и компания были уверены, что владеют техникой и методиками, столь же далеко ушедшими от нынешних, как цифровое телевидение двадцать первого века от радиовещания тридцатых годов прошлого.

Только, к глубокому изумлению и разочарованию Сарториуса, первая попытка захвата власти над двумя реальностями провалилась самым жалким, унизительным образом. Сам он так и не осознал причин своего провала, а Арчибалд Боулнайз тоже никак его не объяснил. Видимо, Замок не счёл нужным давать отпочковавшемуся от него андроиду слишком много степеней свободы. И тот словно бы «не заметил» вмешательства в свою игру «Андреевского братства». Они с Сарториусом и всей его организацией до сих пор подходили к проблеме совсем не с той стороны.

Сарториус положил в ящик стола трубку «телефона», вернулся к увитой тропической зеленью балюстраде, отделяющей край террасы от трёхсотметровой бездны, на дне которой (каламбур, однако) накатывались на рифы нешуточные волны. Даже сюда доносился едва ли не пушечной силы грохот, когда особо мощная волна, без помех разогнавшаяся прямо от берегов Антарктиды, обрушивалась на отполированный бесчисленными миллиардами таких ударов базальт.

Место не для слабонервных. Некоторые дамы, а иногда даже и мужчины, время от времени бывавшие здесь в гостях, подойдя к краю площадки и взглянув вниз, испытывали дурноту, головокружение и все прочие признаки страха высоты. Здесь она была на той грани, когда воспринимается именно как высота реальная и смертельно опасная. Если человек поднимается выше, преодолевается определённая психологическая граница и взгляд под ноги уже не вызывает ужаса. Как из кабинки самолёта или с вершины горы.

А от порога дома, с его веранд и балконов, и плоской крыши тоже, над которой сплошным куполом смыкалась листва четырёх росших по углам зонтообразных деревьев, береговые обрывы не были видны, только безбрежный океан во все стороны света. Ни единого островка вокруг, да и какие-либо суда появлялись в поле зрения хорошо если раз в несколько месяцев. Такой вот удалённый от всяких «голубых дорог» район. Контейнеровозы и танкеры теперь ходят неизменными, как рельсовые пути маршрутами из А в Б, охраняемые военными кораблями морских дер-

жав, круизные лайнеры предпочитают более цивилизованные, богатые достопримечательностями и безопасные места севернее экватора. Богатые яхтсмены, в отличие от своих предшественников иных времён, не любят удаляться от цивилизованных мест дальше, чем на суточный переход: пиратство в этом мире развито куда шире, чем в шестнадцатом веке или во времена египтян и финикийцев — сказывается уровень технического развития и многочисленность не желающего честно трудиться населения «свободных от цивилизации» стран.

И воздушные лайнеры здесь не летают, да и в любом случае с борта «Констеллейшена», летящего раз в неделю на десятикилометровой высоте из Токио в Веллингтон, именно этот островок разглядеть крайне малореально, не то чтобы постройки на нём.

«Стопроцентное одиночество и вечный покой гарантированы», можно было бы писать в рекламных проспектах, вздумай хозяин организовать здесь эксклюзивный морской курорт. Что верно, то верно, особенно второе.

Хотя никаких причин так уж дорожить своей уединённостью и тайной местонахождения господин Сарториус не имел. Права владения островом оформлены по всем международным законам и правилам, строительство на нём «бунгало» — тоже. А властей, которые захотели бы познакомиться с новым лендлордом и «соотечественником» поближе, просто не существовало в природе, как «де-юре» и самого острова, и информации о нём в каких угодно архивах. Та-

кой вот парадокс — земля ни по каким учётам не проходит нигде, но в случае необходимости права собственности на неё подтверждены на любых уровнях.

Но это ещё не главная особенность острова. Само по себе домовладение и прилегающая территория были невелики, с их обслуживанием справлялись не более двух десятков слуг и технических специалистов, охрана же была фактически не нужна. Разве что в плотную подойдёт чайто авианосец и, пренебрегая священным правом собственности, вздумает высаживать на вершину вертолётный десант. Так в этом случае что десяток охранников, что тысяча — всё едино.

Слава богам, за всё время, что Сарториус тут обитает, подобных инцидентов не случалось. В этой реальности, по сравнению с ГИП, флоты стран ТАОС без крайней необходимости в малоосвоенных местах не болтаются, и понятия «сфера жизненных интересов» до сих не существует. Моря свободны, а ненаселённые земли принадлежат любому, кто водрузит свой флаг и немедленно займётся (это обязательно) хоть какой-нибудь хозяйственной деятельностью. Иначе земля по-прежнему ничья, хоть всю её флагами утыкай.

Но вообще-то заинтересуйся кто-нибудь этим «приютом уединения» всерьёз, захвати единственно возможным способом вершину и начни кропотливое исследование, многое и многое здесь повергло бы любого человека в глубокое изумление.

Неизвестно, каким образом узнал господин Сарториус (или кто-то из его предшественников), что островной конус, одна из самых высо-

ких точек миллионы лет назад скрывшегося под водой горного хребта, был некогда действующим вулканом. Сама вулканическая деятельность в те же незапамятные времена прекратилась, то ли навсегда, то ли «до особого распоряжения», оставив за собой горное образование, пронизанное внутри, кроме ствола центрального кратера (на поверхности давно исчезнувшего), огромным количеством штолен, штреков, лавовых ходов и карстовых пустот всевозможной протяжённости и диаметров, будто источенный до кружевного состояния древесный пень, сохранивший лишь внешнюю форму.

Неизвестно, какими специальными методиками пользовались геологи и географы, состоявшие на службе у «Клуба», но остров Сарториуса был далеко не единственным на сверхсекретных картах Мирового океана. На текущий момент было обнаружено и освоено аналогичным образом почти четыре десятка похожих артефактов, расположенных по преимуществу южнее экватора по всей его протяжённости. Впрочем, были и в Северном полушарии, и не только на океанских просторах, в сухопутных горных массивах подобные структуры тоже встречались, но в местах исключительно труднодоступных: в Тибете, например, в Андах, на Памире.

Нет нужды рассказывать о каждом из них, достаточно и безымянного островка Сарториуса, чтобы получить представление обо всех прочих. Все они были не уединёнными приютами отшельников-анахоретов вроде жюль-верновского капи-

тана Немо (а остров Сарториуса всем, кроме размеров, весьма напоминал остров Линкольна), а скорее неким подобием островка Бэк-Кап, описанного тем же автором¹.

Бэк-Капом, как помнят те, кто читал роман или хотя бы видел пародийный чешский фильм², имевший грандиозный успех полвека назад, владел некий пират и авантюрист Керр Карадже. Вот как характеризует его великий фантаст: «Человек небывалой отваги, один из тех смельчаков, которые ни перед чем не отступают, даже перед преступлением, почему и пользуются неограниченной властью над людьми с необузданными страстями и дурными наклонностями. Имя Керра Карадже произносили с отвращением и ужасом, ибо оно принадлежало существу легендарному, невидимому, неуловимому»³.

Господин Сарториус отличался от Керра Карадже (он же — граф д'Артигас) тем, что имя его было практически никому не известно, прочие же характеристики вполне совпадали, разве что ужасный пират был личностью куда мельче пошибом, с достаточно примитивными, на уровне середины XIX века, воображением и потребностями. О возможностях и речи нет, тут — никакого сравнения!

¹ См. роман Ж. Верна «Флаг родины».

² «Тайна острова Бэк-Кап» — фильм, совмещавший мультипликацию по оригинальным гравюрам к первому изданию романа и игровые сцены, снят в 1958 г.; в советском прокате 1961 — 1962 гг. Режиссёр Земан.

³ «Флаг родины», стр. 627. М. ГИХЛ. 1957 г.

Внутренние полости островка и связывающие их тоннели, коридоры и прочие переходы в сумме составляли, по расчётам инженеров, не меньше одной десятой общего объема острова, а это колоссальная величина, примерно триста миллионов кубометров. Причём только в надводной части. Для сравнения можно представить, что объем всех тоннелей московского метро — меньше пяти процентов этого числа. Не зря Перельман в своей «Живой математике» настойчиво внушал юным читателям, что их представления о мире «больших чисел» применительно к творениям человеческих рук и природным объектам поразительно отличаются от реальности.

Разумеется, большая часть внутриостровного пространства, образовавшегося на протяжении целых геологических эпох под воздействием вулканических и иных процессов, была недоступна для исследователей, в силу своих размеров и топографии. Но и тех полостей, куда можно было без особого труда проникнуть с вершины, хватало, чтобы разместить там средней величины подземный город со всей необходимой инфраструктурой.

Самое главное, кроме всякого рода полезных ископаемых, вроде выходов каменного угля, разнообразных руд и даже жильного золота, внутри острова в изобилии имелась пресная, великолепной чистоты вода, наполнявшая через естественные артезианские скважины целую систему подземных озёр и ручьёв, образующих местами поразительные каскады водопадов.

А грандиозные анфилады многоуровневых залов, галерей и коридоров своей нечеловеческой красотой превосходили самые известные и популярные среди туристов пещеры мира.

В такое трудно поверить, как и вообще в очень многие причуды природы. Кто при взгляде на сравнительно невысокие прибрежные горы и холмы Абхазии мог бы вообразить, что под ними скрывается колоссальная Новоафонская пещера, считающаяся, в свою очередь, весьма и весьма скромной в сравнении со многими другими.

Господин Сарториус сразу же смог оценить реальную, «потребительскую», как сказал бы Маркс, стоимость доставшегося ему почти даром сокровища.

Зато вложения, сделанные им в оборудование острова за последние тридцать лет, значительно превосходили годовые бюджеты многих вполне развитых государств, хотя и не шли в сравнение с бессмысленными расходами на вооружение тех же Соединённых Штатов, да и СССР, если по мировым ценам считать.

В результате получилось убежище, вполне способное на неограниченный срок разместить с комфортом несколько тысяч человек на случай тотальной ядерной войны или любого другого катализма типа падения на Землю приличного астероида (кроме прямого попадания, само собой). Лишь бы вообще уцелела земная биосфера. Несколько лет «ядерной зимы», к примеру, пережить можно было бы спокойно, особенно учитывая крайнюю удалённость острова от любых

объектов потенциального радиоактивного поражения.

В громадном гроте, метров пятьдесят высотой и три сотни в диаметре, расположенным на уровне моря и соединённом с ним подводным тоннелем, спокойно размещалось у пирсов несколько транспортных подводных лодок и даже две боевых, с хорошим торпедно-артиллерийским вооружением. Не считая специально сконструированных комбинированных подводно-надводных каботажных судов. Так что и здесь не ошибся в своих предвидениях Жюль Верн, описывая и остров Линкольна и Бэк-Кап, хотя уж откуда ему, казалось бы, никогда не выходившему в море дальше прибрежных вод, знать о «тайнах двух океанов».

В случае тех событий, на которые Сарториус и его соклубники рассчитывали, то есть глобального катаклизма, могущего разрушить весь теперешний миропорядок, имевшиеся на каждом из островов-убежищ флоты должны были обеспечить и связность уцелевшей инфраструктуры, и возможность использования уцелевших ресурсов остальной Земли. В том числе заниматься промышленным рыболовством и использованием иных ресурсов океанов, которые очень мало пострадают при наземном конфликте почти любой интенсивности.

Кроме уже готовых жилых помещений, складов, мастерских, наимодернейших систем жизнеобеспечения, рассчитанных, как уже было сказано, на комфортное проживание нескольких тысяч «избранных первого разряда», вчерне

были готовы уровни, предназначенные для совсем других категорий обитателей. «Нечистых», выражаясь языком Библии. «Второй разряд» — в него должны были войти квалифицированные рабочие, рядовые инженеры, обслуга всякого рода, кандидаты в будущие свободные фермеры и «вольные землепашцы», к которым теоретически относились рыбаки, охотники, старатели, просто профессиональные организованные мародёры.

И наконец, «третий» — не то чтобы совсем рабы, но что-то очень близкое по статусу — сервы, колоны, крепостные, как хочешь назови — одним словом, плебс всех разрядов, на которые их делили в древнеримском обществе. Но и они должны были состоять из особей генетически безупречных. Ведь пополнять, в случае чего, убыль представителей «высших каст» придётся за их же счёт, больше неоткуда. Да и наложниц себе феодальные сеньоры, русские помещики и американские плантаторы-южане находили в этих же слоях, пресытившихся чересчур узким кругом женщин, равных по положению, да вдобавок ещё и свободных от брачных уз.

В общем, продумано всё было наилучшим образом. На сооружение таких вот убежищ по всему миру десятилетиями тратились гигантские суммы, стерилизуя таким образом львиною долю всей обращающейся в мире «чёрной наличности», которая в противном случае грозила бы обрушить мир в новую, не в пример более страшную «Великую депрессию». Целые отрасли производств по

всему миру тоже работали на этот проект, даже не подозревая об этом, потому что ещё одна «индустрия» возникла тут же — одновременно логистический центр и высокоспециализированная служба безопасности, защищая тайны, о которых сама не имела стройного представления.

Забавнее всего, как уже было сказано, было то, что очень ко многим делам, связанным с «Клубом искателей Странного» (так организация называлась в имперской реальности) и «Обществом озабоченных гуманистов» с «Хантер-клубом», сам Арчибалд приложил руку в бытность свою господином Боулнайзом. Что сейчас позволяло организовать несколько интересных вариантов той бесконечной игры, что ведут между собой всевозможные спецслужбы, начиная с времён столь же давних, как и история праотца Ноя с его ковчегом, «чистыми» и «нечистыми».

Самое главное, что больше всего заинтересовало и Фёста и Воронцова — это проявление в лице господина Сарториуса и очередного «аристократического клуба», весьма склонного (как и его предшественник, если не сказать — дублёр «Хантер») к *неуставной деятельности*. Не есть ли они (и люди, и клубы) — то ли первичные по отношению к ним, то ли вторичные — проявлениями как раз той «третьей силы», которой в своё время так опасались агрианские резиденты.

Вполне ведь можно представить, что все же Игрохи, разочаровавшись в своих же «послушниках» (то есть в «Братстве» как в таковом),

решили вывести на доску, на сцену, на беговую дорожку — как угодно можно сказать — новых персонажей. Удовлетворяющим каким-то там неведомым «критериям отбора». Чтобы или вообще заменить прежние фигурки на новые, повыше качеством, оставив саму шахматную доску и число клеток на ней в неприкосновенности, или просто в очередной раз *обострить партию*, введя по ходу дела дополнительные факторы, фигуры и расширив *пространство маневра*. До ста двадцати восьми клеток, к примеру.

— Ну да, Дмитрий Сергеевич, опять вы мне напомнили всё те же «Записные книжки»: «Вести в известную пьесу новое лицо, которое перевернёт все действие».

— Почему бы и нет. В конце концов, там же сказано: «Всё, что вы написали, пишете или только собираетесь написать, давно уже написала Ольга Шапир, которая издавалась в Киевской синодальной типографии». Так что я не уверен, имеет ли смысл ждать от каких-то там, пусть и потусторонних существ, действительно оригинальных поступков. Если признавать существование Бога и богоодхновенность Библии, так и на них должно распространяться: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и ничего нет нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: «смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас»¹.

Разговор как бы сам собой скатился всё на те же рельсы, как и почти каждый, что начина-

¹ «Екклесиаст». Гл.1, 9 – 10.

ли между собой «братья» и даже посторонние люди, попадавшие в их орбиту, если, конечно, были способны на это. Впрочем, с неспособными не слишком-то и разговаривали. На каждый тезис тут же выскакивал антитезис, далеко не всегда приводя при этом к «синтезу», и цитаты появлялись сами собой, иногда для подтверждения собственной мысли, иногда — для замены её чужой, более удачной формулировкой, а нередко — просто так, на манер джазовой аранжировки известного созвучия. Хотя и на этот случай немедленно находится очередная мудрость: «Глупейший человек был тот, который изобрёл кисточки для украшения и золотые гвоздики на мебели».

— А если данные «потусторонние персонажи» не входят в круг интересов *нашего* Бога и сами воспитаны в иных традициях, то их решения могут оказаться весьма и весьма оригинальными, — предположил Фёст.

— Едва ли. Существа с принципиально иной логикой и способом восприятия мира находят себе более понятные им «шверпункты»¹. А раз они лезут в человеческие дела, используя человеческие методики, то мы с ними достаточно верно понимаем друг друга.

¹ Шверпункт — в военном значении «точка обороны», или, широком смысле, место приложения максимальных сил как наступающими, так и обороняющимися. Иногда — без реального смысла. Сталинград, например, можно считать «шверпунктом» всего Восточного фронта в 1942 г. Верден — Первой мировой.

— Очень хорошо. Значит, теперь стоит подумать, как эту «хохмочку с яйцами» использовать в наших целях. Что-то мне чутьё подсказывает — эти ребята могут, сами того не подозревая, сделать за нас львиную долю работы. Причём — ко взаимной пользе.

И опять, усмехнувшись, Воронцов изрёк очередную истину, почерпнутую в тех же «Записных книжках»: «Учтите, что бы вы ни делали, вы делаете мою биографию».

— Совершенно верно, Дмитрий Сергеевич. Сюда же и Пруткова можно приспособить, только не хочу повторяться.

— Вот и я так же думаю. А то слишком долго мы непрерывно со всеми подряд конфронтировали. Стоило мне с Антоном а Андрею с Ириной познакомиться — и понеслось. И, ты будешь смеяться, опять у меня цитатка подходящая напрашивается. Не побьешь?

— Да за что же, если незатёртая и к месту. Давайте...

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью.
Но мы попробуем спаять его любовью.
А там посмотрим — что сильней», —

с выражением прочитал Воронцов.

— Интересно. И кто же это? Что-то вертится в голове, а не вспомню с ходу.

— Тютчев. Говорят — второй на самом деле русский поэт, после Пушкина, только недооценённый.

— Очень возможно. А откуда строфа — я вспомнил. Это Пикуль. «Битва железных канцлеров». Там Горчаков с Тютчевым о Бисмарке говорят...

— Примерно так. Я всегда говорил, что зря нынешнюю молодежь хают всячески. Ничем вы не хуже нас, просто другие немного. Я это к чему вспомнил, Тютчева в смысле. С Ибрагимом нашим, Катранджи, сумели мы без шума и драки наладить вполне человеческие отношения, которые крепнут с каждым днём. Особенно если ещё именно этой самой любовью, матrimониально то есть, наш союз скрепить. С Арчибальдом всё образовалось. Так чего же теперь этого романтично настроенного господина Сарториуса не привлечь под свои знамёна? Негласно пока, разумеется, но так всё сообразить, чтобы эти самые «межимпериалистические противоречия» он до крайнего предела довёл, а уж насчёт «Coup de Grace»¹ мы сами озаботимся...

Фёсту было сейчас очень приятно смотреть на адмирала. Он словно помолодел лет на десять, и в глазах мелькали столь редко там последнее время появляющиеся чёртики. Явно только что высказанная им идея ему самому нравилась. А главное — она должна была осуществляться в пространстве «реальных возможностей», без привлечения каких-то потусторонних сил. Клинок против клинка, и ничего больше.

¹ «Удар милосердия» — удар кинжалом, именуемым «мизерекордия» (особо тонким, проходящим в стыки латного доспеха), прекращающий страдания смертельно раненного или не желающего сдаться поверженного рыцаря.

Не раз Фёста удивляла избранная Воронцовым позиция. Не то чтобы «над схваткой», а как бы немного «сбоку». Он понимал, конечно, что Дмитрий — человек несколько другого типа, чем остальные «братья». И по воспитанию, и по отношению ко всей этой истории с агтрами и форзелями вообще.

То, что он придумал «Валгаллу» в качестве особой, в своём роде экстерриториальной базы «Братства» уже сыграло и будет дальше играть свою и стабилизирующую, и морально укрепляющую роль. Но самому вечно изображать «Летучего голландца», который уже год скитаться по морям вроде бы и без цели, воплощая собой мэхэновскую теорию «Fleet in being»¹ — должно было бы уже и надоест. Впрочем, ведь никто точно не знает — чем именно занимается Воронцов в те промежутки времени, когда он предоставлен самому себе, имея в своём распоряжении всю техническую базу «Братства», да ещё и какие-то свои личные отношения с Замком, наверняка существующие, хотя бы потому, что рядом с ним всегда жена Наталья Андреевна, тоже ведь по сути являющаяся неким подобием Арчibalьда...

Фёст поймал себя на том, что сейчас уподобился деятелям сталинского, и не только сталинского времени, с глубоким подозрением относившимся ко всем, кто «был в плену, на ок-

¹ Теория, утверждающая, что хороший военный флот оказывает воздействие на мировую политику самим фактом своего существования, даже в мирное время.

купированной территории, за границей». Причём не важно, по какой причине человек за этой границей побывал, в качестве эмигранта или в служебной командировке по линии даже и самого НКВД. Штирлица вон тоже после войны посадили, может быть, даже и правильно. Мало ли, что ты там какие-то задания руководства выполнил, главное — ты двадцать лет в РСХА работал, до штандартенфюрера дослужился, то есть, по сути, фашист похуже какого-нибудь полицая с тремя классами образования.

И не в том дело, что Ляхов подозревал старшего товарища в каких-то неблаговидных деяниях или интригах — ему просто хотелось знать о нём как можно больше, в том числе и об «обратной стороне Луны».

И вот теперь вроде Дмитрий Сергеевич решил тряхнуть стариной, лично поучаствовать в новом непростом деле. Как раз ему по уму и характеру. Никому при этом до конца не раскрыв своих планов.

Вообще открытие Фёста, подкреплённое полученной из Замка подробной и точной информацией, — именины сердца для конспирологов всех мастей, если бы они о нём узнали, конечно. Оно отвечало запросам и теоретическим построениям кого угодно — поклонников теории заговора «сионских мудрецов», адептов возрождения ордена розенкрейцеров или тамплиеров, и более рациональных сторонников абстрактно понимаемой,

воплощающей все непознанные нюансы политической истории «мировой закулисы».

Даже коммунисты обрадовались бы, получив подтверждение марксистско-ленинской теории об империализме, как высшей стадии капитализма, загнивающего, катящегося в пропасть и так далее. Но, самое интересное — так оно и было на самом деле. То есть вся деятельность организации господина Сарториуса, представлявшей (наряду с «Хантер-клубом») ещё как минимум два тайных нервных узла пресловутой, существующей в разных видах чуть ли не от начала времён «Системы» (глиняные таблички с докладными её агентов найдены даже при раскопках таинственного города Ур), была развернутым ответом на вопрос: «А что делать дальше?» И каждая историческая эпоха, каждый фазовый переход приносили на него новый ответ.

В шестидесятые годы у думающих студентов, успевших на первом-втором курсах овладеть основами диалектики, был очень в ходу вопросик, позволявший капитально отвлечь преподавателей от темы очередного семинара: «А что будет после коммунизма?» Вопрос, инспирированный не какими-нибудь «западными голосами», а лично Никитой Сергеевичем, только что объявившим дату наступления означенной формации, как бы и окончательной, поскольку о каких-то других только Ефремов смутно намекал в «Туманности Андromеды». Так что тогдашние советские студенты, хоть и валяли дурака, но сильно предвосхитили господина Фукуяму с его «Концом истории».

С коммунизмом разрешилось как-то само собой, остался империализм, и вопрос теперь касался уже его исторической судьбы.

Любой нормальный человек, наделённый мыслительными способностями, знанием мировой истории и умением строить силлогизмы и находить аналогии, отлично представлял, что и без всяких коммунистов крах «последней эксплуататорской формации» неизбежен, как солдатский дембель. Смешно же представить, что так и будут столетие за столетием бегать по кругу, как карусельные лошадки, «ежедневно и ежечасно», как писал товарищ Ленин, «порождая капитализм». Темпы исторического прогресса, как известно, всё ускоряются, словно бы сами по себе, и столько времени, как первобытно-общинному или рабовладельческому строю, капитализму никто не даст. Что-нибудь с ним обязательно случится, причём, судя по множеству признаков, в самое ближайшее время.

Произойдёт ли на очередном витке диалектической спирали новая социалистическая революцию, теперь, в полном соответствии с теорией, не в отсталой аграрно-феодальной России, а в самых передовых странах Запада? Возникнет ли новая, непредставимая сегодня даже фантастами формация? Или, как многие предсказывают, мир таки опрокинется в пучину новых «тёмных веков»?

Люди из команды Сарториуса, сами или с чьей-то помощью заблаговременно, как им казалось, нашли ответ на вопрос, чем почти сравнялись на данном историческом этапе с неза-

служенно, в общем-то, охаянными Марксом и Энгельсом и их «историческим материализмом».

Как писал философ-марксист Дж. Кьеза: «Эти «хозяева Вселенной», владельцы международной финансовой структуры имеют не только богатства, но и власть. Деньги, которые они напечатали — 200 триллионов долларов, — ничем не обеспечены, это пустышки. Эти властители живут на высочайших этажах большой башни, у них обзор, оттуда они видят, наблюдают лучше, чем мы».

Всё правильно написал философ, только сам не осмелился или не сумел заглянуть ещё дальше, чем позволяла ему его парадигма, поскольку дальше решил, что: «Эти люди видят, что наступает гигантский кризис. Ищут выход. Но у них нет стратегии, нет понятия, а как строить мир? Сегодня мы живём в полном хаосе».

А вот умнейшие из «хозяев» попробовали, сразу уподобившись первооткрывателям «исторического материализма». Они тоже нашли устраивавший их выход из абсолютного тупика, куда непременно вёл, по всем теоретическим выкладкам, нынешний, да и любой из возможных вариантов капитализма. Идея какого угодно «нового социализма» вызывала у них естественное, как к каннибализму или инцесту, отвращение. Мысль о пресловутом «равенстве», даже хотя бы только перед законом, а уж тем более «социальной справедливости» — это же ересь и извращение всех основ мироустройства. Если бы бог (боги) любой из религий захотели сделать людей равными, они так и поступили бы с самого начала, избавив че-

ловечество от истории, литературы, вообще культуры. То есть даже пресловутая размолвка Каина с Авелем не могла бы случиться в случае «равенства» двух братьев, что в глазах друг друга, что перед богом.

Поэтому наиболее простым и надёжным способом возвращения человечества в его естественное состояние, а мира как такового — к вечной стабильности (то самое пресловутое «прекращение истории», только всерьёз) был признан неофеодализм. То есть самый обычный, европейского типа эпохи расцвета, но с использованием на старом базисе всех действительно полезных правящему классу достижений современной науки и техники¹.

Здесь нет времени и места излагать достаточно стройную и сложную теоретическую основу «будущего общества» и большую часть мер, которую планомерно, последовательно и неторопливо, едва ли не в стиле тропического ленивца осуществляли его основоположники и идеологи в течение последних сорока уже с лишним лет. Имеется достаточное количество с большим мастерством написанных и глубоко засекреченных теоретических трудов и вполне практических ин-

¹ Феодализм — вторая в истории человечества эксплуататорская общественно-экономическая формация, характеризующаяся двумя главными признаками — монополией правящего класса на земельную собственность вместе с производителем и внешнеэкономическим характером присвоения прибавочного продукта. Период существования — V — XV вв. н.э. (в Европе). «Расцвет» ф. условно относят к XI — XV вв.

структур, вроде лютеровских или ленинских «тезисов».

Самое интересное, люди, первыми пришедшие к этой идеи и начавшие её воплощать — были своеобразными бескорыстными романтиками. Все они («руководящее и направляющее ядро» организации числом менее сотни человек и «второй эшелон» — примерно около тысячи) сосредоточили в своих руках столько экономических и политических ресурсов, что не нуждались вообще ни в чём. Контролируя реальный и виртуальный капитал в триллионы долларов, евро и заменяющих их «деривативов», а через транснациональные корпорации и «агентов влияния» — целые группы государств (тот же Евросоюз, к примеру) они давным-давно не нуждались абсолютно ни в чём. Все существующие в мире вещи были им доступны, а несуществующие всегда можно приказать придумать и изготовить. Способов, позволяющих съедать и выпивать больше того, что позволяет емкость желудка, наука так и не изобрела¹. Экономической и политической, по преимуществу тайной властью они располагали такой, что никакие существующие на Земле официальные должности не могли их заинтересовать. Тем более что легитимно получить практически любую из них можно было хоть завтра. За исключением, может быть, тиары Папы Римского. Или короны наследственно правящих на

¹ Если не считать известного ещё древним римлянам и персам способа очищать желудок с помощью гусиного пера, после чего продолжать пиршество.

Западе и Востоке монархов. А что даже и в них проку? Бесконечная череда скучных, рутинных, донельзя формализованных обязанностей и никакой *подлинной* личной свободы. Возможность иметь триста наложниц и ужинать мясом хоть бывшего лучшего друга, хоть злейшего врага — это *ещё* не свобода.

А вот создать совершенно новую, ни в каких трудах самых великих мыслителей не описанную и не предсказанную формуацию и начать жить в ней и править исключительно по собственному усмотрению, не оглядываясь ни на какие законы, правила и традиции — в этом есть настоящий интерес.

Ещё и потому можно назвать этих людей романтиками, прежде всего — «основоположников» (их было не двенадцать, как «мудрецов» или христианских апостолов, а четырнадцать), что мало кто из них рассчитывал лично дожить до реализации своего проекта. Это, кстати, роднило их с теми правителями и архитекторами Средневековья, что затевали постройку очередного грандиозного собора, Реймсского или Кёльнского, отчётиливо представляя, что и труд свой и деньги тратят совершенно бессмысленно, поскольку даже внуки их внуков не увидят грандиозные проекты завершёнными¹. Попросту говоря — людьми дви-

¹ Первый из названных соборов строился около двухсот лет, второй — почти пятьсот. Для сравнения: Московский Кремль в его современном виде был выстроен, со всеми соборами, примерно за 30 лет. Римский Колизей — за восемь (72 — 80 гг. н.э.).

гала чистая идея, без всякого личного интереса, кроме посмертной славы и, возможно, загробного вечного блаженства.

Для реализации «Цели» были привлечены (без их ведома об истинном смысле происходящего) главы государств, учёные, экономисты, писатели, всевозможные тайные организации, политические и криминальные. Что заслуживает особого внимания — истинные цели и убеждения всех этих людей не имели для проекта особого значения. Как закоренелый преступник, так и записной альтруист, чуть ли не святым в белых одеждах, должным образом ориентированные, с энтузиазмом работали на генеральную идею, что коренным образом отличало это движение от многих других, имевших место в истории человечества.

В качестве примера можно привести тех же советских диссидентов и правозащитников ещё самого раннего разлива. Никаким образом не усомниться в чистоте помыслов и даже жертвенности лучших из них, нельзя не признать, что свою роль, отведённую им манипуляторами «Системы», они сыграли. При их активной помощи и участии одна из двух мировых сверхдержав (как бы к ней ни относиться объективно) была демонтирована, чем, парадоксальным образом, был открыт путь не к процветанию, а к ликвидации и её исторической соперницы. Что и входило в планы «теоретиков». Земля, лишённая двух своих «мировых жандармов» (все остальные претенденты на эту роль уже успешно приведены в ничтоже-

ство), очень быстро деградирует, несмотря на всё усилия остающихся ошмётков «цивилизованного мира», до уровня Экваториальной Африки. По сомалийскому образцу¹.

Потренировавшись на этом и ещё нескольких «лабораторных объектах», единомышленники и предшественники Сарториуса продолжили свои эксперименты, отрабатывая ещё более изощрённые методики. И всё у них пока получалось, что очевидно, если сравнить политическую и экономическую карту мира 1959-го и нынешнего годов².

В «реальности номер два» всё обстояло ещё лучше. Там половина мира и так жила почти при феодализме, достаточно было разрушить ТАОС, ввергнуть Россию и остальные державы в сильно отсроченную мировую войну — и vouloir³, как говорят французы.

Эти «успехи» выгодно отличали их от прекраснодушных и не очень «демократов» и либералов

¹ Сомали — великолепный пример того, как без особого труда можно ввергнуть государство, ещё сорок лет назад успешно двигавшееся по «некапиталистическому пути», в состояние даже досредневековое. А стартовым импульсом послужил вооружённый конфликт с таким же «социалистическим» государством, как Эфиопия. Тоже вполне успешно с тех пор деградировавшая.

² 1959 г. здесь берётся как точка отсчёта, вроде пресловутого 1913-го, потому что после него начинается обвальный процесс т.н. деколонизации. Большинство серьёзных исследователей признаёт, что в результате экономическое да и политическое положение жителей «освободившихся» стран значительно ухудшилось.

³ В у а л я — в данном контексте нечто вроде «соблаговолите получить».

всех мастей. Да и коммунистов тоже, ухитрившихся так задёшево провалить все свои выигрышные позиции на «мировой шахматной доске».

Либерал-демократы ведь, если отвлечься от «тонкостей вероучения», всегда во главу угла ставят примат личности над обществом и прав над обязанностями, отчего органически не способны к разумной самоорганизации и созданию сколь-нибудь действенных пропагандистских и управлеченческих структур. О каком «общем деле» можно говорить, если какой-нибудь «координационный совет объединённой оппозиции» способен полный рабочий день потратить на обсуждение вопроса: «Включать ли в повестку дня первым пунктом вопрос о повестке дня нынешнего собрания», да так и разойтись, не сумев найти консенсус.

В тех странах, где либералов, в соответствии с «базисной теорией неофеодализма», не считаясь с затратами, приводят к власти, их более-менее длительное существование обеспечивается достаточно устойчивыми государственными и общественными структурами, сохранившимися совсем с других времён. Но и их либеральные парламенты постепенно выедают изнутри, как гельминты — организм хозяина. И точно так же гибнут вместе с его смертью. Если хозяин, конечно, во время не примет эффективное и сильнодействующее средство.

Вот последние сорок лет достаточно умные, дальновидные и по-своему бескорыстные (поскольку у них и так было всё) люди занимались изготовлением такого лекарства. Причём должен-

ствующего не только истребить паразитов, исполнивших свою «историческую роль», но и кардинально изменить самого сапрофита.

Маркс верно писал о том, что капитализм сам готовит себе могильщика в лице пролетариата. На данном историческом этапе роль «могильщика» была определена так называемому «среднему» (впоследствии поименованному также «креативным») классу. Именно он был в состоянии «разрушить до основания» сложившееся к середине XX века мироустройство, причём таким образом, чтобы сами инициаторы процесса получили действительно неограниченную власть над всей планетой. По возможности без слишком затяжных, с «непредсказуемыми последствиями» социальных катаклизмов.

Задача, безусловно, крайне сложная, намного сложнее той, что стояла перед организаторами Первого и последующих «интернационалов»¹.

Самое интересное — это, по аналогии выражаясь, «внутреннее политбюро» или «малый совнарком» при достаточно прозрачной для тех, кому положено, «Системе» совершенно выпал из внимания и аггрев, и форзейлей. Едва ли слу-

¹ «Интернационал 1-й» — «Международное товарищество рабочих» (на самом деле — люмпен-интеллигенции), международная организация, основанная в 1864 г. Марксом и Энгельсом в Лондоне с целью уничтожения капитализма (см. «Манифест коммунистической партии»). Распался в 1876 г. После него было ещё четыре «интернационала». Третий («советский») распущен Сталиным в 1943 г. за не-надобностью. Четвёртый («троцкистский») распался естественным образом на множество крайне левацких групп, в т.ч. маоистских, полпотовских и др.

чайно, скорее всего, теми же Игроками или даже Держателями было устроено так, чтобы деятельность «Клуба» просто не выглядела чем-то целенаправленным, вообще осмысленным и организованным. Ну, происходят какие-то события, пусть даже меняющие привычную картину мира и вектор его развития, но мало ли как и что стихийно в обществе случается.

Как-то пришлось Фёсту затронуть подобную тему во время его ученичества у Шульгина. Не эту именно, на Сарториуса с его командой замкнутую, а шире — о форзелях и агграх вообще, об Игроках, как они представлялись, о смысле всего вокруг происходящего.

Вадим тогда, познавая основы миросустройства, с полным недоумением спросил, сопоставимо ли всё происходящее на третьей планете вполне захолустной звезды, относительно центра Галактики расположенной куда дальше, и значащей куда меньше, чем выселки в три двора где-нибудь в Забайкалье для московского бомонда, с интересами столь всемогущих существ?

— Мне с самого начала в вашей эпопее это чрезсур странным показалось, — сказал Фёст Шульгину, когда выдался у них в Форте Росс свободный вечер и они выехали порыбачить на довольно прличную горную речку. С ухой, ночевкой у костра и прочими скромными радостями жизни.

— Самое начало — там вроде всё как-то вяжется, а потом полные непонятки идут. Ну, на мой непросвещённый взгляд не бывает так, вот

и всё. Вас бы должны были походя прихлопнуть, как надоедливую муху, или просто перейти на недоступный вашему вмешательству уровень, только и делов.

— Вполне логично рассуждаешь, — согласно кивнул Шульгин, пуская в сторону костра дым из трубки. Тишина вокруг стояла потрясающая — на сотни километров вокруг ни единого, самого маленького населённого пункта, и казалось, что это каким-то образом влияет на уровень шума в этом конкретном месте. И плеск речной воды на перекате странным образом не разрушал ощущения царящего вокруг вселенского безмолвия.

— Мы сами сколько уже копий вокруг этой темы сломали, с самых первых дней, как на Валгаллу попали, а потом пищи для размышлений и дискуссий только прибавлялось, а сама окружающая действительность становилась всё страньше и страньше... До тех пор удивлялись, пока не пришли к поразительному по своей простоте выводу, ничего не объясняющему, но снимающему нервное напряжение: «Ну устроено именно для нас всё таким вот образом, и не с нашими мозгами судить о причине причин!» Как-то ещё в школьные годы я в «Знание — сила» прочитал стенограмму «Круглого стола» с участием известных тогда персон. Один мыслитель-метафизик доказывал, что наша Вселенная и уж тем более жизнь на Земле, по всем понятиям, существовать не может и не должна, уж слишком много всевозможных «природных» условий должно было совпасть, физических констант и прочего, чтобы

из неведомо какого протокосмического излучения материя возникла, потом звёзды, планеты и всё прочее. Теория вероятности подобного никаким образом не допускает.

А другой диспутант — из популяризаторов, таких тогда много было, не то что в нынешнее время — не вдаваясь в заумные тонкости, астрономами и физиками придуманные, чтобы умнее казаться, ответил, что если бы эти «законы и константы» не совпали таким вот невероятным образом, то и рассуждать бы некому было и не о чём. Мол, спустившись на землю из эмпиреев, можно констатировать, что наша дискуссия тоже явление абсолютно невозможное и невероятное, ибо немыслимое количество самых диких совпадений должно было произойти, чтобы каждый из уважаемых коллег вообще появился на свет в именно данной сущности, стал тем, кем он стал к настоящему моменту и в один и тот же момент времени оказался в этом зале и мог произносить слова «своей роли».

— Ну да, из той же оперы ответ, что известный стих: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый...»

— Примерно, — кивнул Шульгин.

— Но какое отношение...

— Самое прямое. Если бы не существовало в мире неких сил, заинтересованных в определённом развитии событий, и сам мир был бы устроен несколько иначе, ничего бы из того, что было, не случилось. Мы бы с тобой здесь не сидели, поскольку никаких иных возможностей у нас с тобой встретиться не было, ну и так далее. Учти, Ва-

дим, только при таком понимании жизни можно в ней существовать и даже чего-то добиваться, хоть в личном плане, хоть, как у нас говорили, «в общественном». Попав в штормовую прибойную волну, ты не задумываешься о законах гидродинамики и тем более телеологии, ты просто пытаешься не захлебнуться, удержаться на воде, уловить какую-то закономерность и либо успеть поднырнуть под волну и выскочить в единственно возможный момент на берег, либо — нет. Тогда говорить точно не о чем будет. Согласен?

— Ещё бы...

И вот сейчас вместо Шульгина с Фёстом разговаривал Воронцов, но суть сводилась примерно к тому же самому. Зачем и для чего нас поселили в мире именно с такими свойствами, нам понять не дано. Если Держатели обеспечивают существование подобной конструкции мироустройства в данном или «отдельно взятом» участке Гиперсити, значит, другой вариант им сейчас по какой-то причине не нужен. Очень может быть, что этот мир вообще существует, чтобы Игроки смогли довести до конца свою партию. Нельзя же играть в волейбол под открытым небом на астероиде — при первой же подаче мяч улетит куда-нибудь в сторону созвездия Лебедя. Вот и на Земле с другой биологией и психологией жителей именно эта игра была бы невозможна.

Но раз уж она идёт, и сколько попыток ни предпринималось из неё выскочить, все они заканчивались одинаково (как часто при попытке

проснуться ты просто попадаешь в новый сон), значит, проще, да, честно говоря — и интереснее очередной раз вмешаться в неё хотя бы на правах проходной пешки. Причём такой, что сама решает, когда ей шагнуть на последнюю горизонталь.

— ...Поговорили мы достаточно, — подвёл итог Воронцов, пора и с господином повидаться, вообразившим себя кукловодом. Был такой роман у Хайнлайна.

— Помню. А мы, значит, в роли того Отряда выступим?

— Обстановка покажет. Пока просто поговорить хочется...

— Я не против, а детали? — осведомился Фёст.

— Подожди минут десять, я выйду и вернусь...

Воронцов притворил за собой дверь кабинета, по длинному коридору прошёл в совершенно такой же, но находящийся уже по ту сторону. Он не хотел, чтобы Фёст видел, каким образом он общается с Замком. Не потому, что не доверял, просто считал, что лишнее знание, не принося немедленной пользы, может нечаянно сработать во вред. Как его носителю, так и окружающим. Это понимал Жюль Верн, потому и не смог никто из бесчисленных читателей приготовить нитроглицерин по его рецепту.

Вернулся, как и обещал, через указанный промежуток времени, но не один, а вместе с Арчибалдом.

— Вот, Вадим Петрович, в некотором роде виновник всех ваших с Секондом неприятностей...

Арчибалд сдержанно поклонился, аккуратно погрузился в кресло и сказал мягким приятным голосом:

— Можно и по-другому посмотреть. Если бы не я, не были бы вы «героями своего времени», не носили бы заслуженные кресты и погоны, ну и так далее.

— Не время сейчас вдаваться, — прекратил Воронцов начинающуюся речь мистера Боулнайза, который в «Хантер-клубе» мог разглагольствовать часами, держа в напряжённом внимании слушателей. — Мы прямо сейчас отправляемся в гости. Говорить буду по преимуществу я, а вы — задавать вопросы, если они по ходу возникнут.

— А также надувать щёки, — не удержался Фёст.

— Вот именно. Но денег просить не станем. Пока.

Господин Сарториус услышал непонятный шум на террасе и выглянул в окно. За столиком в тени сикомора, или как там называлось это дерево из семейства тутовых (в Библии, кажется, смоковница), рассказывалась странная компания неизвестно как попавших сюда людей, причём явно чувствовавшая себя как дома.

И одного из них Сарториус несомненно знал — мистер Боулнайз, мистическое существо, бессменный и, похоже, бессмертный член «Хантер-клуба», инициатор и вдохновитель многих

проведённых «Системой» операций, а также поставщик многих неизвестных на Земле предметов и идей. Снабдивший его тайной перемещения между реальностями.

Интересно, что означает его появление? И что за людей он с собой привёл?

«Властелин мира» почувствовал пока ещё лёгкое раздражение. Так они не договаривались. Встречались всегда на нейтральной территории и по предварительному соглашению. А это, можно сказать, вторжение...

— Спускайтесь к нам, Сарториус, — весёлым голосом крикнул сорокалетний примерно высокий мужчина в белом флотском кителе. — Прятаться не нужно и охрану вызывать тем более...

— Я неподходяще одет, — отозвался магнат. — Пять минут, и я буду готов.

— Таким образом, милейший Магнус Теофил, — подвёл итог их довольно затянувшейся беседы Воронцов, — считаем, что мы договорились. Минимум месяц вы продолжаете жить, как жили. Отдыхайте, наслаждайтесь природой, забудьте о том, что какая-то земля за пределами острова вообще существует. Нет ни США, ни Англии, ни России, ни императоров, ни президентов. Никаких звонков, никаких попыток бегства на подводной лодке или сигналов зеркальцем или фонариком на ваши личные спутники. Месяц — и всё. Потом мы снова встретимся и поговорим намного подробнее и предметнее, чем сегодня...

— И чем же вы рассчитываете обеспечить выполнение этого... условия?

По глазам было видно, что он хотел сказать «ультиматума», но сдержался.

— А как вы думаете? Вам мало тех чудес, что вам передал наш друг? — Дмитрий указал на Арчибальда. — Так это лишь малая часть того, чем мы располагаем. К примеру, что будет, если вдруг взорвётся заложенный в недра вашего милого острова ядерный заряд в десять килотонн? Никакого ущерба окружающей природе, кроме как вам — её неотъемлемой части. Весь мир подумает, что очередной Кракатау¹ взорвался. Бомба у нас чистая, почти без радиации. — Воронцов заметил, что Сарториус сделал протестующий жест и успокоил: — Но это на самый крайний случай. А так мы просто оставим с вами мистера Боулнайза. Он присмотрит, чтобы вы не делали опрометчивых поступков. Кроме того — он прекрасный собеседник и отличный кулинар...

Когда Фёст с Воронцовым вернулись в квартиру, Вадим автоматически потянулся к так и стоящей на столе бутылке, из которой никому, кроме Воловича — не налили.

— Нет слов, ваше превосходительство. Партия проведена блестяще. В стиле чемпиона. Но

¹ Кракатау — вулкан в Зондском проливе между островами Ява и Суматра. Во время извержения в 1883 г. выбросил 18 куб. км пепла. Вызванное взрывом цунами высотой свыше 20 м унесло жизни нескольких десятков тысяч человек. Волна обошла весь земной шар.

как вы решились оставить там Арчибальда на целый месяц. Он нам и здесь пригодился бы. Кроме того — а вдруг они опять сговорятся?

— Это вряд ли. Поскольку остался там никакой не Арчибальд, а его копия, макет, если угодно. Исполняет все функции прототипа в лучшем виде, но лишён каких-либо сверхъестественных способностей. Именно что сторож и дворецкий, не более.

— Ну спасибо, успокоили. Теперь у нас что осталось? Президент Ойяма? Лютенс уже должен стучать в его калитку.

— Давай посмотрим и на это представление. Признаться, я уже немного устал. Наливай. Закончим с этим пунктом нашей программы и предлагаю — на «Валгаллу». Отдохнешь, с новыми людьми познакомишься. Девушками по преимуществу.

Фёст посмотрел в ту сторону, где за нескользкими стенами располагалась комната Людмилы, и опасливо вздохнул.

Ойяма закончил пролистывать привезённые Лютенсом бумаги и поднял глаза на разведчика.

— А на словах вам что велели передать?

— Только одно. Россия хочет иметь с Америкой такие отношения, как при Рузвельте. Они помнят и наших инженеров на своих заводах, и фордовские машины¹, и войну, и ленд-лиз. «Хо-

¹ Выпукавшиеся на построенном американцами в Нижнем Новгороде автозаводе знаменитая «полуторка» («Форд А», «эмка» («Форд 8»), «коэлик» «ГАЗ-67».

лодную» и всё нынешнее согласны забыть. Всему миру станет лучше, а вы войдёте в историю наравне с Рузвельтом и Кеннеди. Они ещё сказали — для подтверждения серьёзности своих намерений могут с полным обеспечением вашего и чьего угодно алиби устраниТЬ любое лицо, на которое вы укажете. Физически или морально. Возможностей и компромата у них хватит на любого.

— Даже так? Вы сами в это верите? — спросил президент, уперев в Лютенса свои сверлящие зрачки.

— Абсолютно, сэр. Да и вы наверняка верите, если вам дали почитать подлинные документы о подготовке и провале нашего путча.

Ойяма вздохнул и откинулся в кресле. Потянулся за сигарой, Лерой тут же щёлкнул зажигалкой.

— Оставьте. Подайте мне каминную спичку.

Курил президент не менее пяти минут, тщательно выпуская дым и следя, чтобы столбик пепла не свалился.

— А что они посулили лично вам, Лютенс? — вдруг спросил президент, снова подавшись вперёд. Пепел отломился и упал на ковёр.

— Почти ничего, сэр. Должность консультанта в одном не имеющем отношения к политике научном институте, если вы меня выгоните со службы...

— А если я прикажу вас арестовать и судить как изменника и предателя?

— Едва ли у вас это получится, сэр. Личную безопасность русские мне гарантировали. И знаете что ещё... — Теперь уже разведчик доверительно наклонился к президенту. — Мне вдруг чертовски захотелось сделать что-нибудь действительно полезное и нужное для моей страны и всего мира... Русские, я вам скажу, своеобразные парни. Но с ними, я думаю, стоит иметь дело. Тем более, сэр, что России сейчас уже две. Но может быть и больше. Нам от них не отмахаться даже эйч-бомбами...¹

— Хорошо, Лютенс. Вас сейчас проводят отдохнуть, а я буду думать. Много думать, хотя мне ужасно осточертело это занятие...

— Неплохо, совсем неплохо, — сказал Воронцов Фёсту, досмотрев сюжет. — По моему, своё полковничье жалованье ты точно отработал, на десять лет вперёд.

— Вы думаете, я ещё десять лет прохожу в полковниках? Олег за «Мальтийский крест» обещал сразу генерал-адъютантов.

В кармане у Воронцова отрывисто запикал вызов аппарата прямой связи с «Валгаллой».

Дмитрий с минуту внимательно слушал, потом лицо его расплылось в широкой, почти «гагаринской» улыбке.

— Ты слышал, что мизера ходят парами? — спросил он у Фёста, наливая стаканчики до краёв.

¹ Употреблявшееся в пятидесятые годы кодовое название термоядерных (водородных) бомб.

- Ну? — осторожно ответил Вадим.
- Так у нас третий сразу выпал, на двенадцати картах неловленный, я так понимаю.
- То есть?
- Вахтенный радиоинженер сообщил, что экспедиция Новикова-Шульгина на связь вышла. Просят с нашей стороны проход открыть. У них что-то не срабатывает...

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том 2

ПУСТЬ КОНСУЛЫ БУДУТ БДИТЕЛЬНЫ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *Т. Остроумова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге кешесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Казакстан Республикасында дистрибьютор және енім бойынша арыз-талаңтарды қабылдаушының
екінші «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к., Домбровский кеш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251-58-12, вн.107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Өнімнің жарандылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация тұрағындағы сайтта: www.eksмо.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksмо.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 26.09.2014.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 12 000 экз. Заказ № 2847.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-76621-5

9 785699 766215 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru**

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля булавко-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-43/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Б». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибайтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.
В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdo-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Это из зрительного зала кажется, что марионетки пляшут сами по себе, а стоит зайти за кулисы, тут тебе и картонные домики, и барабан вместо грома, и кукловод, который, умело дергая за ниточки, создает целый мир и заставляет нас поверить в его реальность. Но кукловоду не всегда удается оставаться невидимым, приходит время и ему выйти на поклон к публике. Так получилось и на этот раз: третья сила, загадочный «кукловод», который постоянно вмешивался в дела «Андреевского братства», вынужден был проявиться и стать доступным для общения с оппонентами. Чем не замедлили воспользоваться Вадим Ляхов и Дмитрий Воронцов, каждый со своей стороны приложившие максимум усилий, чтобы наконец добраться до источника и инициатора глобальных комбинаций на шахматной доске истории. Станет ли эта партия решающей и для кого?

ISBN 978-5-699-76621-5

